
РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ, НАЧАЛО НАЧАЛ...

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

Заповедь Божья

Иван Ефимович, поднявшись из-за праздничного стола, подошел к детской кроватке, где барахтался шустрый малыш. На суровом лице старика мелькнула улыбка:

— Лиза, иди сюда!

— Чего тебе, Ефимыч?

— Смотри, жена моя, какого ты мне на старости лет красавца богатыря подарила! Давай погадаем по старому поверью, что ждет сына моего?

Елисавета Федоровна согласилась. Разложили на подносе крест, детскую саблю, рюмку и книжку и поднесли к ребенку. К чему первому малыш притронется, то и предопределяет его судьбу. Мальчик тотчас же потянулся к сабле, поиграл рюмкой, а прочего ни за что не захотел коснуться.

Иван Ефимович громко рассмеялся:

— Ну, думаю, дело плохо: будет мой сын рубакой и пьяницей.

Вспоминая рассказ своего отца о гадании, Антон Иванович Деникин на склоне лет писал:

«Гадание сбылось и не сбылось. “Сабля” действительно предредила мою жизненную дорогу, но и от книжной премудрости я не отрекся. А пьяницей не стал, хотя спиртного вовсе не чуждаюсь. Был пьян раз в жизни — в день производства в офицеры».

Воистину, пути Господни неисповедимы...

«Сим с приложением церковной печати свидетельствую, что в метрической книге Ловичской приходской Предтеченской церкви за 1872 год акт крещения младенца Антония, сына отставного майора Ивана Ефимовича Деникина, православного исповедания, и законной жены его, Елисаветы Федоровой, римско-католического исповедания, записан так:

в счете родившегося мужеска пола № 33-й, время рождения: тысяча восемьсот семьдесят второго года, декабря четвертого дня. Время крещения: того же года и месяца декабря двадцать пятого дня.

На подлинном подписал: Настоятель Ловичской приходской Предтеченской церкви священник Венъямин Скворцов».

Этим казенным языком было отмечено появление на свет и крещение в православную веру Антона Ивановича Деникина, человека, которому история отвела одну из ведущих ролей в судьбоносных для России событиях. Хотя его крестили в Ловиче, родился он 4 (16) декабря 1872 года¹ в городе Влоцлавске Варшавской губернии. Вернее, в пригороде его за Вислой — в деревне Шпеталь Дольный, в семье Ивана Ефимовича Деникина и Елисаветы Федоровны Вржесинской. Это была добропорядочная семья.

Как-то великий философ Ф. Ницше заметил, что мать — святое, а отец — почти всегда случайность. Трудно что-нибудь возразить мыслителю. И будет правильным начать рассказ о родителях Деникина с его матери. К сожалению, нам мало что известно о ней. Но все же.

Елисавета Федоровна Вржесинская — полька, происхождением из города Стрельно, который в описываемые времена в результате разделов Польши принадлежал Пруссии. Ее родители — обедневшие мелкие землевладельцы. Судьба занесла Елисавету Федоровну в пограничный город Петраково, где она добывала для себя и для старика, своего отца, средства к жизни шитьем. Там она и познакомилась с будущим мужем.

Антон Иванович очень любил свою мать. Он был с ней в долгой разлуке, длиною в два года, всего лишь два раза в жизни: в период обучения в военном училище и в годы Первой мировой войны. Мать жила с сыном со времени его производства в офицеры до конца своих дней. Смерть настигла Елисавету Федоровну в Киеве в 1916 году. В это время тот, кого она вырастила, воевал, заработал репутацию талантливого боевого генерала и командовал уже корпусом. Намного больше сведений об отце Деникина — Иване Ефимовиче, судьба которого во многом типична для поколения XIX столетия.

Он родился за семь лет до нашествия Наполеона на Россию, в 1807 году, а умер в 1885 году. На семьдесят восемь лет жизни Ивана Ефимовича выпали и позор крепостного права, и триумф русского оружия (Отечественная война 1812 г.), и его трагедия (Крымская война), и реформы Александра II и контрреформы Александра III.

Золотой век России. Век расцвета и начала заката Российской империи.

Судьба распорядилась так, что отец будущего генерала родился в семье крепостного крестьянина. Тянул Ефим Деникин крепостную лямку в имении помещика в Саратовской губернии да воспитывал трех детей. Третьего, младшего сына звали Иваном. Вероятно, прожил бы сын свою жизнь, как и отец. Но в судьбе Ивана, не по его воле, произошел крутой поворот: двадцати семи лет от роду он был сдан помещиком в рекруты. Это была трагедия!

Рекрутская повинность, как система комплектования армии царской России, введенная Петром I в 1705 году, была тяжким бременем. Рекруты, попавшие, как тогда говаривали «под красную шапку», навсегда рвали по живому родственные связи. Не избежал этой участи и Иван Ефимович. Его родители, правда, умерли раньше, чем забрали сына в рекруты. Но брат и сестра служивого разбрелись по свету. Где они, живы ли — Иван не знал. Только однажды, во время продвижения полка по России, судьба занесла его в тот город, где, как оказалось, жил его брат, удачно «вышедший в люди». Обрадовался служивый, пошел на квартиру брата, который в тот день собирал званый обед. Жена брата вынесла, однако, родственнику прибор на кухню, не пустив в покои. Встал солдат и ушел не простившись. С той поры братья никогда не встречались.

Что ж, знакомые картинки русского быта — «из грязи в князи».

Начал службу ратную Иван Деникин во времена Николая I, которого в народе прозвали Николаем Палкиным. Солдаты были тогда, как никто другой, унижены и оскорблены. За незначительные проступки их могли подвергнуть различным формам телесных наказаний: от самых изуверских — кнутом, плетью, шпицрутенами до розог, считавшихся самой легкой формой истязания. Наиболее страшное мучение — «прогнать сквозь строй», когда жертву вели между двух шеренг солдат, стоявших лицом друг другу, и каждый бил осужденного по спине шпицрутеном. За недостаточно сильный удар солдат мог разделить участь того, к кому он проявил милосердие, опуская на его спину орудие пытки. Такая экзекуция нередко заканчивалась смертью несчастного служивого. Иван Ефимович, рассказывая сыну об ужасах «прогонов сквозь строй», производивших на мальчика жуткое впечатление, заканчивал свои печальные повествования, по словам Антона Ивановича, с эпическим спокойствием, без злобы и осуждения и с обычным рефреном: «Строго было в наше время, не то, что ныне!»

За тридцать пять лет в строю Иван Ефимович Деникин повидал немало городов и стран. Принимал участие в Венгерском походе 1849 года, когда по просьбе императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа в апреле на территорию Венгрии были введены русские войска для подавления национально-освободительного движения. Крымская война 1853—1856 годов застала его фельдфебелем. К сожалению, кроме сухих записей в «Указе об отставке майора Деникина», никаких свидетельств его службы в то время мы не имеем. Скорее всего, он не был на передовой...

После 22 лет суровой солдатской службы Ивана Ефимовича вновь ждал крутой поворот судьбы. Он решил подать рапорт по команде на сдачу экзаменов на первый армейский обер-офицерский чин прапорщика². Со времен Петра Великого выходцы из низших слоев имели возможность стать офицерами в трех случаях: за боевые отличия; после окончания какого-либо военно-учебного заведения; после сдачи экзаменов на офицерский чин. Не только закон, но и традиции офицерского корпуса, который никогда не отличался ярко выраженным сословным характером, этому не препятствовали. В 1856 году Иван Ефимович с честью выдержал экзамен на офицерский чин, сдав, по существовавшему тогда порядку, чтение и письмо, четыре правила арифметики, военные уставы, письмоводство и Закон Божий, и в 49 лет стал прапорщиком. Тогда же получил назначение на службу в Калишскую бригаду пограничной стражи, а затем, после ее разделения на две части, — в Александровскую. Так оказался в Польше, где эта бригада тогда базировалась.

В те времена стража исполняла не только пограничную, но отчасти и военно-полицейскую службу. Этим объясняется непосредственное участие Ивана Ефимовича в подавлении восстания в Польше в 1863—1864 годах.

Скорее всего, отрядный офицер поручик Деникин не знал политической подоплеки восстания. Но он был офицером, верно служившим царю и Отечеству. Ему пришлось принять первый удар вооруженных сил польских повстанцев на русско-прусской границе. И сражался с мятежниками он доблестно. Поручик Деникин получил чин штабс-капитана и орден Станислава III степени с мечами и бантом. И было за что.

В мае 1863 года отряд мятежников до 200 человек пеших и конных под предводительством Рачковского во втором часу ночи внезапно атаковал небольшой гарнизон пограничного поста Пловки, состоявший из 40 объездчиков и 45 стражников. Пограничники выставили 60 человек против поляков, наступавших широкой цепью, а 25 оставили в ре-

зерве. Завязалась перестрелка, длившаяся около полутора часов. Заметив нерешительность повстанцев, командир пограничного отряда приказал Деникину, своему отрядному офицеру, разделить резерв на две части, перебросить их на фланги неприятеля и одновременно открыть огонь. Маневр поручик Деникин успешно осуществил. Повстанцы, думая, что попали в окружение, обратились в бегство. Со стороны пограничников убитых не оказалось.

Но не только воинскую доблесть и мастерство продемонстрировал в это время отец будущего вождя Белого движения. Он показал в экстремальных ситуациях свои лучшие человеческие качества.

Иван Ефимович стал обладателем информации о том, что в одном из приграничных имений, с владельцем которого он был в дружеских отношениях, происходит секретное заседание съезда заговорщиков. Деникин взял взвод пограничников и расположил в укрытии возле господского дома с кратким приказом:

— Если через полчаса не вернусь, атаковать дом!

Зная расположение комнат, прошел прямо в зал. Увидел много знакомых. Общее смятение... Кое-кто попытался Деникина обезоружить, но его удержали. Иван Ефимович обратился с речью к собравшимся:

— Зачем вы тут — я знаю. Но я солдат, а не доносчик. Вот когда придет время драться с вами, тогда уж не взыщите. А только затеяли вы глупое дело. Никогда вам не справиться с русской силой. Погубите только зря много народу. Одумайтесь, пока есть время.

Ушел.

Здесь уместно вспомнить примечательный случай, произошедший лет через пятнадцать лет после польского восстания. Иван Ефимович, находясь в поездке, остановился в придорожной корчме. Какой-то высокий плотный человек в медвежьей шубе долго и пристально вглядывался в него и вдруг бросился к нему и стал его обнимать.

Оказывается, во время самого восстания И. Е. Деникин не раз спасал молодых повстанцев — студентов, гимназистов, которые попадали в плен в большом количестве. Поиманным с оружием грозила ссылка, а то и похуже. Тем более что ближайшим начальником Деникина был некий майор Шварц — самовластный и жестокий немец. Потому Иван Ефимович, несмотря на то, что был исполнительным служакой, человеком крутым, горячим, на свой риск и страх, при молчаливом одобрении подчиненных приказывал, бывало, «всыпать мальчишкам по десятку розог» — больше для формы — и отпускал их на все четыре стороны.

Одного из таких «крестников» и встретил в придорожной корчме Иван Ефимович. Видимо, розги пошли тому на пользу...

После подавления польского восстания еще пять лет прослужил Иван Деникин в пограничной страже и в 1869 году вышел в отставку в чине майора. Не имея семьи, остался жить в приграничном городке Петрокове. Здесь он и познакомился с Елисаветой Федоровной Вржесинской, а в 1871 году сочетался с ней вторым браком (первая жена Ивана Ефимовича умерла).

Жизнь старого воина перевалила за ту черту, когда о продолжении военной карьеры думать не приходилось. К началу русско-турецкой войны шел ему семидесятый год. Иван Ефимович, заметно для окружающих, заскучал. Становился все более молчаливым, угрюмым и не находил себе места. Труба звала в поход старого служаку. И он, наконец, втайне от жены, подал прошение о поступлении вновь на действительную службу... Опечаленная семья об этом узнала, когда начальник гарнизона прислал бумагу — майору Деникину отправиться в крепость Новогеоргиевск для формирования запасного батальона, с которым ему надлежало отправиться на театр военных действий.

— Как ты мог, Ефимыч, не сказал ни слова... Боже мой, ну куда тебе, старику... — Елисавета Федоровна была в шоке.

Плакал и мальчик Антон. Однако в глубине души он гордился тем, что «папа мой идет на войну»...

Но война вскоре закончилась, и формирования не понадобились.

Вот какой старый воин и воспитывал на пару с Елисаветой Федоровной того, кому будет суждено сыграть немаловажную роль на сцене российской истории...

Детство Антона было тяжелым и безрадостным, под знаком вечной нужды. Прослужив всю жизнь, Иван Ефимович, скопив духовный капитал, богатства, однако, не нажил. Он получал пенсию в размере 36 рублей в месяц. На эти средства должны были существовать первые семь лет пятеро, а после смерти отца Елисаветы Федоровны — четверо членов семьи отставного майора. Нужда загнала Деникиных в деревню, где жить было дешевле и разместиться посвободнее. Но так как Антону к шести годам нужно было начинать школьное образование, семья переехала во Влоцлавск.

Деникины ютились в убогой квартирке: две комнаты, темный чуланчик и кухня. Одна комната считалась «парадной» — для приема гостей. Она же — столовая, рабочая и прочее. В другой, темной, комнате — спальня для родителей и Анто-

на. В чуланчике спал дед, а на кухне — нянька Полося. Пенсии, естественно, не хватало. Каждый месяц отставному майору приходилось занимать у знакомых 5—10 рублей. Зная добродетельность Ивана Ефимовича, ему давали охотно.

Однажды Елисавета Федоровна бросила мужу упрек:

— В этом месяце до половины не дотянем, а твой табак сколько стоит...

В тот же день Иван Ефимович бросил курить. Посерел, как-то осунулся, потерял аппетит и окончательно замолк. К концу недели вид его был настолько жалкий, что и жена, и сын стали просить старого майора со слезами начать снова курить. День упирался, на другой закурил. Все вошло в норму.

Был, правда, у главы семьи Деникиных маленький дополнительный источник дохода. Корпус пограничной стражи подчинялся не военному министру, а министру финансов. Министерство финансов изыскивало возможность платить офицерам, вышедшим в отставку, хоть и не каждый год, 100—150 рублей. В семью приходил настоящий праздник: возвращались старые долги, покупались кое-какие припасы, «перефасонивался» костюм матери, шились обновки сыну, покупалось дешевенькое пальто отцу.

Но покупка пальто доставляла ветерану-майору, скорее, душевные муки, чем радость. Ведь было оно, к величайшему огорчению старого воина, штатское... Военная форма обветшала, а денег на пошив не было. Осталась Ивану Ефимовичу одна радость — повидавшая виды старая военная фуражка, с которой никогда не расставался, да в сундуке лежали последний мундир и военные штаны. Одевались они лишь в дни великих праздников и особых торжеств и бережно хранились пересыпанные от моли нюхательным табаком.

— На предмет непостыдная кончины, чтобы хоть в землю лечь солдатом, — часто говаривал старый воин.

Слабое утешение: Иван Ефимович не был одинок в своем бедственном положении. Царское правительство никогда не проявляло должной заботы о материальном положении даже действующих офицеров, не говоря уж об отставниках. Думается, что князь Е. Трубецкой, находясь на военной службе в 1885 году, имел основания для оригинального вывода: русские армейские офицеры были по преимуществу люди, «обделенные десертом жизни». Он писал:

«Трудно себе представить жизнь во всех отношениях более бедную, чем ихняя».

Ясно, что такое бедственное положение семьи не могло не угнетать взрослеющего Антона. Но перед его глазами сто-

ял нравственный пример отца, который никогда не жаловался на судьбу. Антон тоже не проклинал свое бедственное положение. Но обида в глубине юной души «сидела». Мундирчик выкроен из старого отцовского сюртука, не слишком наряден... Готовальня с чертежными инструментами куплена на толкучке, не укомплектована и неисправна. Аппетитные дымящиеся колбаски, стоящие в училищном коридоре на буфетной стойке, недоступны. Летом нельзя купаться каждый день в Висле, ибо вход в купальню стоил целых три копейки, а на открытый берег родители не пускали...

Но в семье Деникиных, постоянно ведущей неравный бой с нуждой за выживание, была здоровая нравственная атмосфера. Жили Иван Ефимович и Елисавета Федоровна на редкость дружно. Жена заботилась о муже так же, как и о сыне, работала без устали, напрягая глаза за мелким вышиванием, что приносило какие-то ничтожные гроши. Это притом, что мать Антона периодически страдала тяжелой формой мигрени, которая прошла бесследно лишь к старости.

Ссорились супруги редко. А если и случались размолвки, то преимущественно по двум поводам. Иван Ефимович в день получения пенсии ухитрялся раздавать кое-какие гроши еще более нуждающимся — в долг, но, обыкновенно, без отдачи...

— Что же ты, Ефимыч, ведь нам самим есть нечего, — горько упрекала Елисавета Федоровна.

Вторым поводом для семейных баталий служила солдатская прямота отставного майора, с которой тот подходил к людям и делам. Возмутится Иван Ефимович человеческой неправдой и наговорит знакомым такого, что те перестают кланяться. Жена его в гневе:

— Ну, кому нужна твоя правда? Ведь с людьми приходится жить. Зачем нам наживать врагов?

В семейных распрях активной стороной всегда была жена. Муж защищался... молчанием. Молчал, пока супруга не успокоится и ссора сама собой не угаснет.

Иван Ефимович и Елисавета Федоровна смогли привить сыну религиозность, укрепить с малых лет веру в Бога. Отец Антона, человек глубоко верующий, не пропускал церковных служб и сына водил в церковь. С девяти лет мальчик с большой охотой прислуживал в алтаре, бил в колокол, пел на клиросе. Правда, Антон находился меж двух огней. Его мать была католичкой. Сын иногда ходил с матерью в костел, но только по собственному желанию.

«Если в убогой полковой церковке нашей я чувствовал все свое, родное, близкое, то торжественное богослужение в им-

позантном костеле воспринимал только как импозантное зрелище», — вспоминал Деникин.

Когда же польский ксендз на исповеди потребовал от матери, чтобы она тайно воспитывала сына в католичестве и «польскости», подросток сделал выбор: он больше не ходил в костел, укрепившись в православной вере.

Старый воин передал сыну и искреннюю любовь к Отечеству, свой единственный капитал, глубокое почитание государя. Для отставного майора слова «Отечество» и «Государь» были синонимами. Будущий вождь Белого дела воспитывался в духе мистического отношения к личности царя. В детстве ему посчастливилось увидеть императора Александра II, незадолго, кстати, до его трагической гибели. Встреча произвела на мальчика сильное впечатление. Еще бы, помазанник Божий находился всего в нескольких шагах! Но здесь произошел случай, несущий отпечаток перста судьбы.

Антон, видимо, от волнения забыл по прибытии поезда государя на станцию снять шапку. Конфуз! Но, кто знает, может быть, в этом акте на уровне глубин подсознания была заложена будущая эволюция взглядов Деникина на монархию и личность государя, ее олицетворяющую?

В семье, на фоне сложностей в русско-польских отношениях, Деникин в годы детства, отрочества, юности научился от родителей терпимому отношению к лицам другой национальности. Конкретно, к полякам и евреям. Отец Антона, прослужив в Польше 43 года, относясь к полякам и к их языку без всякого предубеждения, все понимал, но вовсе не говорил по-польски. Мать Антона впоследствии старалась изучить русский язык, много читала русских авторов, но до конца жизни говорила по-русски плохо. В доме отец говорил по-русски, мать по-польски. Сын же, не по чьему-либо внушению, а по собственной интуиции, — с отцом — по-русски, с матерью — по-польски. Терпимость к языкам перешла в терпимость к их обладателям. Никаких намеков и полунамеков на шовинизм от своих родителей сын не получал. Это и стало первоосновой построения Антоном отношений со своими нерусскими сверстниками.

Родители смогли привить Антону Ивановичу честность и благородство, хотя будущий генерал с малых лет познал все прелести социальной несправедливости. Надолго запал в душу мальчика случай, когда инспектор местного реального училища упрекнул старшего гимназиста, игравшего с ним, за то, что тот «возится с уличными мальчишками». Пример родителей, особенно отца, был лучшим образцом миропонимания.

В минуты нравственного выбора всплывал из глубин памяти сына светлый образ отца, человека, который не поучал, не наставлял, а просто общался с ним. Все, что рассказывал отец про себя и про людей, обнаруживало в нем такую душевную ярость, такую прямолинейную честность, такой яркий протест против всякой человеческой неправды и такое стоическое отношение ко всяким жизненным невзгодам, что все эти разговоры глубоко западали в душу сына, который обдумывал свое будущее житье.

Но силы покидали старого воина... К весне 1885 года Иван Ефимович был прикован к постели. Врачи вынесли приговор: рак желудка.

Навсегда осталось в памяти Антона Ивановича последнее отцовское напутствие:

— Скоро я умру. Оставляю тебя, милый, и мать твою в нужде. Но ты не печалься — Бог не оставит вас, будь только честным человеком и береги мать, а все остальное само придет. Пожил я довольно. За все благодарю Творца, только вот жалко, что не дождался твоих офицерских погон...

Умер майор пограничной стражи Деникин Иван Ефимович в страстную пятницу, а на третий день Пасхи его похоронили под звуки похоронного марша в исполнении музыкантов 1-го стрелкового батальона. Для могильной плиты приятель Ивана Ефимовича, ротмистр Ракицкий, составил надпись:

«В простоте души своей он боялся Бога, любил людей и не помнил зла».

Лучше, пожалуй, не скажешь...

Лег Иван Ефимович в землю, как и мечтал до последнего вздоха, солдатом. Жизнь продолжалась. И шел по ней Антон Иванович Деникин, храня в сердце светлый облик своего отца-офицера, его заповеди.

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В щастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут...*

М. В. Ломоносов

Родители сделали все необходимое, чтобы Антон получил приличное, по тому времени и возможностям родительского кошелька, образование. Они сами начали рано учить своего ребенка. К именинам Ивана Ефимовича, когда Ан-

тону исполнилось четыре года, Елисавета Федоровна подготовила мужу подарок: втихомолку выучила чадо русской грамоте.

После переезда семьи Деникиных из деревни в город сына отдали в городскую «немецкую» школу (ее называли так потому, что сверх обычной программы там преподавали немецкий язык). В памяти от этих лет осталось, пожалуй, одно — дома за провинности, допущенные в учебе, «не секли, а пилили». Но в 1882 году в жизни Антона произошло знаменательное событие: в возрасте 9 лет и 8 месяцев он выдержал экзамен в 1-й класс Влоцлавского реального училища. Начался новый этап в жизни отрока Деникина.

«Дома — большая радость. Я чувствовал себя героем дня. Надел форменную фуражку с таким приблизительно чувством, как впоследствии первые офицерские погоны. Был поведен родителями в первый раз в своей жизни в кондитерскую и угощен шоколадом и пирожными», — вспоминал на излете жизни старый генерал.

Но судьба подготовила ему испытание. Первое время он учился отлично. Будучи во втором классе, заболел оспой, потом скарлатиной с осложнениями и чуть не умер. Как следствие — серьезное отставание от товарищей и оставление на второй год в 5-м классе. Это был удар по самолюбию отрока. Он не знал, куда деваться от стыда.

Лето после своего фиаско в учебном году он провел в деревне. Не на отдыхе, а в качестве... репетитора. Пополняя скудный семейный бюджет, Антон упорно занимался математикой. Труд не пропал даром. В новом учебном году Деникин освоил математику, ставшую главной причиной позора второгодничества, на «пять». Он преодолел чувство «второсортности», обнаружил признаки волевых качеств.

Учеба в Ловичском реальном училище с «механико-техническим отделением», куда Антон поступил после окончания шести классов во Влоцлавске, — важная веха в его биографии. Антон постоянно совершенствовался. Характерная деталь: он добивался успехов не только в технических науках, но и гуманитарных. Подспудно стал проявляться писательский дар будущего талантливое военного писателя. Пока это только сочинения по литературе. В 13—14 лет состоялась проба пера в поэзии. На свет появились рожденные в муках стихи пессимистического содержания:

Зачем мне жить дано
Без крова, без привета.
Нет, лучше умереть —
Вот песня моя спета.

«Посылал стихи в журнал “Ниву” и лихорадочно томился в ожидании ответа. Так, злодеи, и не ответили. Но в 15 лет одумался: не только писать, читать стихи бросил — “Ерунда!”. Прелесть Пушкина, Лермонтова, других поэтов оценил позже. А тогда после Густава Эмара, Жюль Верна преждевременно перешел на “Анну Каренину” Льва Толстого — литература, бывшая строго запретная в нашем возрасте», — вспоминал Деникин.

Читает Антон много, но без последовательности и руководства: литературу по социальным проблемам; четвертому измерению и новейшими изобретениям техники. Однако политическими вопросами интересовался мало. В своих воспоминаниях он объясняет это тем, что «в умах и душах моих товарищей-поляков доминировала и все подавляла одна идея — «Еще Польша не сгинэла»... А со мной на подобные темы разговаривать было неудобно».

Основной мировоззренческий вопрос, который мучил юношу в 16—17 лет, — вопрос религиозный. В юной душе возникали сомнения. Речь идет не о вероисповедании. Его страстно волновал вопрос о бытии Бога. У учителей он не мог получить исчерпывающего ответа. Старый училищный священник отец Елисей был сам, наверное, не тверд в богопознании. По крайней мере, когда одноклассник Деникина обратился к нему с вопросом о бытии Бога, священник поставил ему двойку и пообещал срезать на экзамене. Тогда Антон, юный теософ, попытался самостоятельно найти ответ в Библии и... в атеистической литературе. Предоставим слово самому генералу:

«Много лет спустя, когда я учился в Академии Генерального штаба, на одной из своих лекций профессор психологии А. И. Введенский рассказывал нам:

— Бытие Божие воспринимается, но не доказывается. Когда-то на первом курсе университета слушал я лекцию по богословью. Однажды профессор богословия в течение целого часа доказывал нам бытие Божие: «во-первых... во-вторых... в-третьих»... когда вышли мы с товарищем одним из аудитории — человек был он верующий — говорит он мне с грустью:

— Нет, брат, видимо, божье дело — табак, если к таким доказательствам прибегать приходится...

Вспомнил я этот рассказ Введенского вот почему. Мой друг — поляк, шестиклассник, вопреки правилам, пошел на исповедь не к училищному, а к другому, молодому ксендзу. Повинился в своем маловерии. Ксендз послушал и сказал:

— Прошу тебя, сын мой, исполни одну мою просьбу, которая тебя ничем не стеснит и ни к чему не обяжет.

— Слушаю.

— В минуты сомнений твори молитву: «Боже, если Ты есть, помоги мне познать тебя».

Товарищ мой ушел из исповедальни глубоко взволнованный.

Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь (в 7 классе), буквально в одну ночь пришел к окончательному и бесповоротному решению: человек — существо трех измерений — не в силах осознать высшие законы бытия и творения. Отмечаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и православие.

Словно гора свалилась с плеч!

С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего».

Вряд ли стоит сомневаться в исповеди генерала. Написано на склоне лет. Притупилась боль утрат, горечь поражений. В таких ситуациях люди бывают достаточно искренними. Но Деникина нельзя относить к фанатичному типу верующих. Его убеждения во многом традиционны. В последующем в официальных документах, речах, уже будучи вождем Белого движения, он часто будет апеллировать к Богу, участвовать в религиозных ритуалах, посвященных военно-политическим и общественным событиям.

Однако реалии жизни, пытливый ум, ответственность лидера будут толкать его к стихийному материализму, диалектике. Например, он хорошо понимал диалектику материального и духовного в моральном факторе в войне, необходимость отделения от государства церкви, сочетания в обучении солдат гражданских и церковных начал. Еще в 1906 году, анализируя опыт русско-японской войны, Деникин высказал интересное замечание. Описывая эпизод, когда уральские казаки не хотели идти в бой, предварительно не захоронив товарищей, он констатирует, что в таком жестком деле, как война, не должно быть места сентиментальности, идущей во вред делу.

Но за реальными данными есть «целая область человеческого духа, не поддающегося учету и сравнению. Нужно помнить, что глубоко религиозные уральцы считали большим позором попасть в руки неприятеля и большим несчастьем умереть без погребения».

О материалистических тенденциях в мировоззрении Антона Ивановича говорят его рассуждения о поведении людей в экстремальных ситуациях на примере сражения под Мукденом в 1905 году в русско-японской войне. Он приходит к обобщению, что в тот момент можно было выделить два поведенческих типа людей: одни — не умеющие владеть настроением и языком, другие — чувствующие потребность распространять сенсационные слухи, подчас обывденные и

нелепые, иногда правдоподобные, рассчитанные только на эффект слушателей.

«При обычных условиях эти люди вредны, но при том исключительном положении, в котором находилась наша армия, они положительно опасны, и, нужно думать, сыграли не последнюю роль в неудачах под Мукденом».

Генерал видел, что религиозность русского народа в начале XX века пошатнулась. Это подтверждает анализ причин разложения русской армии в 1917 году, данный им в «Очерках русской смуты», где он обобщает, что крушение армии обусловилось крушением идеологического постулата: «За веру, царя и Отечество», лежавшего в основе военной идеологии. Он приходит к выводу, что в числе моральных элементов, поддерживавших русские войска, вера не стала началом, побуждавшим их на подвиг или удерживавшим от «развития впоследствии звериных инстинктов».

Интересные сведения имеются в воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченко) «Россия между верой и безверием». Высший генералитет Белого движения в 1919 году обсуждал вопрос о целях войны, дошли и до веры. По старому обычаю говорилось: «За веру, царя и Отечество». Хотели включить первую фразу (имеется в виду в документы Белого движения. — Г. И.) и теперь.

«Но генерал Деникин, как честный солдат, запротестовал, заявив, что это было бы ложью, фальшивой пропагандой, на самом деле этого нет в движении. С ним согласились, и пункт о вере был выброшен из проекта...»

Однако материалистические тенденции в мировоззрении вождя Белого движения не были доминирующими. Они, как правило, проявлялись в конкретных экстремальных ситуациях. Поэтому к «чистым материалистам» его отнести нельзя. Деникин был склонен, например, к философско-мистическим рассуждениям о проблемах жизни и смерти, случайности и фатуме и т. д.

Но все это будет потом. Вернемся в Польшу конца XIX века, где нас ждет юный Антон.

Жизнь его проходит не в простой обстановке — на фоне обостренных русско-польских отношений, связанных с обидной для поляков русификацией.

Особенно настойчиво она проводилась в сфере школьного образования. Так, Закон Божий католический ксендз обязан был преподавать полякам на русском языке; польский язык считался предметом необязательным, экзамена по нему не производилось, а преподавался он... на русском. В стенах образовательных учреждений и на ученических

квартирах строжайше запрещалось говорить по-польски — и виновные в этом подвергались наказаниям.

Антон Деникин интуитивно нашел золотую середину: с поляками стал говорить по-польски, с русскими товарищами — всегда по-русски. Учась в 7 классе Ловичского реального училища, Антон был старшим на ученической квартире. По должности от него требовалось заполнение месячной отчетности, в одной из граф которой значилось: «уличенные в разговоре на польском языке». Рискуюя быть смещенным с должности, он всякий раз записывал в отчет одно и то же: случаев разговоров на польском языке не было. Подобное не могло пройти незамеченным. Месяца через три Деникина вызвал директор училища:

— Вы уже третий раз пишете в отчетности, что уличенных в разговоре на польском языке не было...

— Да, господин директор.

— Я знаю, что это неправда.

Антон молчал.

— Вы не хотите понять, что этой меры требуют русские государственные интересы: мы должны обрусить и замирить этот край. Ну что же, подрастете и когда-нибудь поймете. Можете идти.

Сколько еще раз Антону Ивановичу придется на своем жизненном пути выбирать между совестью и целесообразностью, выдерживать испытание нуждой... Материальное положение семьи стало катастрофическим. После смерти отца пенсию семье срезали до 20 рублей. Антон нашел приработок: взял двух второклассников на репетиторство. За два урока получал 12 рублей в месяц. Никакого влечения он к педагогической деятельности не имел, и тяготили его эти занятия ужасно. Но этот приработок не мог обеспечить семье даже выживания. Года два как-то перебивались, но потом стало невмоготу. На «семейном совете» (мать, нянька, сын) решили испросить разрешения на держание ученической квартиры. Директор Ловичского реального училища Левшин такое согласие дал, определив 8 человек, каждый из которых платил 20 рублей в месяц. После стольких лет безденежья на Деникиных упала «манна небесная», появился достаток.

К этому времени относится и резкое изменение семейного статуса юноши. Антон стал равноправным членом семьи. Его больше никогда «не пилили». Мать делилась с сыном переживаниями, иногда советовалась по вопросам несложного домашнего быта семьи.

Завершалось школьное образование. Юный Антон свое

будущее определил сызмальства. Путь предрешен окончательно и бесповоротно. Он избрал путь русского офицера. По примеру отца.

Для моего героя будущая офицерская жизнь представлялась тогда в ореоле сплошного веселья и лихости, нескончаемой смены подвигов и удовольствий. Он наблюдал как корнет 5-го Уланского полка³, сидя на подоконнике с бокалом вина в руке, бурно приветствовал знакомых, проходивших по улице. Антон надеялся, что в один прекрасный день бравый офицер, которого звали Павел Карлович, снизойдет, наконец, до того, чтобы заметить своего соседа и перекинуться с ним несколькими словами.

Желание исполнилось, правда, 25 лет спустя... Начальник штаба Восточного отряда Маньчжурской армии полковник Деникин ежедневно докладывал командиру отряда генералу Павлу Карловичу Ренненкампу боевую обстановку и получал от прославленного военачальника исходные указания для подготовки к принятию решения на очередной бой.

Павел Карлович Ренненкампф... Человек с трагической, противоречивой судьбой. Он прекрасно проявил себя в Русско-японской войне, где русское оружие, однако, не приобрело для себя очередной славы. Потерпел полководческое фиаско на полях сражений Первой мировой войны, в Восточной Пруссии в 1914 году. Погиб в 1918 году.

Конечно, в юности Антон еще не осознавал всей ответственности и сложности избранного дела. Не мог он тогда видеть изнанки жизни офицерства конца XIX — начала XX века. Изнанки, столь ярко описанной Александром Ивановичем Куприным — отставным офицером, блестящим русским писателем, в повести «Поединок», увидевшей свет в 1905 года, когда Деникин уже воевал на сопках Маньчжурии. Офицерский корпус царской армии по-прежнему бедствовал, получал достаточно низкое денежное содержание, являвшееся для многих единственным средством существования (см. Приложение 1).

39 рублей 75 копеек в месяц — все, чем располагал армейский пехотный подпоручик образца 1886 года. Не густо! Даже с учетом того, что в конце XIX века порция супа в провинциальном трактире стоила 9 копеек, мясо, тушенное с картошкой, — 8 копеек, гречневая каша — 2 копейки, хороший костюм в столице — 8 рублей, пальто — 11 рублей, швейцарские часы — 10 рублей. Как тут опять не процитировать профессора-острослова Ключевского: *«Служебное жалованье превращается в государственную милостыню голодающим»...*

Но жребий уж брошен!

ЮНКЕР ДЕНИКИН

Путь в десять тысяч ли начинается с первого шага.

Китайская мудрость

В читальном зале Российского государственного военно-исторического архива хранится дело № 171957 «Послужной список старшего адъютанта штаба 2-й пехотной дивизии генерального штаба капитана Деникина 1903 г. № 140000».

На первой странице читаем:

«В службу вступил вольноопределяющимся в стрелковый полк в июле 1890 г. Командирован в Киевское пехотное юнкерское училище для прохождения военно-училищных курсов, куда и прибыл, где и переименован в юнкера в сентябре 1890 года».

В конце XIX века в России существовала система подготовки кадров для замещения первичных офицерских должностей в вооруженных силах через сеть военных и юнкерских училищ.

Военные училища имели однородный состав по воспитанию и образованию, так как комплектовались из состава выпускников кадетских корпусов — привилегированных средних общеобразовательных военно-учебных заведений закрытого типа. После трех лет обучения им присваивался первый офицерский чин (подпоручик, корнет). Они направлялись для прохождения дальнейшей службы во все рода войск. Обычно отзывы об офицерах, окончивших военные училища, были положительными. Командующий Варшавским округом генерал-фельдмаршал В. И. Гурко в отчете Военному министерству за 1892 год писал, что за последние годы уровень офицеров пехоты значительно повысился, так как юнкера из военных училищ направляются в армейские части.

Юнкерские училища, существовавшие в императорской России с середины XIX века до 1910 года, имели неоднородный социальный состав: с 1874 года в них стали принимать представителей всех сословий. Как следствие, огромное число юнкеров, зачисленных в училища, не имели среднего образования. После двухлетнего обучения выпускникам юнкерских училищ присваивался чин подпрапорщика (подхорунжего)⁴. Они направлялись на службу только в пехоту и кавалерию. По состоянию на 1874 год в России насчитывалось 16 юнкерских училищ. В 80-х годах XIX века соотношение выпускаемых из военных и юнкерских училищ было 26 и 76 процентов.

Ясно, что юнкерские училища были «второсортными» и не могли обеспечить необходимый уровень профессиональной подготовки выпускников. В отчете военному министерству за 1892 год командующий Киевским военным округом генерал М. И. Драгомиров писал, что в юнкерские училища поступают юноши, в большинстве кое-как окончившие четыре класса гимназии и выдержавшие немудреный экзамен и приобретя права вольноопределяющегося 4-го разряда. Эти молодые люди слабохарактерны, неспособны к работе и недостаточно развиты: в военные идут потому, что всякая другая деятельность, обеспечивающая существование, для них закрыта.

«Таким взрослым недоучкам, на мой взгляд, не место в армии. Помочь делу можно было бы, увеличив для них образовательный ценз».

Военное министерство соглашалось с мнением Драгомирова, отмечая, что умственное развитие юнкеров «признается, в общем, лишь удовлетворительным».

Пытаясь как-то поправить положение дел, правительство решило организовать военно-образовательные заведения третьего типа — юнкерские училища с военно-училищным курсом. В 1888 году такие курсы были открыты в Московском юнкерском училище. Права и программы были те же, что и в военных училищах. Туда принимались вольноопределяющиеся, то есть лица с законченным средним или высшим образованием, добровольно поступившие на военную службу солдатами. Сеть подобных заведений расширялась. Однако и военно-училищные курсы, которые, по замыслу их создателей, должны были улучшить подготовку юнкеров, до конца эту задачу не выполнили.

Теперь ясно, почему в 1890 году Деникин четыре месяца прослужил вольноопределяющимся в 1-м стрелковом полку, дислоцировавшемся в Плоцке.

Итак, год 1890-й. Киев, пехотное юнкерское училище. Антон Иванович пересекает ворота старинного крепостного здания со сводчатыми стенами-нишами, с окнами, обращенными на улицу, с пушечными амбразурами, глядевшими в поле, к Днепру. Здесь собралось 90 человек, зачисленных на военно-училищные курсы. Для классных занятий их распределили по трем отделениям с особым составом преподавателей, а во всех прочих отношениях — размещения, довольствия, обмундирования — новоиспеченных юнкеров слили с юнкерами «юнкерского курса». Конечно же, кто занимался по программе юнкерского курса, невольно вызы-

вали ревнивое чувство преимущества по правам выпуска, гарантированным 90 счастливцам.

Антон Деникин, приобщившийся к военному быту с детства, не слишком тяготился юнкерским режимом, чего нельзя было сказать о многих его однокашниках.

В основу юнкерского режима была положена жесткая воинская дисциплина. За проступки накладывались строгие взыскания: от лишения отпускного дня (раз в неделю) до отчисления из училища. Отчисляли главным образом за самовольные отлучки и за пьянство. Причем пьянства как сколько-нибудь широкого явления в училище не было. Юнкерская психология воспринимала наказания за пьянство как нечто суровое и неизбежное. Но преступности в этом общественное мнение не видело. Ведь юнкера — это молодые люди в возрасте 18—23 лет, а на юнкерском курсе кое-кому было и под 30. Вольноопределяющиеся, познавшие дух казармы, знали, что такое в армии выдача «казенной чарки водки».

Незыблемые основы воинской дисциплины — исполнение прямого приказа и чинопочитание. Между офицерами и юнкерами существовала большая дистанция. Начальники приказывали, следили за выполнением приказа и карали за его нарушение. Во внеслужебное время у Деникина и его товарищей не было общения с училищными офицерами.

Воинская дисциплина, при всей ее строгости, в стенах училища приобретала некоторый специфический оттенок благодаря традициям юнкерских коллективов. Традиции — это обоюдоострое оружие. Они могут нести в себе как заряд огромной нравственной силы, так и разрушительной энергии. Под их воздействием в юнкерской среде сложились неписанные правила поведения, выпадавшие из системы координат воинских уставов.

Обман вообще, и в частности наносящий кому-либо вред, считался нечестным. Но обманывать учителя на репетиции или экзамене разрешалось. Самовольная отлучка или рукопашный бой с «вольными», с употреблением в деле штыков, где-нибудь в подозрительных предместьях Киева, когда надо было выручать товарищей или «поддержать юнкерскую честь», вообще действия, где проявлены были удаль и отсутствие страха ответственности, встречали полное одобрение в юнкерской среде. И наряду с этим кара за них, вызывая сожаление, почиталась все же правильной... Особенно крепко держалась традиция товарищества в одном его проявлении — «не выдавать». Когда один из товарищей Деникина сильно побил доносчика и был за это пе-

реведен в «третий разряд», не только товарищи, но некоторые начальники старались выручить его из беды, а побитого преследовали.

Необходимо особо подчеркнуть, что многие юнкера были выходцами из бедных слоев населения.

Из воспоминаний А. И. Деникина:

«Ввиду того, что по содержанию нас приравняли к юнкерскому курсу, жили мы почти на солдатском положении. Ели чрезвычайно скромно, так как наш суточный паек (около 25 копеек) был только на 10 копеек выше солдатского; казенное обмундирование и белье получали также солдатское, в то время плохого качества. Большинство юнкеров получали из дому небольшую сумму денег (мне мать присылала 5 рублей в месяц). Но были юнкера бездомные или очень бедных семей, которые довольствовались одним казенным жалованьем, составлявшим тогда в месяц 221/2 (рядовой) или 331/2 копейки (ефрейтор). Не на что было купить табаку, зубную щетку или почтовые марки. Но переносили они свое положение стоически».

В такой обстановке юнкера могли хорошо подготовиться к одной характерной особенности обер-офицерской жизни, что ждала их в войсках, — вечное безденежье. И хотя до 1917 года жалованье офицеров повышалось дважды, можно вполне согласиться с Деникиным, что «стандарт офицерской жизни всегда стоял на низком уровне».

Поступление Антона Ивановича именно в Киевское училище можно расценивать как подарок судьбы. Дело в том, что Киевским военным округом командовал Михаил Иванович Драгомиров (1830—1905)... Русско-турецкая война показала блестящую подготовку его 14-й дивизии и создала ему заслуженную боевую репутацию — генерал от инфантерии, бывший начальник Академии Генерального штаба, герой Балканской войны, почетный член университетов Москвы, Киева, военных академий Франции и Швеции, автор лучшего учебника русской полевой тактики, человек высочайшего гражданского мужества.

Это не кто иной, как он, Михаил Иванович, не побоялся вступить в наиострейший конфликт с самим императором! Когда в Киеве начались волнения революционной молодежи, царь велел направить против студентов войска. Драгомиров ответил:

«Войска не обучены штурмовать университеты».

Тогда царь приказал! Михаил Иванович приказ исполнил и, окружив университет пушками, продиктовал царю телеграмму:

«Ваше величество, артиллерия в готовности, войска на боевых позициях, противники Отечества не обнаружены».

Какие здесь могут быть комментарии, кроме восхищения?

Вклад генерала Драгомирова в историю военно-педагогической мысли России имеет непреходящее значение. Многие положения его военно-педагогического наследия не потеряли актуальности и сегодня. Кто будет, например, оспаривать такое мнение прославленного генерала:

«Побольше сердца, господа! В бою на одной казенщине далеко не ускачете. А кто не бережет солдата, тот не достоин чести им командовать»?!

Не стоит, конечно, делать из Михаила Ивановича икону. Был он человек сложный, по образному выражению военного историка русского зарубежья А. А. Керсновского, «яркий, хоть и парадоксальный». Но тот факт, что Киевский военный округ времен Драгомирова был кузницей передовых военных идей, явно не из разряда случайностей, которые невозможно познать.

Будучи мастером военной дидактики, генерал Драгомиров один из главных своих постулатов сформулировал так:

«В мирное время солдата надобно учить тому, что предстоит ему делать во время войны».

Все остальное уже лишнее, доказывал он, и все лишнее будет мешать солдату на поле боя. А что бесполезно на войне, то вредно вводить в практику обучения.

И вот Драгомиров углядел в военном училище, расположенном в непосредственной близости от его штаба, замечательную возможность проверить свои военно-педагогические инновации. Участником одного такого грандиозного военно-педагогического эксперимента стал и Антон Деникин. Его юнкерская рота участвовала в проводившихся впервые в русской армии учениях с боевыми патронами и стрельбой артиллерии через голову пехоты. Артиллеристы, по-видимому, нервничали, и снаряды падали в опасной близости от цепей. Но в юнкерских рядах не произошло ни малейшего замешательства, и учение прошло блестяще.

Не обошлось, как часто бывает в военной педагогике, и без курьезов. Генерал Драгомиров, произведя однажды смотр училищу, нашел полный беспорядок и прогнал ошеломленных юнкеров с плаца. Было очень обидно. Гнев командующего, как выяснилось позже, был напрасным. Дело в том, что к моменту его появления в училище по учебной программе были пройдены только взводные учения, а Драгомиров, не зная этого, приказал провести батальонное. Не-

доразумение, впрочем, скоро разъяснилось. Зато какая радость охватила всех юнкеров, когда в другой раз на маневре генерал горячо поблагодарил их.

На всю жизнь запомнит Антон Иванович эту благодарность. А не пройдет и двадцати лет, как он сам, став полковником, командиром полка, будет проводить полковые учения по оригинальной методике, разработанной на основе педагогических инноваций генерала Драгомирова.

На тех полковых учениях полковник Деникин, конечно, не мог себе представить, что через каких-то десять лет он, признанный вождь белого юга России, предпримет попытки обуздать Отечество, вздыбленное революцией, а помогать ему станет его непосредственный подчиненный — генерал Абрам Михайлович Драгомиров, сын прославленного военного педагога. Воистину, мир тесен...

В училище неукоснительно соблюдалось еще одно из педагогических требований генерала Драгомирова — интенсивность учебного процесса. Заметим сразу: осваивал учебную программу Деникин хорошо. Свидетельство тому — его производство за отличные успехи в унтер-офицеры уже через семь месяцев после поступления (см. Приложение 2). Правда, здесь необходимо внести некоторую ясность. Генерал вспоминает, что его якобы на первом курсе из-за шероховатостей в личном поведении не произвели в училищные унтер-офицеры. Это случилось лишь по окончании второго курса, незадолго до производства в офицеры. Однако послужной список Деникина, сохранившийся в РГВИА⁵, свидетельствует: Антон Иванович ошибся.

В то же время в системе обучения будущих офицеров наблюдался удивительный перекося: из 18 предметов обучения только 4 были гуманитарными (Закон Божий, русский язык, история, история русской армии). Подобная односторонность не лучшим образом сказывалась у обучающихся на понимании гуманитарных проблем.

Юнкерам не преподавалась самая важная учебная дисциплина — военная психология и педагогика. Хотя генерал Драгомиров в своем знаменитом «Учебнике тактики» всемерно подчеркивал, что так нужно знать солдата, как знал его Суворов. Особенно прославленный военный педагог указывал именно на значение доверия солдат к офицерам. Та армия, в которой офицер пользуется доверием солдат, по словам генерала Драгомирова, представляет «высшую степень совершенства армейского организма». А как такого можно достичь, не опираясь на знания военной психологии

и педагогики? Но в стенах военных училищ юнкера не получали элементарных навыков работы с людьми и, став офицерами, не знали, как обучать и воспитывать солдат.

Но тем не менее именно в стенах училища Антон Иванович приобрел возможность стать высококлассным профессионалом. Помогла личная целеустремленность будущего военачальника, широта его интересов. Деникин удачно сочетал усвоение учебной программы с систематическим и настойчивым самообразованием. Это позволило ему, по личной оценке, окончить училище с «достаточными специальными знаниями для последующей службы».

В основу формирования нравственности юнкеров были положены: воспитание истинно русского патриотизма, любовь к Отечеству и государю, готовность защищать их не щадя жизни; привитие норм поведения, соответствующих Кодексу офицерской чести, начинавшемуся с таких слов:

«Офицер есть благородный защитник Отечества, имя честное, звание высочайшее. Честь — его внутреннее достоинство, верность, доблесть, благородство души, чистая совесть, почет и уважение».

При этом юнкеров всячески оберегали от политики. Такая стратегия царского правительства вполне объяснима. В любой армии мира место офицера в строю, а не на трибуне партийного собрания. Но русская общественно-политическая жизнь бурлила, а царское правительство, пытаясь заблокировать проникновение политики в юнкерскую казарму, сделало ставку исключительно на жесткую воинскую дисциплину и максимальную изоляцию будущих офицеров от внешнего мира.

Власть имущие твердо верили, что их меры по отгораживанию армии от политики достаточно эффективны. И тому имелись некоторые основания. Студент Петербургского университета Н. Лепешинский, брат известного социал-демократа, был исключен из университета за революционную деятельность без права поступления в какое-либо учебное заведение, словом — с «волчьим билетом». Лепешинский сжег свои документы и держал экзамены за среднее учебное заведение экстерном, в качестве имеющего домашнее образование. Получив свидетельство, поступил в Московское военное училище. После нескольких месяцев обучения он был вызван к инспектору классов капитану Лобачевскому:

— Это вы?

Лепешинский побледнел: на столе лежал список политически неблагонадежных лиц, периодически рассылаемый

министерством народного просвещения, и в нем — подчеркнутая красным карандашом его фамилия...

— Так точно, господин капитан.

Лобачевский посмотрел ему пристально в глаза и сказал:

— Ступайте.

И больше ни слова.

Велика должна была быть уверенность Лобачевского в «иммунитете» военной школы, чтобы не применять санкций против Лепешинского. В данном случае он не ошибся: юнкер из «черного списка», став офицером, служил усердно, в японскую войну дрался доблестно и был сражен неприятельским снарядом.

Однако можно привести и массу других примеров диаметрально противоположного характера. Ведь не на пустом месте, скажем, выросли несколько сотен офицеров, преданных суду по политическим составам преступления в 1904—1907 годах.

Когда власти всячески ограждали юнкеров от политики, то они в конечном итоге вносили свою печальную лепту в деформацию духовных основ личности будущих офицеров. Антон Иванович с грустью вспоминал, что ни училищная программа, ни преподаватели, ни начальство не задавались целью расширить кругозор воспитанников, ответить на их духовные запросы. Правда, военная школа, по мнению Деникина, уберегла своих питомцев от «духовной немочи и от незрелого политиканства».

Так пролетели два года учебы; приближался выпуск в офицеры. Перед выходом в последний лагерь происходил важный в юнкерской жизни акт — разбор вакансий. В списке по старшинству в голове помещались фельдфебели, потом училищные унтер-офицеры, наконец, юнкера по старшинству баллов.

Антон Иванович вышел на финишную прямую с выпускным балом 10,4 и был зачислен в число выпускников I разряда, что обеспечивало хорошую вакансию при назначении на службу в войска. На «юнкерской бирже» вакансии котировались в такой последовательности: гвардия — 1 вакансия; полевая артиллерия — 5—6 вакансий; инженерные войска — 5—6 вакансий; остальные — пехота. А. И. Деникин взял вакансию во 2-ю артиллерийскую бригаду, дислоцированную в городе Беле Седлецкой губернии, которая впоследствии по Рижскому мирному договору (март 1921) перешла к Польше.

Судьба разбросала его однокашников по всему свету, по разным странам. Что характерно: лишь двое юнкеров 1892 го-

да выпуска, кроме самого будущего вождя Белого движения, выдвинулись на военном поприще. Не случайно, однако, рассказывает Антон Иванович о них в своих воспоминаниях. Судьбы этих людей несут в себе символическую нагрузку.

«Военно-училищный курс окончил тогда, выйдя подпоручиком в артиллерию, Павел Сытин. Впоследствии тот прошел курс Академии Генерального штаба и был возвращен в строй. В конце Первой мировой в чине генерала командовал артиллерийской бригадой. С началом революции неудержимой демагогией и «революционностью» ловил свою фортуна в кровавом безвременье. И преуспел: поступив одним из первых на службу к большевикам, занял вскоре, но ненадолго, пост главнокомандующего Южным красным фронтом.

Это он вел красные полчища зимой 1918 года против Дона и моей Добровольческой армии...

Юнкерский курс окончил, выйдя подпрапорщиком в пехоту, Сильвестр Станкевич. Свой первый Георгиевский крест он получил в китайскую кампанию 1900 года, командуя ротой сибирских стрелков, за громкое дело — взятие ими форта Таку. В Первой мировой войне он был командиром полка, потом бригады в 4-й стрелковой «Железной дивизии», которой я командовал, участвуя доблестно во всех ее славных боях; в конце 1916 года принял от меня «Железную дивизию». После крушения армии, имея возможность занять высокий пост в нарождавшейся польской армии, как поляк по происхождению, он не пожелал оставить своей второй родины: дрался искусно и мужественно против большевиков во главе Добровольческой дивизии в Донецком бассейне против войск... Павла Сытина. Там же и умер. Трагическое раздвоение старой русской армии: два пути, две совести».

Сухие строки, выведенные каллиграфическим почерком в «Послужном списке старшего адъютанта штаба 2-й пехотной дивизии Генерального штаба капитана Деникина 1903 г. № 140000», гласят:

«По окончании курса наук высочайшим Приказом, составленным в 4 день августа 1892 года, произведен в подпоручики с направлением во 2-ю артиллерийскую бригаду».

А о том, что кроется за этими сухими строчками, Антон Иванович оставил потомкам интересный рассказ:

«Близится день выпуска. Мы чувствуем себя центром мироздания. Предстоящее событие так важно, так резко ломает всю жизнь, что ожидание его заслоняет собою все остальные интересы. Мы знаем, что в Петербурге производство обставлено весьма торжественно, происходит блестящий па-

адмирал Гусевский и министр юстиции XIX — начала XX века
поздравляет призываемых. Как орудие — неизбе-
жн. мысль:

«В истории иммигрантов зафиксирована ясность, которую презюмирует
4 августа вдруг разносится по лагерю весть, что в Петер-
бурге производство уже состоялось, несколько наших юнкеров
получили от родных поздравительные телеграммы... Восторг и
горечь: про нас забыли... Действительно, вышло какое-то не-
доразумение, и только к вечеру второго дня мы услышали звон-
кий голос другого юнкера:

— Господам офицерам строиться на передней линии.

Мы летим стремглав, на ходу застегивая пояса. Подходит
начальник училища, читает телеграмму, поздравляет нас с
производством и несколькими задушевными словами напутству-
ет нас в новую жизнь.

И все.

Мы несколько смущены и как будто растеряны: такое не-
обычайное событие, и так просто, буднично все произошло...
Но досадный налет скоро расплывается под напором радост-
ного чувства, прущего из всех пор нашего преображенного су-
щества. Спешно одеваемся в офицерскую форму и летим в го-
род. К родным, к знакомым, а то и просто в город — в шумную
толпу, в гудящую улицу, чтобы окунуться с головой в полуза-
претную доселе жизнь, несущую — так крепко верилось —
много света, радости, веселья.

Вечером во всех увеселительных заведениях Киева дым сто-
ял коромыслом. Мы кочевали гурьбой из одного места в другое,
принося с собой буйное веселье. С нами большинство училищ-
ных офицеров. Льетса вино, затеваются песни, сыплются вос-
поминания... В голове — хмельной туман, а в сердце — такой
переизбыток чувств, что взял бы вот в охапку весь мир и рас-
целовал!

Потом люди, столики, эстрада — все сливается в одно
многогранное, многоцветное пятно и уплывает»...

Учеба Антона Ивановича Деникина в Киевском юнкер-
ском пехотном училище на военно-училищных курсах в
1890—1892 годах — важная веха в его биографии. В войска
поступал молодой офицер с хорошей профессиональной
подготовкой и морально-психологической закалкой, необ-
ходимой для дальнейшей военной службы. Деникин не
только не растерял, но и приумножил положительные каче-
ства своего характера, сформированные главным образом
посредством семейного воспитания: честность, благородст-
во, демократичность. Это и есть главный итог.

Впереди — новая страница биографии.

лись на состоянии ее вооруженных сил. Отмена крепостного права в 1861 году дала мощный импульс развитию капитализма, ростки которого появились значительно раньше. Либерально-демократические реформы Александра II способствовали эволюционному обновлению общества. Резко усилилось и революционное движение, в котором террор народников уступал место быстро распространявшемуся марксизму. Это стало причиной того, что Александр III начал контрреформы, развернув наступление реакции по всему фронту. Особых успехов между тем он не добился. Страна вступила в полосу эпохальных экономических, социально-политических и духовных перемен, венцом которых стал 1917 год.

В русской армии, а это в начале XX века 1 миллион 100 тысяч человек, семья армейских офицеров, в которую влился молодой подпоручик Деникин, являлась очень большой. Если в 1881 году офицерский корпус насчитывал 30 800 человек, то к 1903 году численность его достигла уже 41 965 человек. В конечном итоге один офицер приходился на 24 солдата. В период Русско-японской войны офицерский состав несколько уменьшился, но вскоре численность его восстановили, и накануне Первой мировой войны в строю русской армии находилось 51 417 генералов и офицеров.

Царское правительство считало, что количественное увеличение офицеров позволит качественнее выполнять задачи мобилизационного развертывания. Увы, количество не всегда переходит именно в прогнозируемое качество. Русско-японская война показала: лик офицерства обезображен всевозможными гримасами кризиса.

Несовершенная система подготовки офицерских кадров привела к падению военного профессионализма. Он стал, без сгущения красок, очень низким. К 1904 году, то есть накануне Русско-японской войны, все чаще командующие военных округов сетовали на снижение образовательного уровня своих офицеров. Так, в Варшавском военном округе к концу 1905 года только в гвардии все офицеры имели среднее и высшее образование, а в пехоте и кавалерии всего от 5 до 40 процентов. Неудовлетворительным был уровень подготовки даже у офицеров высшего звена. В упоминавшемся ранее отчете генерала М. И. Драгомирова отмечалось, что в военных кругах, начиная с бригадных командиров, все еще много таких, которые в мирное время бесполезны, а в военное будут вредны.

Неграмотность высших военачальников часто принимала протескные формы. В воспоминаниях протопресвитера рус-

ской армии и флота Г. Щавельского отмечается, что, находясь на Маньчжурском театре военных действий в 1905 году, он наблюдал, как командующий Приамурским военным округом П. Н. Миневиц, увидев гаубицу, спрашивал: что это за орудие? Он не умел как следует читать карту, не понимал движения поездов по графику. Среди командиров полков и бригад, пишет мемуарист, иногда «встречаются полные невежды в военном деле». Начальник штаба 1-го армейского корпуса генерал Н. Пашкевич о своем командире Ф. Б. Мейендорфе говорил как о невежественном, незнакомом даже с Положением о полевом управлении войск, престарелом генерале, которому «скорее место в мавзолее, чем в строю»⁷.

Отрицательно сказывалось на качестве офицерского корпуса и замедленное чинопроизводство, особенно в армейской пехоте. Об этом вспоминают бывшие российские военные министры А. Н. Куропаткин и А. Ф. Редигер. Первый в своем дневнике рассказал, что в связи с 20-летием начала русско-турецкой войны были произведены в полковники 1400 заслуженных капитанов, наиболее отличившихся в прошлую войну. Второй военный министр писал, что в 1896 году на коронации государя около 20 полковых командиров, прослуживших в чине полковника не менее 16 лет, были произведены в генералы с оставлением в должности.

«Такой застой давал армии престарелых вождей, едва терпимых в мирное время и вовсе не годных в военное время».

Статистика свидетельствует: 65 процентов капитанов уходили в запас, не дослужив до штаб-офицерских чинов.

Офицерский состав был великовозрастным. На 1 апреля 1892 года средний возраст офицеров высшего звена был следующим: командующие войсками военных округов — 64 года; командиры пехотных корпусов — 56; начальники пехотных дивизий — 54 года. Имелись прецеденты, когда бригадами командовали 65—72, а полками — 60—62-летние старцы.

Весьма болезненной проблемой являлось низкое денежное содержание офицеров, которое для многих оставалось основным источником дохода. Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников вспоминал, что драгунские офицеры почти все жили на жалованье, уланы тоже, «только в гусарском полку два-три человека имели, кроме того, доход с имений, или были женаты на богатых». Из 36 командиров корпусов земельной собственностью владело 5 человек. Российский офицерский корпус всегда получал более низкое денежное содержание в сравнении с офицерскими корпусами других стран Западной Европы (см. Приложение 3).

Офицеры русской армии были ущемлены по сравнению с государственными чиновниками. Накануне Первой мировой войны командир корпуса получал 9000 рублей в год, а министр 20 000 рублей в год. Офицерам с 1884 по 1914 год оклады увеличивались на 10 процентов, а гражданским чиновникам — на 150 процентов.

История свидетельствует, что любой офицер России уже по своему положению был дворянин. Более того, первый офицерский чин давал обладателю потомственное дворянство. Правда, эта планка все время поднималась: с 1845 года потомственное дворянство давал чин майора, с 1856 года — полковника. Остальные офицеры обладали только правами личного дворянства. Согласно данным Военного министерства на 15 мая 1895 года, более половины (50,8%) офицерского корпуса составляли потомственные дворяне, около четверти (22,1%) — личные дворяне⁸.

Но число потомственных дворян было неодинаковым в различных родах войск: наибольшим оно было в гвардейской кавалерии, служба и жизнь в которой была по карману лишь аристократам. Корпус армейских офицеров представлял собой в этом отношении прямую противоположность гвардии: доля потомственных дворян в нем была значительно меньше, а доля выходцев из крестьян и мещан возрастала. К 1895 году офицеры — выходцы из крестьян составляли 5,9 процента, а из мещан — 6,9 процента⁹. А если приплюсовать 30,3 процента разночинцев¹⁰, пополнивших корпус армейских офицеров, то становится ясным: офицерский корпус с допуском в его ряды разночинцев и лиц других сословий потерял социальную монолитность, утратил сословный характер.

Эволюция сословного состава офицерского корпуса была закономерна. Небезынтересно здесь мнение английского ученого А. Дж. Тойнби, объясняющего ломку сословных перегородок в любом обществе в любую эпоху. Он считает, что каждый класс поддерживает свою численную силу не только естественным ростом, но и рекрутированием представителей из низших слоев; высший класс, которому некуда больше расти, «освобождает постоянно места для представителей низов и сходит с социальной лестницы в третьем и четвертом поколении». Рекрутированные из разных сословий в класс дворянства офицеры вносили в общественную психологию своей корпорации новые веяния, присущие только им, обогащаясь одновременно ценностями тех, к кому пришли.

Поэтому в армии царской России в конце XIX — начале XX века имели место случаи, когда даже среди генералитета

были выходцы из небогатых слоев общества, в том числе и будущие вожди Белого движения — М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин и другие.

Вместе с тем, отметим это особо, демократизация корпуса офицеров отнюдь не сняла проблему социального происхождения. Подтверждением может служить неравномерное положение гвардии и армии. Первая, как известно, комплектовалась, в подавляющем большинстве, из привилегированных слоев. Ко времени русско-японской войны чин полковника в гвардейской артиллерии получали в среднем на 27-м году службы, а в армейской — на 33-м. Подобные деформации вызывали недовольство армейских офицеров.

Приходится констатировать, что не все было благополучно и во взаимоотношениях офицеров Генерального штаба (армейская элита) с войсковым офицерством. Об этом вспоминает, в частности, последний дворцовый комендант Николая II В. И. Воейков. Он пишет, что строевые офицеры не чувствовали симпатии к «черному войску», как они называли офицеров Генерального штаба главным образом из-за их «надменной манеры держать себя».

В конце XIX — начале XX века армия стала все более демократизироваться и подвергаться революционным влияниям, несмотря на традиционную аполитичность офицерского корпуса и усиление репрессивных мер. Например, военным служащим запрещалось участвовать в политических организациях. Военнослужащие, в том числе и офицеры, были лишены права участвовать в выборах в Государственную думу. За «политически неблагонадежными» устанавливалось негласное наблюдение. Однако полностью оградить армию от влияния революционно-демократических идей *не удалось*.

Катализатором роста революционизирования армии стало поражение царизма в Русско-японской войне. А. Н. Куропаткин, ознакомившись с настроением войск, находящихся в Маньчжурии, зафиксировал в своем дневнике удивительно меткий вывод: офицерский состав и нижние чины «возврата к прошлому не желают». Этот вывод Куропаткина подтверждается небезынтересной публикацией в большевистской газете «Вперед». В заметке «Харбин» приводятся слова боевого офицера:

«Со времени прибытия в Маньчжурию я во многом изменил свои политические взгляды и 90 процентов офицеров тоже...»

Способствовало росту революционных настроений и то, что войска стали все чаще привлекаться для выполнения полицейских функций. Если в 1905—1906 годах гражданские

власти 6486 раз вызывали войска для подавления волнений, то в 1907 году — уже 156 787 раз. Понятно, почему военный министр А. Ф. Редигер в марте 1908 года, признав низкий уровень боевой подготовки, заявил Председателю Совета министров и министру внутренних дел П. А. Столыпину: «Армия не учится, а служит вам».

Необходимо особо подчеркнуть, что большую роль в распространении революционно-демократических настроений в армии сыграла работа в войсках и на флотах большевистской и эсеровской партий. Как следствие, офицеры стали принимать непосредственное участие в революционно-демократической борьбе.

Словом, кризис офицерского корпуса носил структурный характер. Отразился он и на внутренней жизни воинских коллективов, в один из которых и влился осенью 1892 года Деникин.

В офицерской среде установилось презрение к угодничеству и к тем, кто переходил на службу в корпус жандармов. К полицейской системе сыска у офицеров было самое негативное отношение. Дело доходило до стычек. Участником такого конфликта стал писатель Куприн. В 1893 году он в чине поручика был отстранен от сдачи экзаменов в Академию Генерального штаба, хотя первые испытания прошел успешно. В академию поступил протокол из полиции, согласно которому Куприн оскорбил полицейского пристава (выбросил его за борт в плавучем ресторане, повздорив из-за места за столиком).

В офицерских коллективах предавались обструкции те, кто нарушил слово, обещание. Офицерам строжайше запрещалось брать деньги взаймы у своих подчиненных и всех нижних чинов и вообще совершать поступки, которые хотя бы косвенно могли бросить тень на их порядочность.

Офицерство очень чутко реагировало на проявление пристрастности и несправедливости со стороны начальников. Одновременно здесь по достоинству ценились благородные поступки командования. И командиры, которые тонко почувствовали сложившуюся ситуацию, пользовались большой популярностью среди офицерства воинских частей. Это реально ощутил, например, генерал Ганецкий, когда командовал войсками Виленского военного округа. Он любил посещать офицерские собрания. Однажды в офицерском собрании одного из полков перед командующим поставили на стол изысканные закуски и шампанское. Однако на столах остальных офицеров угощение стояло попроще. Ганецкий вызвал подпоручиков и... посадил их на свое место, а сам

пересел на другой конец стола. А после обеда генерал устроил такую головомойку командиру полка в присутствии высших начальников, что полковник не знал, куда ему провалиться со стыда...

Утверждение культа офицерской чести не обходилось без силовых мер. Если, к примеру, офицер подвергается оскорблению или избиению, то он обязан подать в отставку. В своем дневнике за 1897 год бывший адъютант великого князя Константина Николаевича генерал Киреев, человек довольно консервативных взглядов, привел такой факт: «Два офицера лейб-гвардии Гренадерского полка, будучи пьяными, устроили дебош в трактире, в результате чего были сами избиты. Офицеров, конечно, уволили в отставку».

Подобная жесткая практика держала офицеров в напряжении.

Порождением кодекса чести были дуэли. В крупных частях, где были суды чести, дуэли находились в их компетенции, а в мелких частях — разрешались командиром. Дуэли стали чуть ли не обыденным делом. С 1894 по 1904 год в армии состоялось 186 дуэлей. Не случайно дуэли страстно осуждал М. И. Драгомиров. Да и Антон Иванович тоже вспоминал, что дуэли производили на офицеров «тягостное впечатление». Они отнюдь не содействовали укреплению нравственной атмосферы в офицерских коллективах.

Личная жизнь офицеров регламентировалась и практически была под контролем. Согласно правилу, утвержденному в 1866 году, им запрещалось жениться до 23 лет. Более того, до 28 лет офицер мог жениться по разрешению своего начальства и только по представлению сведений о том, что у него и будущей жены есть источники дохода не менее чем на 250 рублей в год. Кроме того, требовался вердикт офицерского собрания и командира полка о благопристойности невесты. Существовала и порочная практика запретов офицерам жениться на еврейках, если избранница не хотела принять вероисповедание мужа.

На самочувствии офицеров дурно сказывалась корпоративность, те, кто не принадлежал к знатным родам, не имел богатых родственников, будучи формально равными с сослуживцами — выходцами из богатых семей, постоянно ощущали свою ущербность.

В общественной психологии офицеров прочно укрепилось мнение, что лучший способ порвать со своим разночинным прошлым — жениться на титулованной особе. Это придавало вес и положение в обществе, а брак с простолюдинкой мог «испачкать» честь мундира.

Давила на психику и рутинная жизнь в гарнизонном захолустье. Реалии повседневного быта офицеров, столь ярко описанные Куприным в «Поединке», объясняют в какой-то мере, почему многие современники Деникина — молодые офицеры были замечены в пьянстве, разврате, вели богемный образ жизни, а порою заканчивали свой жизненный путь на дуэли или самоубийством.

Давило еще самодурство старших начальников, полное невнимание к запросам и нуждам офицерской молодежи. Именно произвол и насилие сверху, порождавшие апатию и равнодушие снизу, стимулировали деградацию личности офицера.

В начале XX века в некоторых отдаленных гарнизонах приходилось в среднем в год на каждого офицера прочитанных книг: военных — 0,8, общеобразовательных — 5,9.

Кадровая политика, особенно система аттестования офицерского состава, страдала ярко выраженным субъективизмом. Здесь было обширное поле для злоупотребления. Продвигались бездари и подхалимы. Отсутствовала гласность. Составляя отчет о Русско-японской войне, генерал Куропаткин отмечал, что начальники, имевшие положительную аттестацию, на боевом поле не выдерживали испытания. Наоборот, проходившие путь незамеченными, в боевой обстановке неожиданно развивали свои духовные силы, обнаруживали выдающиеся военные качества.

Взаимоотношения офицеров и солдат оставались по-прежнему застарелой российской болезнью.

Передовая военная мысль уже давно уделяла пристальное внимание человеческому измерению военных проблем.

«Солдат считает офицера себе чужим, не доверяет ему и сторонится его, даже в случаях несомненного уважения к нему. Главная вина за подобное возлагается на офицеров, у которых нет уважительного отношения к солдату, признания его человеческого достоинства, нет должного личного примера в отличном знании и добросовестном несении службы, а часто и поведении, а рядом слишком строгое, нередко пристальное отношение к тому же у своих подчиненных».

Замечательный образец уважительного отношения к солдату оставил легендарный генерал М. Д. Скобелев, герой Балканской войны, но это не стало примером для других.

Рукоприкладство, коим так страстно возмущался генерал Драгомиров, было явлением повсеместным. Весьма проблематично утверждение Деникина о том, что отношения между солдатами и офицерами не были слишком суровыми. Наверное, больше прав не Деникин, а американский историк

Р. Пайпс, утверждавший, что плохое отношение офицеров к солдатам было одной из причин бунта в 1917 году.

Нельзя не сказать и еще об одной серьезной проблеме, что существенным образом обостряла кризисные явления, — взаимоотношения офицерства и гражданского населения. Негативные тенденции проявились здесь с особой силой после того, как резко ухудшилось материальное положение офицеров, что, по вполне понятным причинам, отрицательно сказалось на престиже военной службы. Плюс к этому — антиармейская кампания в прессе.

Итог — отчуждение между офицерством и гражданскими лицами, в первую очередь от радикальной интеллигенции. Постоянные наскоки на офицерский корпус либеральной прессы в конце XIX — начале XX века закономерно содействовали выработке у офицеров предубеждения к той среде, из которой слышались все более злобные на них нападки. «Шпаки» (то есть гражданские) стали для офицеров людьми второго сорта...

Как видно, жестокий кризис поразил офицерства лихой эскадрон. Конечно, в тот момент, когда подпоручик Деникин делал первые шаги по тернистому пути русского офицера, не все негативные моменты, о коих я выше поведал читателю, еще просматривались достаточно рельефно. Но подпоручик 46-го Днепровского пехотного полка Куприн уже собирает фактуру для своего «Поединка», оголенная правда которого через 13 лет потрясет всю интеллигентную Россию...

После этого вынужденного, но необходимого отступления вернемся в Белу, где протекала офицерская молодость Деникина.

Город Бела, с населением, не превышающим 8000 человек (из них 5000 евреев, остальные поляки, немного русских — главным образом служилый элемент), представлял типичную стоянку большинства войсковых частей, заброшенных в захолустье Варшавского, Виленского, отчасти Киевского военных округов. К польскому населению офицерство относилось тактично. В целом же гарнизон жил обособленно. Это была серая, рутинная жизнь. И занимала она по протяженности иногда добрую половину жизни служилых людей. Из года в год одно и то же.

«Одним словом, — считал Деникин, — серенькая жизнь, маленькие интересы».

Офицеры поочередно собирались друг у друга. По вечерам играли в винт, умеренно пили и много пели. И пылко рассуждали о глобальных проблемах мироздания. Но в отличие от своих сверстников — гражданских интеллигентов —

решали их по-военному прямолинейно. Государственный строй был для офицеров фактом predetermined, не вызывавшим ни сомнений, ни разнотолков. Идеологический постулат русского воинства — «За веру, царя и Отечество» — воспринимался офицерской молодежью с искренним пылом.

Офицерская молодежь, впрочем, как и их старшие товарищи, не проявляла особенного любопытства к общественным и народным движениям и относилась с предубеждением не только к левой, но и к либеральной общественности. А. И. Деникин очень метко констатировал: левая общественность отвечала враждебностью, либеральная — бóльшим или меньшим отчуждением.

Вскоре патриарх российского марксизма Г. В. Плеханов многозначительно изречет, что ошибкой является «отчуждение офицерского класса, признание его бессознательным элементом общества, опричиной». А В. И. Ленин заметит: «Войско не может быть, никогда не было и никогда не будет нейтральным».

Но все-таки это будет потом. А пока создавшийся статус-кво вполне устраивал власти.

...Охота на кабана, крестины, рестораны, — все это офицерский досуг. Однако делу — время, потехе — час...

Молодые офицеры, служившие в Беле, были озабочены одним — необходимостью быстрого вхождения в строй. Давно известна истина: то, чему учили в стенах училища, часто разительно отличается от боевой жизни и деятельности войск.

Батареями в бригаде командовали две крупные личности — Гомолицкий и Амосов, по которым равнялась вся бригада. Их батареи были лучшими в артиллерийском сборе. Их любили как лихих командиров и как товарищей, вносящих смысл в работу и веселье в пиры.

Но с появлением нового командира генерала Л.¹¹, резко изменилась нравственная атмосфера в офицерском коллективе. Этот человек с первых шагов употребил все усилия, чтобы восстановить против себя всех, кого судьба привела в подчинение к нему. Грубый по природе, Л. после производства в генералы стал еще грубее со всеми — военными и гражданскими. А к обер-офицерам относился так презрительно, что никому из них не подавал руки. Он совершенно не интересовался их бытом и службою, в батарее просто не заходил, кроме дней бригадных церемоний. Парадокс, но факт: генерал, командир бригады на втором году командования заблудился среди казарменного расположения, заставив прождать около часа всю бригаду, собранную в конном строю.

Вскоре Л. окончательно превратился в канцелярского генерала. Из стен его кабинета сыпались предписания, запросы — резкие по форме и ругательные по содержанию, — обличавшие в этом командире не только отжившие взгляды, но и незнание им артиллерийского дела. Сыпались ни за что на офицеров взыскания, даже аресты на гауптвахте, чего раньше в бригаде не бывало.

И все в соединении перевернулось.

Амосов ушел, получив бригаду, у Гомолицкого, которого Л. стал преследовать, опустили руки. Все, что было честного, дельного, на ком держалась бригада, замкнулось в себе. Началось явное разложение. Пьянство и азартный картеж, дразги и ссоры стали явлением обычным. Многие офицеры забыли дорогу в казармы. Трагическим предостережением прозвучали три выстрела, унесшие жизни молодых офицеров бригады. Наконец, нависшие над бригадой тучи разразил гром, который разбудил заснувшее начальство.

В бригаде появился новый батареинный командир, подполковник З., темная личность. Похождения его были таковы, что многие бригадные офицеры — факт в военном быту небывалый — не отдавали чести и не подавали руки штаб-офицеру своей части. Летом в лагерном собрании З. нанес тяжкое оскорбление всей бригаде. Тогда обер-офицеры решили собраться вместе и обсудить создавшееся положение.

Небольшими группами и поодиночке стали стекаться на берег реки Буг, на котором стоял лагерь бригады, в глухое место. Офицеры испытывали смущение за действия, не вписывающиеся в менталитет военного человека: они выступали в роли своего рода заговорщиков. На собрании установили преступления З. Старший из присутствовавших капитан Нечаев взял на себя большую ответственность — подать рапорт по команде от лица обер-офицеров. Рапорт дошел до начальника артиллерии корпуса, который наложил резолюцию о немедленном увольнении в запас подполковника З.

Но вскоре отношение к нему начальства почему-то изменилось, и в официальной газете появилось объявление о переводе З. в другую бригаду. Тогда обер-офицеры, собравшись вновь, составили коллективный рапорт, снабженный 28 подписями, и направили его главе всей артиллерии великому князю Михаилу Николаевичу, прося «дать удовлетворение их воинским и нравственным чувствам, глубоко и тяжко поруганным».

Гроза разразилась. Из Петербурга было назначено расследование. Начальник артиллерии корпуса генерал Л. вско-

ре ушел в отставку; офицерам, подписавшим незаконный коллективный рапорт, объявили выговор, а З. — выгнали со службы.

В такой непростой обстановке проходило офицерское становление Антона Ивановича Деникина.

Он окунулся в службу со всем своим рвением. Чуждый карьерного тщеславия, он стремился совершенствовать военный профессионализм. Поэтому первый год службы в бригаде был целиком посвящен освоению всех премудростей артиллерийского дела. Молодой подпоручик добился поразительных успехов: через год и семь месяцев он был назначен делопроизводителем батареи, а через два с небольшим года — «учителем бригадной команды», то есть Антону Ивановичу доверили подготовку унтер-офицеров.

Налицо явное признание профессиональных успехов молодого подпоручика. И хотя позже в своих воспоминаниях он напишет, что первые два года офицерской жизни прошли «весело и беззаботно», позволю усомниться. Работал он не щадя себя и преуспел во многом.

Завоевал в коллективе личностный авторитет, часто выступая в роли неформального лидера среди офицеров. Об этом свидетельствует один интересный эпизод.

Однажды, когда 2-я артиллерийская бригада шла через Седлец, где квартировался Нарвский гусарский полк, между бригадным подпоручиком Катанским — человеком порядочным и хорошо образованным, но буйного нрава — и гусарским корнетом поляком Карницким, исключительно на почве корпоративной розни, возникло столкновение: Катанский оскорбил Карницкого. Секунданты заседали всю ночь. Деникин, как «старший подпоручик», приложил максимум усилий для того, чтобы предотвратить кровавую развязку. Только на рассвете, когда трубачи играли в сонном городе «Поход», миротворческая миссия Антона Ивановича увенчалась успехом. Дело закончилось примирением потенциальных дуэлянтов.

Закончилось, но не совсем... В Нарвском гусарском полку сочли, что примирение не соответствовало нанесенному Карницкому оскорблению. Возник вопрос о возможности для него оставаться в полку... По этому поводу в Белу приехала делегация суда чести Нарвского полка для выяснения дела. Деникин сумел убедить высокую комиссию в своей правоте. Карницкий был оправдан судом чести и оставлен на службе.

Мистические нити опутывают людей и события... Через четверть века судьба уготовила Антону Ивановичу встречу с

корнетом Карницким в чрезвычайных обстоятельствах. Лучше, чем генерал, об этом не расскажешь.

«Я — главнокомандующий и правитель юга России. Он — генерал Карницкий — посланец нового польского государства, прибывший ко мне в Таганрог в 1919 году для разрешения вопроса о кооперации моих и польских армий на противобольшевистском фронте...

Вспомнил? Или забыл? Не знаю: о прошлом мы не говорили. Но Карницкий в донесениях своему правительству употребил все усилия, чтобы предоставить в самом темном и ложном свете белые русские армии, нашу политику и наше отношение к возрождающейся Польше. И тем внес свою лепту в предательство вооруженных сил юга России Пилсудским, заключившим тогда тайно от меня и союзных западных держав соглашение с большевиками

Невольно приходит в голову мысль: как сложились бы обстоятельства, если бы я тогда в Беле не старался реабилитировать честь корнета Карницкого».

Но история — не то интеллектуальное поле, где можно упражняться в красивых прогнозах, составленных в сослагательном наклонении...

После первых двух лет службы Деникин приступил к штурму высоты поистине поднебесной — к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба. С этого момента мир Антона Ивановича сузился до родной батареи да кипы учебников. Чтобы подготовиться к вступительным испытаниям, ему предстояло повторить весь курс наук военного училища и, кроме того, изучить по расширенной программе ряд общеобразовательных предметов: языки, математику, историю, географию.

Заброшены карты и пирушки по вечерам в кругу сослуживцев. А было ему в то время всего-то 22 года от роду. Сколько же соблазнов вокруг! Но с сентября 1894 до августа 1895 года подпоручик Деникин медленно, но уверенно идет к своей цели. Вот когда проявилась первый раз в полную силу железная воля того, кто будет не в таком уж отдаленном будущем поднимать в атаку полки, а когда потребует обстановка, то и идти впереди в боевой цепи, не кланяясь пулям.

В июле 1894 года пришел приказ командующего войсками Варшавского военного округа № 148 об откомандировании в штаб округа подпоручика Деникина «для предварительного испытания на поступление в Николаевскую академию Генерального штаба».

АКАДЕМИЧЕСКИЕ СТРАСТИ

В науке нет широкой столбовой дороги. И только тот достигает ее сияющих вершин, кто, не боясь усталости, карабкается по ее каменистым тропам.

К. Маркс

Академия Генерального штаба... Старейшее элитное высшее военно-учебное заведение Российской империи. Хрустальная мечта русских офицеров. Плацдарм для генеральских погон... Она была основана 26 ноября (8 декабря) 1832 года в Санкт-Петербурге как Императорская военная академия. Предназначением данного высшего военно-учебного заведения стало «образование офицеров к службе Генерального штаба» и «для вящего распространения знаний армии». С 1855-го стала именоваться «Николаевская академия генерального штаба». За время своего существования (до 1918 года) академия выпустила в общей сложности более 4,4 тысячи офицеров.

Выпускники академии предназначались для замещения трех категорий должностей офицеров Генерального штаба (начальники дивизий, командиры корпусов и др.); замещаемые офицерами Генерального штаба (начальник штаба крепости 3-го класса и др.); те, которые не должны замещаться офицерами Генштаба, но по сложности функциональных обязанностей замещались ими (начальник штаба округа, дежурный генерал и др.). Из 1329 офицеров, окончивших Академию Генерального штаба в 1852—1882 годах: служили в Генеральном штабе — 903; получили в командование полк — 197; бригаду — 66; дивизию — 49; корпус — 8; войска военного округа — 7.

Воистину, кузница генеральских кадров...

Конечно, кризисные явления не могли не коснуться и элитного высшего военно-учебного заведения царской России.

Выпускник Академии Генерального штаба генерал В. И. Доманчевский в 1929 году, находясь в белой эмиграции, писал:

«Николаевская академия Генерального штаба времен М. И. Драгомирова, Г. А. Леера, Н. И. Сухотина давала слушателям многое: метод, систему, стремление искать правду. Наряду с этим академия страдала крупными недостатками — оторванностью от жизни, казенным отпечатком научности академии».

В условиях кризиса, переживаемого академией, шел, однако, поиск путей повышения эффективности ее деятельности. Трижды менялись взгляды на академию. На нее смотрели и как на специальную школу комплектования Генерального штаба, и как на военный университет. Из академии стали выпускать вдвое больше офицеров, чем требовалось для Генштаба, причем не причисленные к нему возвращались в свои части «для поднятия военного образования в армии».

Из «военного университета», однако, ничего не вышло. С 1894 года перед академией власти империи поставили основную задачу — распространение высшего военного образования в армии. Поэтому после 2-го курса офицеры выпускались в войска, а лучшие поступали на дополнительный курс и, лишь окончив его, причислялись к Генеральному штабу. Выпускникам академии вменялось в обязанность прослужить в военном ведомстве 1,5 года за каждый год обучения.

Вроде бы появилась некая стабильность, что представляется важным. Ведь для непривилегированного офицерства иначе, как через узкие ворота «Генерального штаба», выйти на широкую дорогу военной карьеры в мирное время было почти невозможно. Достаточно сказать, что ко времени Первой мировой войны высшие командные должности занимало подавляющее число лиц, вышедших из Генерального штаба: 25 процентов полковых командиров, 68—77 процентов начальников пехотных и кавалерийских дивизий, 62 процента корпусных командиров. А академисты второй категории, не попавшие в Генеральный штаб, быть может, благодаря только нехватке какой-нибудь маленькой дроби в выпускном балле, возвращались в строй с подавленной психикой, с печатью неудачника в глазах строевых офицеров и с совершенно туманными перспективами будущего.

Кроме того, недостаточность содержания в петербургских условиях (81 рубль в месяц) и конкурс придавали учебе характер подлинной борьбы за выживание.

Но все же академия при всех недостатках являлась хорошей, действительно высшей военной школой. Ее выпускникам история предоставила печальный шанс на апробацию полученных знаний, навыков, умений на сопках Маньчжурии и в окопах Первой мировой войны.

Деникин поступал в академию после того, как обилие кандидатов побудило с 1885 года принимать по конкурсу (трехлетний строевой ценз для кандидатов установили еще в 1878 году). Поступление в академию становилось для

офицерства последним и решительным боем. В округе держали экзамен 1500 офицеров, на экзамен в академию допускали 400—500, а поступали — 140—150 человек. На третий курс переходили 100. Из них причисляли к Генеральному штабу 50. То есть после отсеивания оставалось всего лишь 3,3 процента.

Вот через какое сито прошел Антон Иванович, прежде чем в октябре 1895 года прочитал сухие строки приказа о своем зачислении. Душа Антона Ивановича ликовала, он еще не знал, что скоро попадет «из огня в полымя»...

Академическое обучение продолжалось три года. Первые два года — слушание лекций.

На третьем году начиналась самостоятельная работа в различных областях военного дела и защита диссертаций, доставшихся по жребию. Причем, когда начальником академии являлся генерал Драгомиров, слушатели защищали только одну диссертацию. Но когда академию принял «бог стратегии» (так называли генерала Леера), то была введена защита трех тем диссертационных исследований. Она проходила перед академической профессурой, которая разбира-ла ее, судя по свидетельству генерала Алексева, буквально по косточкам.

Непомерно большим был курс теоретических дисциплин, втиснутый, по соображениям государственной экономии, в двухгодичный срок. В нем доминировали общеобразовательные предметы: политическая история, русский язык, иностранный язык, славистика, государственное право, геология, высшая геодезия, астрономия, сферическая геометрия.

Кое-кому сложившиеся порядки в академии были явно не под силу. Не случайно многие слушатели уходили из академии раньше срока... И как бы в подтверждение тому, в послужном списке Антона Ивановича значится сухая, но столь многозначительная фраза: «С разрешения начальника Генерального штаба по невыдержанию экзамена отчислен из академии. Май 1896 года».

Оказывается, камнем преткновения для Деникина стал экзамен по истории военного искусства. Принимал его профессор Баскаков. Антону Ивановичу достался вопрос о Ваграмском сражении¹². Баскаков прервал его, не выслушав до конца:

— Начните с положения сторон ровно в двенадцать часов.

Антон Иванович считал, что в данный час никакого перелома в сражении не было. Стал сбиваться. Как он ни подходил к освещению боевых действий, профессора это не удовлетворяло, и тот раздраженно повторял:

— Ровно в двенадцать часов.

Наконец, глядя презрительно, как-то поверх собеседника, Баскаков сказал:

— Быть может, вам еще с час подумать нужно?

— Совершенно излишне, господин полковник.

По окончании экзамена комиссия совещалась очень долго. Наконец, зачитываются отметки. А затем:

— Кроме того, комиссия имела суждения относительно поручиков Иванова и Деникина и решила обоим прибавить по полбалла. Таким образом, поручику Иванову поставлено семь, а поручику¹³ Деникину шесть с половиной.

Оценка знания — дело профессорской совести, но такая прибавка была лишь злым издевательством: для перевода на второй курс требовалось не менее 7 баллов из 12 возможных. Антон Иванович покраснел и доложил:

— Покорнейше благодарю комиссию за щедрость.

Откуда в той ситуации у него взялись силы для сарказма?!

Провал. На второй год в академии не оставляли и, следовательно, предстояло пройти через позор отчисления из числа слушателей элитного военно-учебного заведения.

Что делать? В душе двадцатичетырехлетнего офицера полное смятение. Возвращаться в родную бригаду? Но это же такой позор! Отставка? Перевод в Заамурский округ пограничной стражи? Вроде бы нужны инструкторы в Персию?

Успокоившись, Антон Иванович принимает мужественное решение: начать все с начала! Он возвращается в свою бригаду, а через три месяца блестяще снова сдает экзамен в Академию Генерального штаба на первый курс. Из 150 претендентов поручик Деникин стал четырнадцатым. Причем по математике он набирает 11,5 и за русское сочинение — 12 баллов. И все душевное напряжение нашего поручика осталось потомкам в одной скупой строчке его послужного списка: *«Повторная сдача испытаний в Академию Генерального штаба, куда и зачислен по сдаче. Октябрь 1896 год»*.

Доказал всем, что его отчисление — несправедливость.

Итак, снова Петербург, бессонные ночи за учебниками, вечное самоутверждение. Впрочем, не только...

Антон Иванович мог любоваться красотами Петербурга, но ходить по паркетам роскошных дворцов родовой знати офицеру-провинциалу не дано. И вдруг — фортуна!

В Зимнем дворце периодически давали балы в тесном кругу родовой и служебной знати. Но первый бал — открытие сезона — был более доступен. На нем собиралось тысячи полторы гостей. Получила 20 приглашений и академия. Одно из них досталось Деникину. Вся обстановка бала казалась

феерией — по грандиозности и импозантности зала, по блеску военных форм и дамских костюмов, по всему своеобразию придворного ритуала. Он наблюдал придворную жизнь, танцевал, отдавал посильную дань царскому шампанскому, переходя от одного прохладительного буфета к другому. Это была какая-то другая жизнь, далекая от реальности.

В академические годы в жизнь Антона Ивановича Деникина властно постучалась политика. Нет, он не записался в подпольный офицерский кружок. В стенах академии их просто не имелось. Да и не могло быть. Академия являлась учреждением, где у слушателей традиционно складывалось негативное отношение к увлечению политикой. Генерал Драгомиров, в бытность свою начальником академии, напутствовал подопечных так:

— Я с вами говорю, как с людьми, обязанными иметь свои собственные убеждения. Вы можете поступать в какие угодно политические партии. Но прежде чем поступить, снимите мундир. Нельзя одновременно служить царю и его врагам.

Знакомство Деникина с политической жизнью Петербурга оказалось намного прозаичнее... Однажды к нему пришли две знакомые курсистки в состоянии большого душевного волнения:

— Антон Иванович, ради бога, помогите!

— Что случилось?

— У нас ожидается обыск. Нельзя ли спрятать у вас на несколько дней литературу?..

— Извольте, но с одним условием, я лично все пересмотрю.

— Пожалуйста.

В тот же вечер они притащили на квартиру Деникину три объемных чемодана. Так молодой офицер приобщился к политической литературе, имея к ней в тот момент, однако, довольно стойкий иммунитет.

Деникин проштудировал политическую литературу, принесенную знакомыми курсистками. Он не попал под мистическую силу прочитанных произведений, «заряда на всю жизнь» не получил. Она показалась ему нежизненной, начетнической, наполненной злобой разрушения и ненависти. Такая оценка соответствовала внутренним деникинским убеждениям.

Антон Иванович, пытаясь быть объективным, признает, что тогдашняя власть давала достаточно поводов для обличения и осуждения. Но пропаганда, выполняя задачи обличения царского режима, в то же время оперировала и заве-

домой неправдой, игнорируя в рабочем и в крестьянских вопросах государственные интересы, обнаруживая в делах военных непонимание существа армии, государственно-охранительного начала, незнание ее быта и взаимоотношений.

Да что говорить про анонимные воззвания, когда бывший офицер, автор «Севастопольских рассказов», «Войны и мира», яснополянский философ Лев Толстой сам писал брошюры, призывавшие армию к бунту и поучавшие: «Офицеры — убийцы... Правительство со своими податями, с солдатами, с острогами, виселицами и обманщиками-жрецами — суть величайшие враги христианства». Было отчего недоумевать Деникину...

Антон Иванович имел возможность в академические годы познакомиться и с нелегальной политической литературой, издававшейся за границей и проникавшей в Россию: журналами «Освобождение» П. Б. Струве, «Красное знамя» А. В. Амфитеатрова. Данные издания, однако, его не заинтересовали.

Тут он не одинок. Нельзя, конечно, отрицать, что именно интеллигентские слои российского социума образца конца XIX — начала XX века являлись и поставщиками, и потребителями, и главными пропагандистами идей, заложенных в нелегальной литературе. Но не все интеллигентные люди того времени попадали под ее чары. Знаменитый дореволюционный адвокат Н. П. Карабчевский после знакомства с литературой социал-демократов, а также некоторыми фигурантами данной партии написал на них довольно едкую эпиграмму:

Жаждем мы мира
Для всего мира,
Счастья без меры
Ценой химеры.

Но нелегальная литература, с коей волею обстоятельств познакомился Деникин, не просто оставила его равнодушным. Некоторые провозглашаемые постулаты, что попали в поле зрения Антона Ивановича на страницах нелегальной литературы, вызвали у него не только неприятие, а натуральную аллергию. Они буквально взорвали его:

«Первое, что должна будет сделать победоносная революция, — это, опираясь на крестьянскую и рабочую массу, объявить и сделать военное сословие упраздненным» («Красное знамя»).

Упразднить армию, офицерство? Троцкий и Ленин, однако, после прихода к власти создали могучую Красную Армию...

По своим убеждениям Деникин все больше становился на позиции российского либерализма:

«В академические годы сложилось мое политическое мировоззрение, — писал он в своих мемуарах, — я никогда не сочувствовал ни «народничеству» (преемники его социал-революционеры) с его террором и ставкой на крестьянский бунт, ни марксизму с его превалированием материалистических ценностей над духовными и уничтожением человеческой личности. Я принял российский либерализм в его идеологической сущности, без какого-либо партийного догматизма. В широком обобщении это приятие привело меня к трем положениям: 1) Конституционная монархия. 2) Радикальные реформы. 3) Мирные пути обновления страны.

Это мировоззрение я донес нерушимо до революции 1917 года, не принимая активного участия в политике и отдавая все свои силы и труд армии».

Бывший вождь Белого дела на финишной прямой своего земного бытия не лукавил. Б. Энгельгардт, один из ближайших сотрудников Деникина в период его единоличной военной диктатуры на белом юге России, глубоко подметил, что генерал был самого демократического происхождения, а «по убеждениям типичный русский либерал в военном мундире».

И еще одна уникальная, если хотите, парадоксальная деталь. В своих оценках марксизма Деникин сходится... с Керенским, со своим ярким оппонентом, чуть не отдавшим Антона Ивановича под военно-полевой суд после корниловского выступления.

В личном архиве бывшего главы Временного правительства, хранящемся в США, в одной из записок есть мысль, что отличительная черта марксизма — отрицание Бога, всякого духовного в человеке. Керенский видел огромное трагическое значение Маркса в мировой истории, в частности в том, что Маркс освобождал своих приверженцев от «Законов общечеловеческой морали». И говорит это Александр Федорович Керенский, трагическая фигура истории государства Российского, точно так же, как и Антон Иванович Деникин в конце жизни в контексте анализа пройденного пути.

Невольно поверишь, что крайности иногда сходятся...

...А годы учебы Деникина в академии между тем летели очень быстро. Учился он трудно, неровно, но успешно (см. Приложение 4). И по выпуску... не был причислен к корпусу офицеров Генерального штаба. Почему? Попробуем разобраться.

Хождения по мукам начались для него с того момента, как военный министр генерал Куропаткин решил произвести перемены в академии. Генерал Леер был уволен, а начальником академии назначен бывший профессор и личный друг Куропаткина генерал Сухотин.

Назначение оказалось весьма неудачным. По характеру своему человек властный и грубый, генерал Сухотин внес в жизнь академии сумбурное начало. Ломал, но не строил. Его краткое — около трех лет — командование академией было наиболее сумеречным ее периодом.

Весною 1899 года Деникин, поступивший в академию при Леере, заканчивал третий курс при Сухотине. На основании закона был составлен рейтинг выпускников. Около 50 офицеров, среди которых был и Антон Иванович, причислялись к корпусу Генерального штаба; остальным предстояло вернуться в свои части. Причисленных пригласили в академию, от имени Сухотина поздравили, и начались практические занятия по службе Генерального штаба, длившиеся две недели.

Счастливицы ликвидировали свои дела, связанные с Петербургом, и готовились отъезду.

Но однажды, придя в академию, они были поражены новостью. Список офицеров, предназначенных в Генеральный штаб, был снят и на его место вывешен другой. Вся академия волновалась. И хотя Деникин удержался в новом списке, на душе было неспокойно.

Предчувствия оправдались. Новый, третий, затем четвертый список, новая перетасовка и новые жертвы. В их числе и Антон Иванович.

Кулуары и буфет академии, где собирались выпускные, походили на разворошенный улей. Злая воля играла судьбами, смеясь и над законом, и над человеческим достоинством.

Выяснилось, что Сухотин через голову конференции и главного штаба запросто ездит к военному министру с докладами об «академических реформах» и привозит краткую резолюцию — «согласен».

Несколько раз сходились Деникин и три его товарища по несчастью, чтобы обсудить свое положение. Обращение к академическому начальству ни к чему не привело. Один из ущемленных в правах попытался попасть на прием к военному министру, но его без разрешения академического начальства до него не допустили. Другой, будучи лично знаком с начальником канцелярии Военного министерства, заслуженным профессором академии, генералом Редигером, явился к нему. Редигер знал все, но помочь не мог:

— Ни я, ни начальник главного штаба ничего сделать не можем. Это осиное гнездо совсем опутало военного министра. Я изнервничался, болен и уезжаю в отпуск.

Антон Иванович решил прибегнуть к средству законному и предусмотренному дисциплинарным уставом: к жалобе. Так как нарушение прав произошло по резолюции военного министра, то жалобу надлежало подать его прямому начальнику — государю. Деникин предложил сделать это товарищам по несчастью, но они уклонились. Тогда он в одиночку подал жалобу на высочайшее имя.

Это был дерзкий и неслыханный поступок — Антон Иванович не без волнения опускал конверт с жалобой в ящик, подвешенный к внушительному зданию, где помещалась Канцелярия прошений на высочайшее имя подаваемых.

Военный министр, узнав о жалобе, приказал собрать академическую конференцию. И та вынесла следующее решение:

«Оценка знаний выпускных, введенная начальником академии, в отношении уже окончивших курс незаконна и несправедлива, в отношении же будущих выпусков нежелательна».

В ближайший день Антон Иванович получил записку — прибыть в академию. Приглашены были и три товарища по несчастью. Полковник Мошнин заявил:

— Ну, господа, поздравляю вас: военный министр согласен дать вам вакансии в Генеральный штаб. Только вы, штабс-капитан Деникин, возьмете обратно свою жалобу, и все вы, господа, подадите ходатайство, этак, знаете, пожалостливее. В таком роде: прав, мол, мы не имеем никаких, но, принимая во внимание потраченные годы и понесенные труды, просим начальнической милости...

Видимо, Мошнин добивался признания у Деникина в «ложности жалобы». Кровь бросилась в голову:

— Я милости не прошу. Добиваюсь только того, что принадлежит по праву.

— В таком случае нам с вами разговаривать не о чем. Предупреждаю, что окончите плохо. Пойдемте, господа.

Заведующий курсом повел друзей Деникина в пустую аудиторию, дал бумагу и усадил за стол. Покаянное заявление появилось на свет.

А по поводу строптивца Мошнин прямо заявил слушателям академии:

— Дело Деникина предрешено: он будет исключен со службы.

Чтобы умерить усердие академического начальства, Антон Иванович решил пойти на прием к директору Канцеля-

рии прошений — попросить об ускорении запроса военному министру.

Внимательно выслушав рассказ Антона Ивановича, директор высказал следующее предположение: закон нарушен, чтобы «протащить в Генеральный штаб каких-либо маменькиных сынков».

— Чем могу помочь вам?

— Прошу об одном: как можно скорее сделать запрос военному министру.

— Обычно это довольно длительная процедура, но обещаю вам в течение двух-трех дней выполнить просьбу.

Так как Мошнин грозил увольнением со службы, Антон Иванович обратился в Главное артиллерийское управление, к генералу Альтфатеру, который заверил, что в рядах артиллерии он останется во всяком случае. Обещал доложить обо всем главе артиллерии, великому князю Михаилу Николаевичу.

Запрос Канцелярии прошений военному министру возымел действие. Академия оставила Деникина в покое, и дело перешло в главный штаб. Для производства следствия над «преступлением» Деникина назначен был пользовавшийся в Генеральном штабе большим уважением генерал Мальцев. В главном штабе будущий генерал, а пока жалобщик, встретил весьма внимательное отношение. Генерал Мальцев в своем докладе сказал, что выпуск из академии произведен незаконно, а в действиях Антона Ивановича нет состава преступления.

К составлению ответа Канцелярии прошений были привлечены юрисконсульты Главного штаба и Военного министерства, но Куропаткин порвал два проекта ответа, сказав раздраженно:

— И в этой редакции сквозит между строк, будто я не прав.

Так шли неделя за неделей... Давно прошел обычный срок для выпуска из военных академий, исчерпаны были кредиты и прекращена выдача академистам добавочного жалованья и квартирных денег по Петербургу. Многие офицеры бедствовали. Начальники других академий настойчиво добивались у Сухотина, когда же разрешится инцидент, задерживающий представление выпускных офицеров четырех академий.

Наконец, ответ военного министра в Канцелярию прошений был составлен и послан; испрошен был день высочайшего приема; состоялся высочайший приказ о производстве выпускных офицеров в следующие чины «за отличные успехи в науках». К большому своему удивлению, Деникин прочел в нем и о своем производстве в капитаны.

По установившемуся обычаю, за день до представления государю в одной из академических зал выпускные офицеры представлялись военному министру. Генерал Куропаткин обходил их, здороваясь, и с каждым имел краткий разговор. Подойдя к Антону Ивановичу, он вздохнул глубоко и прерывающимся голосом сказал:

— А с вами, капитан, мне говорить трудно. Скажу одно: вы сделали такой шаг, который не одобряют все ваши товарищи.

Деникин не ответил ничего.

Военный министр был плохо осведомлен. Он не знал, с каким трогательным вниманием и сочувствием отнеслись офицеры к опальному капитану. Не знал, что впервые за существование академии состоялся общий обед выпускных, на котором звучал протест против академического режима и нового начальства.

...Настал долгожданный день. Был подан особый поезд для выпускных офицеров четырех академий и начальствующих лиц. На вокзале Антон Иванович несколько раз ловил на себе испытующие и враждебные взгляды академического начальства. На их лицах было видно явное беспокойство: не вышло бы какого-нибудь «скандала» на торжественном приеме.

Во дворце выпускников построили в одну линию в порядке последнего *незаконного* списка старшинства. По прибытии Куропаткина и после разговора его с Сухотиным полковник Мошнин подошел к строю, извлек из рядов трех сослуживцев Деникина по несчастью и переставил их выше — в число назначенных в Генеральный штаб. Отделил их интервалом в два шага... Антон Иванович оказался на правом фланге офицеров, не удостоенных причисления.

Генерал Альтфатер, как оказалось, исполнил свое обещание. Присутствовавший на приеме великий князь Михаил Николаевич подошел к Антону Ивановичу перед приемом и, выразив сочувствие, сказал, что доложил государю во всех подробностях его дело.

Ждали долго. Наконец по рядам раздалась тихая команда:
— Господа офицеры!

Вошел государь. По природе своей человек застенчивый, он, по-видимому, испытывал немалое смущение — нескольких сот офицеров, каждому из которых предстояло задать несколько вопросов, сказать что-либо приветливое.

Подойдя император, наконец, к нашему герою. Тот почувствовал на себе со стороны чьи-то тяжелые, давящие взоры... Скользнул взглядом: Куропаткин, Сухотин, Мошнин — все смотрели на него сумрачно и тревожно.

Назвал свой чин и фамилию. Раздался голос государя:

— Ну, а вы как думаете устроиться?

— Не знаю. Жду решения Вашего Императорского Величества.

Николай II повернулся вполоборота и вопросительно взглянул на военного министра. Генерал Куропаткин низко поклонился и доложил:

— Этот офицер, ваше величество, не причислен к Генеральному штабу за характер.

Государь повернулся опять к Деникину, задал еще два незначительных вопроса: долго ли он на службе и где расположена его бригада. Приветливо кивнул и пошел дальше.

Антон Иванович видел, как просветлели лица начальства. У него же от разговора, столь мучительно ожидаемого, остался тяжелый осадок на душе и разочарование... в «правде воли монаршей»...

Кто сегодня склонен идеализировать быт и нравы армии царской России, почитайте внимательно то, что написано выше...

Восемь месяцев, с сентября 1899 по апрель 1900 года Антон Иванович временно исполняет должность помощника адъютанта строевого отделения. Причем он так ревностно относится к службе, что заслуживает от генерала Пузыревского лестные аттестации, незамедлительно отправляемые в Петербург. Начальник штаба Варшавского военного округа трижды возбуждает ходатайство о переводе Антона Ивановича в Генеральный штаб. На два ходатайства ответа вовсе не было получено, на третье пришел ответ:

«Военный министр воспретил возбуждать какое бы то ни было ходатайство о капитане Деникине».

Через некоторое время пришел ответ и от Канцелярии прошений:

«По докладу такого-то числа военным министром вашей жалобы Его Императорское Величество повелеть соизволил — оставить ее без последствий».

Тем не менее на судьбу обойденных офицеров обращено было внимание: вскоре всем офицерам, когда-либо успешно кончившим полный курс академии, независимо от балла, разрешили перейти в Генеральный штаб. Всем, кроме Антона Ивановича.

Больше ждать было нечего и неоткуда. Начальство Варшавского округа уговаривало Деникина оставаться в командировании. Но его тяготило такое неопределенное положение: не хотелось больше жить иллюзиями. В апреле 1900 года Антон Иванович вернулся в свою бригаду.

Очередной удар судьбы! Сколько же их будет еще впереди?!

Деникин прошел суровую школу выживания с огромными материальными и душевными потерями. Но не сломался в нравственном отношении, а пошел до конца в неравной борьбе с всемогущим военным министром. Именно в академии укрепилась такая черта характера А. И. Деникина, как нетерпимость к несправедливости. Он разочаровался в государе, что не было поводом усомниться в государственном устройстве. Правда, его умом овладела идея конституционной монархии. Мы увидели рождение либерала в погонах...

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ И ПУТЬ НАВЕРХ

*Ты сошел с горы, но взошел еще
на более высокую гору.*

Древневосточная мудрость

Старший офицер 1-й батареи 2-й артиллерийской бригады капитан Деникин не спеша прогуливался погожим майским вечерком по грязным улочкам вышедшего из зимней спячки провинциального городка Бела. Он не пошел в компанию офицеров, хотя и приглашали. Решил остаться наедине со своими мыслями...

Антон Иванович увидел множество изменений в своей бригаде. Генерал Завацкий, новый командир 2-й артиллерийской бригады, — отличный строевой командир и воспитатель личного состава. Он начал с того, что, запершись в кабинете с адъютантом поручиком Ивановым, проговорил с ним часа три, ознакомившись с печальным наследием генерала Л. Потом исподволь, без ломки стал налаживать выбитую из колеи бригадную жизнь.

Командир часто заходил в собрание, где первое время столовался, любил поговорить с офицерами — одинаково приветливо с полковником и с подпоручиком. Однажды в разговоре заметил:

— По-моему, как следует вести обучение может только офицер...

Как-то утром поручик 3-й батареи проспал занятия, а генерал Завацкий произвел за него обучение конной смены, ни слова не сказав командиру батарее... Зашел на другой день в 5-ю батарею — позанимался там с наводчиками; в 1-й батарее произвел учение при орудиях, а командира батарее, который, получив известие о появлении бригадного, наскоро оделся и прибежал в парк, успокоил:

— Ничего, мне не трудно. Я по утрам свободен.

Недели через две даже самый беспутный штабс-капитан, игравший обыкновенно всю ночь в карты и забывший дорогу в батарею, стал аккуратно являться на занятия.

Впрочем, и штос вскоре прекратился. Завацкий просто предупредил господ офицеров:

— Я никогда не позволю себе аттестовать на батарею офицера, ведущего азартную игру.

И штос, открыто и нагло царивший в офицерском собрании, сначала замер в холостяцких квартирах, а потом и вовсе исчез.

Зная и требуя службу, генерал близко вошел и в бригадный быт, начиная с благоустройства лагеря, бригадного собрания, солдатских лавочек, построенной им впервые в Беле гарнизонной бани и кончая воспитанием молодежи. Аресты офицеров, казавшиеся недавно необходимым устоем службы, больше не применялись.

А. И. Деникин вспоминал, что за первую четверть века своей службы он знал среди высшего командования армии только одного человека, который порвал с этой традицией. Это был командир 20-го корпуса генерал Мевес, умерший за три года перед японской войной.

Но Мевес не был новатором, ибо существовал давно забытый указ времен царя Петра Великого:

«Всех офицеров без воинского суда не арестовать, кроме изменных дел...»

И вот на жизненном пути Антона Ивановича попался командир, который отказался от такого надежного, но крайне унижительного средства воздействия на офицеров, как арест. Более того, генерал Завацкий дисциплинарных взысканий на офицеров не накладывал вовсе. Провинившихся приглашал в свой кабинет... Один из таких несчастливцев признавался:

— Легче бы сесть на гауптвахту. Это человек умеет душу твою вывернуть наизнанку и в безупречно корректной форме в течение часа доказывать тебе, что ты — тунеядец или тупица, не понимающий, что значит офицерское звание.

Залечивать душевную травму и самоутверждаться Деникин мог лишь под началом такого прекрасного командира.

Осенью 1900 года капитан Деникин был перемещен «по воле начальства заведующим хозяйством в 3-ю батарею». Ею командовал подполковник Покровский — выдающийся командир, отличный артиллерист и опытный хозяйственник. За 5 лет, проведенных вне бригады, Деникин несколько отстал от артиллерийской службы. Но в строевом отношении

вскоре занял надлежащее место, а в области тактики и маневрирования считался в бригаде авторитетом.

Академическая история и «изгнание» из Генерального штаба нисколько не уронили в глазах товарищей престиж Антона Ивановича. Он состоял выборным членом бригадного суда чести и председателем распорядительного комитета бригадного собрания.

Большое уважение в обществе господ офицеров капитан Деникин завоевывал тем, что активно вел себя в кругу сослуживцев, часто организовывавших культурные собрания. Красноречие, низкий голос, обширные знания, неотразимая логика молодого капитана покоряли офицеров. На собраниях, где выступал Деникин, всегда было достаточное количество внимательных слушателей. Особенно все это привлекало офицерскую молодежь. Она как-то очень тонко, что свойственно молодости вообще, воспринимала тот факт, что Антон Иванович не испугался выступить против произвола и унижения личного достоинства. Шутка ли, подать жалобу государю императору на самого военного министра, все- сильного генерала Куропаткина, могущего в порошок стереть в мгновение ока любого строевого обер-офицера!

Атмосфера бельского захолустья не слишком его тяготила. Он активно участвует в общественной жизни, центр которой — бригадное офицерское собрание. У него есть тесный круг сослуживцев-приятелей, а также две-три интеллигентные городские семьи.

Антон Иванович возобновил визиты вежливости в семейство Василия Ивановича Чижа. Ася, у которой он был в свое время на крестинах, превратилась в очаровательного ребенка. В день восьмилетия Аси Деникин подарил ей куклу, купленную в столице. Когда ее клали, она закрывала глаза. Ася прыгала от восторга...

Молодой капитан стал увлекаться литературной работой. Так началось рождение будущего талантливого военного писателя.

Правда, первый свой рассказ Деникин написал, еще участь в академии. Он был опубликован военным журналом «Разведчик» в 1898 году. Сам автор оценил свой первый литературный опыт как неважный, но все-таки испытал большое волнение, увидев рассказ напечатанным. Сюжет его был взят из бригадной жизни. Характерная деталь: артиллерийский поручик обращается к денщику на «Вы» и ведет разговоры по душам. Позволю предположить: в герое рассказа Антона Ивановича просматриваются черты характера будущего генерала.

Антон Иванович начал регулярно печатать очерки из военного быта в «Разведчике», а рассказы и статьи военно-политического содержания — в «Варшавском дневнике», единственном русском органе, обслуживавшем русскую Польшу. Писал под псевдонимом «И. Ночин», который, впрочем, не составлял секрета. Один из рассказов всколыхнул тихую заводь бельской жизни. Вот вкратце содержание.

«Жил в Беле один «миллионер» по фамилии Пижниц. Нажился он на арендах и подрядах военному ведомству: казармы, ремонты, отопление и проч. Там же жил некий Финкельштейн, занимавшийся тем же, и конкуренция с Пижницем его разорила. Финкельштейн питал ненависть к Пижницу и чем мог старался ему повредить. Писал разоблачения и доносы во все учреждения, но безрезультатно. У Пижница была «рука» в штабе округа и у губернатора, поэтому он правдами и неправдами стал монопольным поставщиком на всю губернию.

У Пижница был сын Лейзер, которому подошел срок поступить в солдаты. Пижниц раздал «денежные подарки» членам Бельского воинского присутствия и был уверен, что сына его освободят.

Пришел день освидетельствования. Лейзер давал такие правильные ответы доктору, подносящему к его глазам сбивчивые комбинации стекол, что Присутствие единогласно признало его близоруким и к службе не годным. Вечером в местном клубе за рюмкой водки доктор выдал своему приятелю секрет:

— Очень просто: стекло в правой руке — «вижу», в левой — «не вижу»...

В отношении больных глазами требовалось переосвидетельствование в особой комиссии в Варшаве. Пижниц знал, что председатель этой комиссии также не брезгует «денежными подарками». Собрался в Варшаву.

Председателю комиссии доложили, что его желает видеть Пижниц. Посетитель долго и неприлично торговался и наговорил председателю таких дерзостей, что тот вытолкнул его за двери. Финкельштейн... ибо это был он, а не Пижниц... слетел стремглав с лестницы и исчез.

Когда на другой день настоящий Пижниц явился на квартиру председателя, то доложивший о нем лакей вернулся и сказал изумленному Пижницу, что его не велено пускать на порог...

А через несколько дней в один из полков за Урал был отправлен молодой солдат Лейзер Пижниц».

Рассказ Антона Ивановича с некоторыми вымышленными, конечно, именами изобиловал фактическими и глубоко

комичными деталями. Нужно знать жизнь уездного захолустья, чтобы представить себе, какой произошел там переполох. Очень гневался губернатор, воинский начальник поспешил перевестись в другой город, докторша перестала отвечать на приветствие, Пижиц недели две не выходил из дому, а Финкельштейн, гуляя по главной улице города, совал всем знакомым номер газеты, говоря:

— Читали? Так это же про нас с Пижицем написано!

Так жил, служил и развлекался в бельском захолустье капитан Деникин.

Вместе с тем воспоминания об академическом эпизоде, хотя мало-помалу теряли свою остроту, но периодически болезненно всплывали в памяти Деникина.

И вот однажды, в хмурый осенний вечер написал Антон Иванович частное письмо Алексею Николаевичу Куропаткину:

«А с Вами мне говорить трудно». С такими словами обратились ко мне Вы, Ваше превосходительство, когда-то на приеме офицеров выпускного курса Академии. И мне было трудно говорить с Вами. Но с тех пор прошло два года, страсти улеглись, сердце поуспокоилось, и я могу теперь спокойно рассказать Вам всю правду о том, что было».

Затем Деникин вкратце изложил уже известную читателю историю о выпуске из академии. Ответа не ждал. Просто захотелось отвести душу.

Прошло несколько месяцев. В канун Нового 1902 года Антон Иванович неожиданно получил от своих товарищей из Варшавы телеграмму, адресованную «причисленному к Генеральному штабу капитану Деникину» с сердечным поздравлением... Нужно ли говорить, что встреча Нового года была отпразднована в этот раз с исключительным подъемом?

Потом Деникину сообщили, как все произошло. Военный министр был в отъезде, в Туркестане, когда опальный выпускник Академии Генштаба писал ему. Вернувшись в столицу, А. Н. Куропаткин тотчас же отправил письмо Деникина на заключение в академию. Сухотин в то время получил другое назначение и уехал. Конференция академии признала содержание письма вполне отвечающим действительности. И генерал Куропаткин на первой же аудиенции у государя, «выразив сожаление, что поступил несправедливо», испросил повеления на причисление Антона Ивановича к Генеральному штабу...

Отдадим дань мужеству Куропаткина, признавшему свою неправоту и исправившему несправедливость.

Кажется, судьба начала улыбаться Антону Ивановичу...

Через несколько дней, распрощившись с бригадой, он уехал в Варшаву, к новому месту службы в распоряжение начальника штаба 15-го армейского корпуса.

Возвращение «на круги своя» завершилось. Но теперь приходилось работать в жестком режиме, чтобы наверстать упущенное.

В июле 1902 года Генерального штаба капитан Деникин назначается старшим адъютантом штаба 2-й пехотной дивизии, квартировавшей в Брест-Литовске. Пробыл там недолго, в октябре 1902 года пришел ему, как офицеру Генерального штаба, срок годичного цензового командования 3-й ротой 183-го Пултусского пехотного полка, дислоцированного в Варшаве.

До сих пор, за время пятилетней службы в строю артиллерии, Антон Иванович ведал отдельными отраслями службы и обучения солдата. Теперь вся жизнь солдата проходила перед глазами капитана Деникина.

Из кого же состояла рота Деникина? К сожалению, нет конкретных данных по его подразделению. Но мы можем составить коллективный портрет русского солдата начала XX века.

Сообразно распределению населения России, состав армии был такой: 80 процентов крестьян, 10 процентов рабочих и 10 — прочих классов. Следовательно, армия по существу была крестьянской.

Разнородные по национальностям элементы легко уживались в казарменном быту. Терпимость к иноплеменным и иноверным свойственна русскому человеку более, нежели другим. Грехи русской казармы в этом отношении и в сравнение не могут идти с режимом европейских армий — противников России в Первой мировой войне.

Русский солдат жил в обстановке суровой и бедной. В начале XX века в казарме вдоль стен стояли деревянные нары, иногда отдельные топчаны. На них соломенные тюфяки и такие же подушки без наволочек. Покрывались солдаты шинелями, грязными после учения, мокрыми после дождя. Одежда были мечтой ротных командиров, но казенного отпуска на них не было. Покупались они или за счет полковой экономии, или путем добровольных вычетов при получении солдатами денежных писем из дому (Антон Иванович этих вычетов не допускал). Только в 1905 году было введено снабжение войск постельным бельем и одеялами.

Обмундирование старой русской армии имело один крупный недостаток: было одинаковым для всех широт — для Архангельска и для Крыма. При этом до Русско-японской войны никаких ассигнований на теплые вещи не полагалось, и тонкая шинелишка покрывала солдата и летом, и в морозы. Военские части старались, насколько позволяла экономия, заводить в пехоте суконные куртки из изношенных шинелей, а в кавалерии — полушубки.

Пища солдата отличалась необыкновенной скромностью. Типичное суточное меню: утром — чай с черным хлебом (в день 1200 граммов хлеба); в обед — борщ или суп с 200 граммами мяса или рыбы (после 1905 года — 300 граммов) и каша; на ужин — жидкая каша, заправленная салом. По числу калорий и по вкусу пища была вполне удовлетворительна и, во всяком случае, питательнее, чем та, которую крестьянская масса имела дома. Злоупотреблений на этой почве почти не бывало. Солдатский желудок был предметом особой заботливости начальников всех степеней. «Проба» солдатской пищи была традиционным обрядом, выполнявшимся самым высоким начальником, не исключая императора, при посещении казарм в часы обеда или ужина.

Серьезная проблема — рукоприкладство. Но было и другое: сердечное попечение, заботливость о нуждах солдата, близость и доступность. Русская военная история полна примеров самопожертвования: из-под вражеских проволочных заграждений, рискуя жизнью, ползком вытаскивали своих раненых — солдат офицера, офицер солдата...

В японском плену находился раненый капитан Каспийского полка Лебедев. Японские врачи нашли, что можно спасти ему ногу от ампутации, прирастив пласт живого человеческого мяса с кожей... Двадцать солдат из числа находившихся в лазарете предложили свои услуги... Выбор пал на стрелка Ивана Канатова, который дал вырезать без хлороформа кусок мяса... Этот эпизод проник в японскую печать и произвел большое впечатление в стране.

Деникин утверждает:

«Вообще, то отчуждение, которое существовало между русской интеллигенцией и народом, в силу особых условий военного быта, отражалось в меньшей степени на взаимоотношениях офицера с солдатом. И нужны были исключительные обстоятельства, чтобы эти отношения впоследствии столь резко изменились».

Конечно, снова присущая Антону Ивановичу излишняя категоричность суждений. Но не обратить внимания на такие оценки нельзя.

Военная наука трудно давалась русскому солдату-крестьянину из-за отсутствия допризывной подготовки и грамотности. Перед Первой мировой войной призывы давали до 40 процентов безграмотных. И армия, в которой с 1902 года введено было всеобщее обучение грамоте, сама должна была восполнять этот пробел, выпуская ежегодно до 200 тысяч запасных, научившихся грамоте на службе. Во всяком случае, выручали солдатская смекалка, свойственная русскому человеку, и способность приспосабливаться к самым сложным и трудным обстоятельствам походной и боевой жизни.

Русская общественность довольно равнодушно и пренебрежительно относилась к армии.

Еще в преддверии первой русской революции в 1902—1903 годах армия сталкивалась с тяжкими испытаниями: во время вспыхивавших местами беспорядков войска были призваны для усмирения и поэтому подвергались не раз заслуженным и незаслуженным тяжким оскорблениям толпы. Солдаты безотказно исполняли свой долг. В Варшавском военном округе, в городе Радоме взбунтовавшаяся толпа напала на дежурную роту Могилевского полка. Рота изготвилась к стрельбе. Прибывший командир полка полковник Булатов остановил солдат:

— Не стрелять! Вы видите, что тут женщины и дети.

Вышел к толпе сам, безоружный, и... был убит наповал мальчишкой-мастеровым...

История многократно доказала одну истину: армия не может воевать со своим народом. Когда только поймут это ведущие актеры на сцене политических игрищ!

«Итак, солдат старой русской армии был храбр, сметлив, чрезвычайно вынослив, крайне неприхотлив и вполне дисциплинирован.

...Покуда волны революции не смели и дисциплину, и самую армию», — резюмирует Деникин.

Он прав. Правда, Антон Иванович не пишет, что революция не только смела старую армию, но и создала новую — Красную Армию, в которой довольно скоро была восстановлена крепкая воинская дисциплина.

В период командования ротой Деникину повезло: полку не приходилось принимать участия в подавлении беспорядков. В Варшаве их тогда не было. Начались они позже. Следовательно, Антон Иванович не обагрил руки невин-

ной кровью, что, безусловно, сказалось самым положительным образом на формировании морально-психологического облика.

Но от политики никуда не денешься... Рота Генерального штаба капитана Деникина несколько раз занимала караулы в Варшавской крепости. В числе охраняемых объектов состоял знаменитый «десятый павильон», где содержались важные и опасные политические преступники. Здесь произошла косвенная встреча Антона Ивановича с человеком, ставшим злым демоном в его судьбе. В одной из камер «павильона» содержался будущий маршал и диктатор Польши Иосиф Пилсудский.

Еще в 1887 году, будучи двадцатилетним студентом, Пилсудский за косвенное участие в покушении на императора Александра III (в том самом покушении, за которое в числе других террористов был казнен брат Ленина Александр Ульянов), был сослан в Сибирь на поселение сроком на 5 лет. В 1900 году, живя по подложному паспорту, был обнаружен полицией, захвачен вместе с женой в тайной типографии и посажен в «десятый павильон». Варшавские власти решили предать его военному суду по статье, угрожавшей каторжными работами, но Петербург отменил это решение, ограничив наказание ссылкой в Сибирь на поселение — в административном порядке.

Соратники Пилсудского выработали план его освобождения. Бежать из Варшавской крепости не было никакой возможности. Посоветовали узнику симулировать душевную болезнь, что он успешно и сделал. Варшавские власти отправили Пилсудского в петербургский Николаевский госпиталь для душевнобольных, откуда он бежал за границу вместе с женой. Вернувшись нелегально в русскую Польшу, Пилсудский принял участие в создании Боевого отдела партии и приступил к террористической деятельности и ограблению казначейств.

Вспоминая об истории с Пилсудским, бывший вождь Белого движения делает в своих воспоминаниях оригинальное обобщение:

«Старая русская власть имела много грехов, в том числе подавление культурно-национальных стремлений российских народов. Но когда вспоминаешь этот эпизод, невольно приходит на мысль, насколько гуманнее был «кровавый царский режим», как его называют большевики и их иностранные попутчики, в расправе со своими политическими противниками, нежели режим большевиков, да и самого Пилсудского, когда он стал диктатором Польши».

По большому счету Антон Иванович прав. Действительно, суды «кровавого царского режима» (включая и военно-полевые суды) по так называемым политическим преступлениям — «столыпинские галстуки» (виселицы с телами казненных по приговору военно-полевых судов) в период с 1825 по 1917 год, то есть за 92 года вынесли 6360 смертных приговоров, при максимуме 1310 приговоренных к смерти в 1906 году. Карл Либкнехт сообщал, что за период с 1906 по 1910 год было вынесено 5735 смертных приговоров, из которых 3471 приведен в исполнение. За период же с 1825 по 1905 год — 625 приговоренных и 191 казненный.

Но количество казненных по приговору военно-полевых судов, несмотря на их относительную массовость, намного отставало от количества жертв революционного террора. Если в 1906 году террористами было убито 768 и ранено 829 человек, то к смертной казни военно-полевыми судами было приговорено 450 человек, а казнили лишь 144 человека. Многих миловал император. Всего же военно-полевыми судами за время их существования, с августа 1906 по апрель 1907 года, было казнено 683 человека.

Сегодня, когда просвещенная Европа вообще отменила смертную казнь, становится ясным, что гуманистическая позиция неприятия смертной казни как меры наказания за преступления, назначаемого государством, оказалась жизнеспособной. Однако не умолкают дискуссии в современной России о целесообразности применения смертной казни. Уж больно сложный вопрос...

Но вряд ли можно слишком сурово осуждать царский политический режим за 683 казненных по приговору военно-полевых судов. Хорошо, если бы этого не было. Но не стоит забывать, что не все 683 повешенных являлись теми, кому потом советские писатели посвятили целый сериал «Пламенные революционеры». Военно-полевые суды приговаривали к смертной казни и просто уголовное отребье — насильников, убийц, погромщиков.

Антон Иванович имел право на приведенный выше сарказм, сравнивая отношение к политическим противникам «кровавого царского режима» и «гуманной советской власти». Ведь строки, приведенные выше, генерал написал после 1944 года. И даже не полная информация, что имелась у белоэмигрантской общественности, например о мясорубке сталинского «большого террора», давала для этого Деникину веские основания. Нам же сегодня известно намного больше и о «кровавом царском режиме», и о «гуманизме советской власти». Поэтому можно сказать: уничтожая врагов

революции, советская власть в количественном масштабе намного обогнала тех, кого низвергла.

Прошу придирчивого читателя не обвинять меня ни в апологетике царизма, ни в слепой ненависти к коммунизму. Ни того ни другого у меня нет. Но никто еще точно не подсчитал количество жертв «красного террора» и сталинских чисток. Да и вряд ли это представляется возможным...

Тем более, опять же обращаясь к статистике (коварная это все-таки вещь), могу сказать: не стоит пришивать ангельские крылья царизму. Только в 1906 году общее число заключенных в тюрьмы и высланных превысило 50 тысяч человек. Такого количества репрессированных при царской власти еще никогда не было...

Вернемся, однако, к командиру 3-й роты 183-го Пултусского пехотного полка, дислоцированного в Варшаве.

За годичное командование ротой Деникин сумел полностью искоренить рукоприкладство. Однако военно-педагогический опыт Деникина — командира роты в конечном итоге оказался неудачным. Капитан-экспериментатор угодил в силки утопии, полагаясь исключительно на методы убеждения. Он негласно отменил дисциплинарные взыскания: «Следите друг за другом, останавливайте малодушных — ведь вы же хорошие люди — докажите, что можете служить без палки».

Увы, призывы ротного командира — «глас вопиющего в пустыне»...

Кончилось цензовое командование: рота за год вела себя средне, училась плохо и лениво.

После ухода Антона Ивановича старый сверхсрочный фельдфебель Сцепура собрал роту, поднял многозначительно кулак в воздух и зычно произнес:

— Теперь вам — не капитан Деникин. Поняли?

— Так точно, господин фельдфебель.

Рота, рассказывали потом бывшему ее командиру, вскоре поправилась...

Педагогическое фиаско Деникина закономерно: он выбрал формы и методы, неадекватные реалиям нравственной атмосферы солдатской казармы того времени. Такая практика и сегодня была бы заведомо обречена на провал. Выводы Антон Иванович из неудачного пултусского опыта сделает, уроки извлечет. Но это будет чуть позже.

Впрочем, что это мы все о службе. В личную жизнь капитана вновь ворвалась... десятилетняя Ася.

Родители девочки, решившиеся к тому времени на развод, приехали тем не менее вместе проводить Асю, она поступала в Александро-Мариинский институт в Варшаве, где

девочки из хороших семей получали среднее образование. Не согласится ли капитан Деникин, старый друг дома, присматривать за Асей и время от времени выводить на прогулки. Он охотно соглашается. По воскресеньям, когда ему позволяла служба, он приходил в институт.

Марина Антоновна приводит в книге «Мой отец генерал Деникин» воспоминания своей матери:

«Капитан начинал всегда с того, что производил “мне смотр”, замечал выбившуюся прядь, чернильное пятно на руках и полусерьезно начинал возмущаться: “Не можешь ли ты сказать, по какому поводу твои ногти носят траур?” Когда он наконец делал вывод, что мой внешний вид безукоризнен, он вел меня есть пирожные...»

Пирожные в будущей совместной жизни им придется есть не столь уж часто. Да и их сладкий вкус станет перебивать запах горькой полыни изгнания...

Закончив годичное цензовое командование ротой, Антон Иванович в ноябре 1903 года был назначен старшим адъютантом штаба 2-го кавалерийского корпуса, дислоцированного в Варшаве. Деникин, конечно, не мог знать, что скоро грянет Русско-японская война. Но его беспокойный и пытливый ум успел заметить, например, отдельные просчеты в боевой системе, о которых он, правда, рассуждал, исходя из кругозора ротного командира. Но не простого, а с прочным багажом военных академических знаний.

Такие наблюдения представляют интерес. Вот одно из них. В вооружение армий вводилась скорострельная артиллерия и пулеметы, и в военной печати раздавались предостерегающие голоса об обязательной «пустынности» полей сражений, на которых ни одна компактная цель не сможет появиться, чтобы не быть уничтоженной огнем... А русская артиллерия все еще лихо выезжала на открытые позиции, русская пехота в передовом Варшавском округе, как говорилось на военном жаргоне, «ходила ящиками»; густые ротные колонны в районе стрелковых цепей в сфере действительного огня передвигались шагом и даже в ногу! Большой же кровью придется заплатить за это в первые месяцы русско-японской войны... Скромная и зависимая роль ротного командира, да и старшего адъютанта, не могла повлиять на изменение дел, но он настойчиво ставил эти вопросы в военной прессе.

Так и протекали военные будни Генерального штаба капитана Деникина. А в январе 1904 года в воздухе запахло грозой. В жизнь Антона Ивановича сначала постучала, а потом властно ворвалась русско-японская война.

До чего же мудры были древние римляне!

Увы, как это ни печально, но следует признать: война — страшный, но неизбежный спутник истории человечества. Из 56 веков истории мировых цивилизаций менее трех можно считать мирными. За 265 лет, описанных в «Повести временных лет» летописец лишь в один год как о великом чуде записал: «Мирно быть!»

История России — это история военной державы. Россия была одним из первых государств, создавших регулярную армию стараниями Петра Великого. За XVIII—XIX века в войнах погибло 10 миллионов россиян, в то время как население России в первой четверти XVIII века составляло всего лишь 16 миллионов человек. В XVIII—XIX веках Россия вела 22 наступательные и 4 оборонительные войны, 7 войн и 2 военных похода в интересах европейской военной политики, выполняя, как правило, союзнические обязательства, пережила две крупные внутренние войны и шесть бунтов.

На рубеже XIX—XX веков практически весь мир оказался поделенным между мощными колониальными империями — Британской, Французской и опоздавшими к разделу мира их «молодыми» противниками — США, Германией, Японией и Италией.

Россия была подобно Австро-Венгрии не колониальной, а «исторической» империей, то есть централизованной монархией, объединявшей в силу определенных исторических условий народы, стоявшие на разных уровнях развития цивилизации, отличные по религии, культуре, национальному характеру. Объединение происходило путем военных захватов и за счет добровольного присоединения народов, искавших защиты от завоевателей, угрожавших самому существованию.

Вместе с тем в отличие от колониальных стран Россия не раз пыталась предотвратить превращение международных территориальных споров в войну. По инициативе императора Николая II в 1899 году была созвана первая в истории Международная конференция 26 государств в Гааге (Нидерланды) по сокращению вооружений. Но мирные предложения России не нашли поддержки других великих держав.

* Если хочешь мира — готовься к войне...

Притязания России на господство в ряде регионов мира встретили сильнейшее сопротивление соперничающих стран. На Балканах Россия столкнулась с противодействием Германии и Австро-Венгрии. В Иране — с Великобританией. Единственно реальным направлением для расширения империи оставался *Дальний Восток*. Особую роль сыграло начатое в 1891 году и завершенное через 12 лет строительство Сибирской железной дороги от Челябинска до Владивостока. Взоры русского правительства были обращены на Китай и зависимую от него Корею.

В это время шла борьба за раздел Китая. К китайскому пирогу рвалась Япония. В 1894 году японская армия и флот разгромили китайские вооруженные силы. По мирному договору Китай отказался от суверенитета над Кореей, уступил Японии Ляодунский полуостров с городами Порт-Артуром и Дальним и островом Тайвань.

Россия, поддержанная Францией и Германией, заставила Японию вернуть Ляодунский полуостров Китаю. В 1896 году в Москве был подписан русско-китайский договор об оборонительном союзе против Японии и постройке Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а по договору 1898 года Россия получила в аренду Порт-Артур с правами превращения в военно-морскую базу.

В 1900 году русские войска вместе с армиями других великих держав участвовали в подавлении восстания в Китае, организованного тайным обществом «Ихэтуань».

Таким образом, Россия под лозунгом защиты территориальной целостности Китая вырвала у Японии плоды ее победы.

Потеря Порт-Артура повернула Японию к союзу с Англией и США, весьма активными на Дальнем Востоке. Англия в 1898 году захватила порт Вейхавей и сделала его своей опорной базой. США провозгласили доктрину «открытых дверей и равных возможностей» для торговли всех государств в Китае.

В 1902 году был подписан союзный договор Англии с Японией, направленный против России. США также заняли явно антирусскую позицию. Этому в немалой степени способствовали американские финансисты еврейского происхождения, стремившиеся оказать давление на русское правительство в целях отмены ограничений для еврейского населения России.

Россия и Япония не раз пытались решить свои противоречия дипломатическим путем. В 1896 году они договорились о содержании в Корее равных контингентов вооружен-

ных сил и совместном контроле над ее финансами и телеграфом. В 1903 году Япония предложила признать Корею сферой японских интересов, за Россией в Маньчжурии признавались бы интересы в области железнодорожного транспорта.

В январе 1904 года российское правительство телеграфом послало японскому правительству ноту, в которой соглашалось на существенные уступки. Но телеграмма была задержана японцами, и, ссылаясь на медлительность России, Япония 24 января разорвала дипломатические отношения, а 26 января без объявления войны японский флот напал на русскую эскадру в Порт-Артуре. Славной битвой героического крейсера «Варяг» началась эта бесславная для России война.

В начале века Российская империя вползала в глубочайший экономический, социально-политический и духовный кризис, что незамедлительно сказалось на ее обороноспособности. Достаточно сказать, что патронные заводы России в канун войны могли дать в год не более 150 патронов на винтовку.

Японское же государство было на подъеме. Буржуазная революция 1868 года и последовавшие за ней реформы, закрепленные в конституции 1889 года, благотворно сказались на развитии японской промышленности, которая конкурировала с американской и европейской; в стране было введено всеобщее обязательное образование, широко внедрялись достижения европейской культуры.

Модернизация в Японии не вызвала потрясений. Используя европейскую технологию, достижения западной науки и культуры, японцы сумели сохранить духовную самобытность, не допустить раскола общества на элиту, воспринявшую западные ценности, и простых людей, сохранивших традиционную культуру.

Общее состояние российского и японских обществ не могло не отразиться на их вооруженных силах.

Кроме объективных причин в неудачах Русско-японской войны немаловажную роль сыграл субъективный фактор.

Главное командование на Дальнем Востоке в русско-японской войне царь отдал генералу Куропаткину, человеку сложному и противоречивому. Однако иногда в литературе можно встретить легковесные оценки данной исторической фигуры с акцентированием чрезмерного внимания на отрицательных качествах генерала. Это несправедливо. Куропаткин не был бездарностью.

А. Ф. Редигер, бывший в одно время военным министром, вспоминал, что генерал Куропаткин очень любил военное дело, прилежно его изучал, он очень много читал и участвовал во всех бывших при нем походах русских войск. Обладая прекрасной памятью, он владел и массой теоретических и практических знаний.

«Сподвижник Скобелева, украшенный двумя «Георгиями», он имел за собой славное боевое прошлое и отлично знал войска, их жизнь, нужды, любил солдата; всегда спокойный, говоривший свободно и с большим апломбом, он производил на слушателей впечатление знающего свое дело и сильного человека. Добрый по природе, он, кроме того, желал быть любимым и прославляемым, а потому относился к подчиненным снисходительно и даже никуда не годных не увольнял от службы, а устраивал на разные синекуры; друзья и товарищи его молодости ему были дороги, и впоследствии он готов был смотреть сквозь пальцы даже на грязные их дела. Честный в денежных делах, он готов был сам пользоваться и давать другим пользоваться пособиями в виде двойных прогонов по устарелому закону, и не постеснялся трогать огромные деньги на покупку, роскошную обстановку и содержание дома для министра», — писал Редигер.

Для полководца Куропаткину не хватало решительности. Это в свое время заметил еще легендарный генерал Скобелев, у которого будущий военный министр России был начальником штаба в русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Генерал говорил Куропаткину:

— Помни, ты хорош на вторые роли. Упаси тебя бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника, тебе не хватает решительности и твердости воли... Какой бы великолепный план ты не разработал, ты никогда не сумеешь его довести до конца.

Русско-японская война подтвердила правоту генерала М. Д. Скобелева.

Особенно резко отзывался о нем генерал М. И. Драгомиров:

«Я, подобно Кассандре, — писал он, — часто говорил неприятные истины, вроде того, что предприятие, с виду заманчивое, успеха не сулит; что скрытая ловко бездарность для меня была явной тогда, когда о ней большинство еще не подозревало».

Некоторые предсказывали дурной конец.

Перед самой войной Куропаткин подавал в отставку и был в немилости. В армии большим авторитетом пользовался генерал Драгомиров, но он был серьезно болен... За не-

имением лучшего выбор пал на Куропаткина. «Кризис верхов» коснулся и верхов русского высшего военного командования.

Видимо, трагедия Куропаткина как военачальника заключается в том, что он был военным министром в царском правительстве. Ему приходилось заниматься политическими вопросами, постоянно находиться в обстановке придворных интриг. Куропаткин — порождение системы, которая не признавала инициативных людей. Поразительное по силе замечание сделал в данной связи германский военный агент барон Тетгау. Он писал, что русская армия была воспитана в отсутствии самостоятельности и личного почина: «Начальники привыкли к постоянной опеке, поэтому для самостоятельной мысли и инициативы нет места».

Не лучшим образом на морально-психологическом состоянии офицеров сказывалось широкое распространение либеральных и пацифистских идей. Непопулярность военной службы и войны на Дальнем Востоке серьезно подрывала моральный дух армии. Сказывалась также антивоенная пропаганда революционных партий.

Накануне войны Япония располагала сравнительно небольшой, но хорошо подготовленной и обученной армией. Японские соединения могли в трехдневный срок быть переброшены по морю на театр военных действий, корабли были в основном современные, однотипные, многие из них строились в США. Россия же держала непосредственно на Дальнем Востоке два корпуса, разбросанные на огромной территории Маньчжурии, Приморья, Забайкалья. Для того чтобы доставить подкрепления из Центральной России, требовалось не менее месяца. В составе Тихоокеанского флота насчитывалось много устаревших кораблей.

Соотношение сил и средств к началу войны сложилось не в пользу России. Японская армия имела свыше 375 тысяч человек, 1140 орудий, 147 пулеметов. Противник развернул к 1 января 1904 года на Маньчжурском театре военных действий армию в 150 тысяч человек. Русская группировка войск насчитывала 98 тысяч человек. В конечном итоге японская группировка войск на Маньчжурском ТВД¹⁴ превосходила российскую в живой силе — в 3 раза, в артиллерии — в 8 раз, в пулеметах — в 18 раз, в кораблях — в 1,3 раза.

Японская армия отличалась дисциплиной, патриархальной нравственностью, патриотизмом. Уровень грамотности был выше, чем в русской армии. Она строилась по герман-

скому образцу, готовилась к решительным наступательным действиям. Офицеры японской армии отличались трудолюбием, постоянным стремлением к самосовершенствованию, инициативой.

Армию строили и готовили на основе единой военной доктрины. Офицерский корпус формировался из самураев (японских дворян), воспитанных на воинских традициях своего сословия: преданности родине и императору, беспрекословном повиновении старшим, готовности к самопожертвованию, безупречном выполнении требований кодекса чести и воинского долга. Между воспитанной в национальном духе армией и обществом, где господствовали национальные ценности, существовало духовное единство. Японский народ был готов (в отличие от русского) терпеть лишения ради победы.

Заметим, что в Русско-японской войне потери убитыми и ранеными составили: офицеров — до 45 процентов, а нижних чинов — 25 процентов. Эти данные не вписываются в каноны классического военного искусства. Даже ссылки на особый менталитет русского офицера, которому присуща бравада на поле боя, граничащая с беспечностью, нарочитым презрением к смерти, эти цифры не оправдывают.

Конечно, Антон Иванович Деникин тогда еще многого знать не мог. И в этом виновата государственная машина России, державшая население и армию в полном неведении о международной политике. Результаты получились плачевные.

«В то время как в Японии весь народ, от члена Верховного тайного совета до последнего носильщика, отлично понимал и смысл и самую цель войны с Россией, — говорится в официальной истории войны, — когда чувство неприязни и мщенья к русскому человеку накапливалось там годами, когда о грядущей войне с Россией говорили все и всюду, у нас предприятия на Дальнем Востоке явились для всех полной неожиданностью; смысл их понимался лишь очень немногими... Все, что могло выяснить смысл предстоящего столкновения, цели и намерения правительства, или замалчивалось, или появлялось в форме сообщений, что все обстоит благополучно. В результате в минуту, когда потребовалось общее единение между властью и народной массой, легла трудноустраняемая пропасть».

Правда, интуиция капитана Деникина, помноженная на профессионализм, подсказывала ему: на Россию надвигается военная хмура.

НА ВОЙНУ!

*Желающего судьба ведет, не-
желающего тащит.*

Из древних стоиков

...Лошадь вдруг неожиданно споткнулась, упала и поволокла вниз с горы по снегу подмятого под себя седока.

«Только это мне еще не хватало!» — подумал про себя Деникин, выбираясь из-под лошади, со стиснутыми зубами от резкой боли в помятых ногах.

Зимние маневры для него закончились плачевно: порванные связки, кровоподтеки, один палец вывихнут, один раздавлен. Постельный режим...

Но на манифест о войне с Японией отреагировал тотчас — подал рапорт в штаб округа о командировании его в действующую армию.

Благими намерениями, как часто бывает, вымощена дорога... в ад. Начались круги бюрократического ада для офицера, принявшего решение добровольно поменять уютный Варшавский гарнизон на жужжание пуль и грохот разрывов на сопках Маньчжурии.

Штаб, ссылаясь на неимение указаний свыше, в просьбе Антону Ивановичу отказал. На вторичное его обращение штаб запросил, знает ли он... английский язык?

Спрашивается, зачем? Воистину, нет страшнее русского чиновника!

Антон Иванович ответил с присущими ему чувством юмора и сарказмом: «Английского языка не знаю, но драться буду не хуже знающих»...

Он нервничал, не находил себе покоя. Наконец, его ближайший начальник, генерал Безрадецкий, которому непоседливый подчиненный не давал спокойной жизни, настойчиво повторяя одно и то же желание, послал частную телеграмму с просьбой Антона Ивановича в Петербург, в Главный штаб. И через несколько дней, в феврале 1904 года, пришло распоряжение: командировать капитана Деникина в г. Харбин в Заамурский округ пограничной стражи, что за семь тысяч километров от Варшавы.

Капитан, видимо, опасаясь какого-нибудь бюрократического казуса, дожидаться выздоровления не стал. Хотя генерал Безрадецкий высказал вполне обоснованное сомнение в том, что с больной ногой вряд ли возможно столь далекое и утомительное путешествие, Деникин решил, что до сибирского экспресса как-нибудь доберется. А там во время дли-

тельного пути (16 дней) нога придет в порядок. Назначил день отъезда на 17 февраля.

В варшавском собрании офицеров Генерального штаба состоялись проводы: «дорожный посошок» и револьвер в подарок. Старейший из присутствовавших помощник командующего округом генерал Пузыревский сказал несколько теплых слов, подчеркнув стремление Генерального штаба капитана Деникина ехать на войну не долечившись.

На случай смерти Антон Иванович оставил в своем штабе «завещание» необычного содержания. Не имея никакого имущества, привел в нем лишь перечень небольших долгов и проект их ликвидации путем использования кое-какого литературного материала, просил друзей позаботиться о его матери.

Мать будущего генерала приняла известие о предстоящем отъезде сына на войну как нечто вполне естественное, неизбежное. Ничем не проявляла волнения, старалась «делать веселое лицо» и при прощании на Варшавском вокзале не проронила ни одной слезинки. Только после отъезда сына, как сознавалась впоследствии, наплакалась вдоволь вместе со старушкой нянькой.

Прихрамывая, капитан добрался до вокзала и сел в поезд, который помчал его навстречу судьбе. А на душе неспокойно. Известно, что нет ничего страшнее, чем ждать да догонять... Осталось набраться терпения и молить Бога, чтобы 16 дней хватило для выздоровления больной ноги.

До Москвы доброволец добрался благополучно. Получил место в сибирском экспрессе. Встретил нескольких товарищей по Генеральному штабу, также ехавших на Дальний Восток. Еще на вокзале узнал от своих спутников, что в их поезде едут адмирал Макаров, командующий Тихоокеанским флотом, и генерал Ренненкампф, начальник Забайкальской казачьей дивизии.

После разгрома у Порт-Артура русской эскадры, больно отразившегося на настроении флота и всей России, назначение адмирала Макарова было принято страной с глубоким удовлетворением и внушало надежды. Заслуги адмирала были широко известны. Его боевой формуляр начался в русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Россия тогда еще не успела восстановить свой флот на Черном море. Макаров на приспособленном коммерческом пароходе «Вел. кн. Константин» с четырьмя минными катерами наводил панику на регулярный турецкий военный флот, взорвал броненосец, потопил транспорт с целым полком пехоты, делал налеты на турецкие порты... Впоследствии с отрядом моряков принял

участие в Ахал-Текинском походе знаменитого генерала Скобелева.

Обязанный своей карьерой исключительно самому себе, адмирал Макаров исходил все моря, на всех должностях; исследовал большой научный океанографический материал по Черному морю, Ледовитому и Тихому океанам, удостоившись премии Академии наук; разработал новые идеи о морской тактике; наконец, построив ледокол «Ермак», положил в России начало арктическому плаванию во льдах. Все это сделало его особенно популярным, и не было человека в России, не знавшего имени Макарова и его «Ермака».

Храбрый, знающий, честный, энергичный, Степан Осипович Макаров, казалось, самой судьбой был предназначен восстановить престиж Андреевского флага в тихоокеанских водах.

Со своим штабом он ехал в отдельном вагоне. Деникин и его товарищи знали, что там кипит работа: каждый день по несколько часов адмирал занимался планом реорганизации флота, составлением наставлений для маневрирования и боя. Иногда для собеседования приглашался генерал Ренненкампф. Несколько раз во время пути адмирал заходил в общий салон-вагон, где Ренненкампф представил ему Антона Ивановича. *«Я не помню тогдашних разговоров, да и вряд ли они имели принципиальный характер. Но помню хорошо его внешность — характерное русское лицо с окладистой бородой, добрые и умные глаза, и то обаяние, которое производила личность адмирала на его собеседников, и ту веру в него, которая невольно зарождалась у нас», — вспоминал будущий вождь Белого движения.*

Второй знаменитостью, с которой ехал на войну Антон Иванович, был Павел Карлович Ренненкампф. К началу Русско-японской войны он приобрел имя и широкую известность в военных кругах, чему способствовало его участие в подавлении восстания в Китае в 1900 году. Тогда Павел Карлович получил два Георгиевских креста. Кавалерийский рейд генерала Ренненкампфа по своей лихости и отваге заслужил всеобщее признание.

С Ренненкампфом во время пути Антон Иванович был в постоянном общении: в частных беседах генерал рассказывал о своем походе, весьма скромно касаясь личного участия. Устраивали совместные товарищеские пирушки, которые не выходили никогда из пределов воинской субординации.

Знаменитый боевой генерал присутствовал неизменно и на импровизированных «литературных вечерах», где ехавшие в поезде три военных корреспондента читали свои ста-

тьи, посылаемые с дороги в газеты. Круг впечатлений пассажиров, едущих на игру в прятки со смертью, от поездных разговоров, от бесед с офицерами обгоняемых воинских эшелонов и от мелькавшей станционной жизни Великого Сибирского пути был ограничен. Писали корреспонденты, в сущности, одно и то же, и Деникину известное. Но любопытен был индивидуальный подход к их темам.

Сотрудник «Биржевых ведомостей», в форме подпоручика запаса, писал вообще скучно и неинтересно. От «Нового времени» ехал журналист и талантливый художник Кравченко. Он нарисовал прекрасный портрет генерала Ренненкампа, наделил попутчиков своими дорожными набросками и, вообще, пользовался среди пассажиров поезда большими симпатиями. Писал он свои корреспонденции интересно, тепло и необыкновенно правдиво.

В поезде у будущего вождя Белого дела состоялась первая встреча с человеком, с которым судьба его сведет еще не раз. С ним в Маньчжурию в качестве военного корреспондента от «Русского инвалида» — официальной газеты Военного министерства — ехал подъесаул *Петр Николаевич Краснов*.

Мы еще будем говорить об атамане Краснове...

В поезде за двухнедельное путешествие все пассажиры перезнакомились. И потом по приказам и газетам Деникин следил за судьбой спутников.

...Прибыв в Порт-Артур, адмирал Макаров проявил кипучую деятельность, реорганизовал технически и тактически морскую оборону, а главное, поднял дух флота. Но жестокая судьба распорядилась иначе: 12 апреля броненосец «Петропавловск», на котором держал свой флаг командующий Тихоокеанским флотом, от взрыва мины в течение 2 минут пошел ко дну, похоронив надежду России.

Генерал Ренненкампа в позднейших боях был ранен, один из его штабных убит, двое ранено.

Писатель Кравченко погиб в Порт-Артуре. Большинство других попутчиков Антона Ивановича были также перебиты или ранены...

Создается впечатление, что поезд, на котором ехал на войну Генерального штаба капитан Деникин, был отмечен печатью рока...

А пока колеса поезда мерно постукивали. Поезд остановился 5 марта в Харбине. Антон Иванович уже почти не хромал. Прибыл в штаб Заамурского округа пограничной стражи, где получил назначение на вновь учрежденную должность начальника штаба 3-й заамурской бригады.

В ПРЕДБОЕВЫХ ПОРЯДКАХ

*Это не служба, а службишка;
служба будет впереди...*

Русская поговорка

Деникин, став начальником штаба бригады, будучи в чине капитана, неожиданно перескочил по иерархической лестнице две ступеньки. Он получил и солидный оклад содержания, позволивший в несколько месяцев «аннулировать» оставленное в Варшаве «завещание» и позаботиться о матери.

В круг его служебных обязанностей входили вопросы строевой, боевой и разведывательной службы. Командир бригады полковник Пальчевский, введя в курс бригадных дел своего начальника штаба, предоставил затем ему широкую инициативу. С ним Антон Иванович трижды проехал на дрезине почти 500-километровую линию, знакомясь со службою каждого поста. С конными отрядами отмахал сотни километров по краю, изучая район, быт населения, знакомясь с китайскими войсками, допущенными вне полосы отчуждения — для охраны внутреннего порядка. Половина пограничников — на станциях, в резерве, другая поочередно — на пути. В более важных и опасных пунктах стоят «путевые казармы», словно средневековые замки в миниатюре, окруженные высокой каменной стеной с круглыми бастionsами и рядом косых бойниц, с наглухо закрытыми воротами. А между казармами — посты-землянки на 4—6 человек, окруженные окопчиком. Служба тяжелая и тревожная.

Со временем Деникин втянулся в службу, она стала для него интересной. К Пасхе его произвели в подполковники. С товарищами и командиром бригады сложились добрые отношения. Бытовые условия — вполне сносные.

Но Деникин рвется на передовую, он побывал в Харбине у генерала Чичагова, прося отпустить в действующую армию, но получил решительный отказ. Вернулся Антон Иванович в удрученном состоянии.

Было, правда, одно утешение, которое отвлекало от мрачных мыслей: бравый воин переживал идиллическую любовь к одной молодой привлекательной брюнетке. Кто была эта дама, в свое время попыталась узнать у своего отца Марина Антоновна:

«В возрасте пятнадцати лет, листая альбом, я обратила внимание на фотографии, внизу которых стояла дата — 1904 год. Я отметил несколько снимков, где на фоне скал, водопада, ограды каких-то садов мой отец был снят вместе со

слегка прижимающейся к нему молодой брюнеткой. Лицо его выражало довольство и счастье. Я спросила:

— Кто это, папа? Это какая-то твоя бывшая пассия?

Моя мать, ревнивая по природе, поддержала меня, искусственно небрежно бросив:

— Ну, Иваныч, расскажи же своей дочке приключения с прекрасной Марией!

Отец покраснел и захлопнул альбом. Больше я никогда не затрагивала эту тему...»*

Любовные страдания, однако, не отвлекли Деникина от прежнего желания попасть на передовую. Однажды такой случай представился: капитан Генерального штаба В. попросился из армии на более спокойную службу из-за болезненного состояния. Его предложили генералу Чичагову в обмен на Антона Ивановича. Произошла небольшая кадровая рокировка.

В сентябре 1904 года Деникин был назначен штаб-офицером при штабе 2-го армейского корпуса Маньчжурской армии. Но должность эту принять не успел. Офицер, ведавший назначениями, ему сказал:

— Получена телеграмма, что тяжело ранен и эвакуирован полковник Российский, начальник штаба Забайкальской дивизии генерала Ренненкампа. Не хотите ли туда? Только должен вас предупредить, что штаб этот серьезный — голова там плохо держится на плечах...

— Ничего, Бог не без милости! Охотно принимаю назначение, — отчеканил Антон Иванович.

На темном фоне маньчжурских неудач и отступлений имя генерала Ренненкампа было овеяно боевой славой. В полчаса Деникин собрался. При нем состояли конный ординарец Старков, пограничник, по происхождению донской казак — храбрый и расторопный, проделавший с Антоном Ивановичем все походы до конца войны, награжденный генералом Ренненкампом солдатским Георгиевским крестом. Да еще конный вестовой с вьючной лошастью, нагруженной походной кроватью-чемоданом «гинтера», куда помещался весь несложный скарб подполковника Деникина.

Антон Иванович велел седлать коней и двинулся в путь к затерянному в горах восточному отряду генерала Ренненкампа.

* «По-моему, мама зря так ревновала папу, — закурив очередную сигарету, сказала мне Марина Антоновна в нашей беседе летом 2004 года. — Ведь у него были до мамы женщины. Все же на 20 лет старше... Но я выводы сделала и больше никогда папе не задавала вопросов, где был хотя бы какой-нибудь намек на чужих женщин...»

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

*Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны?
Пойдем сомкнемся в ратном строе,
Пойдем — и в ужасах войны
Друзьям, отечеству, народу
Отыщем славу и свободу,
Иль все падем в родных полях.*

Ф. Глинка

Русская армия терпела серьезные поражения. Чувствуя всеобщее осуждение своей «отступательной» стратегии, Куропаткин обронил фразу, которая облетела армию и подняла настроение: «От Ляояна не уйду».

30 августа началось наступление трех японских армий на передовые Ляоянские позиции. Два дня длился бой. Но в ночь на 1 сентября по приказу Куропаткина армия отводится на главные позиции. 3 сентября в разгар боя был получен приказ об общем и немедленном отступлении. Но, как оказалось, положение русских войск под Ляояном отнюдь не было безнадежным. Японские армии пришли в большое расстройство и потеряли способность к дальнейшим атакам. Японское командование считало свое положение весьма тяжелым. В Ляоянском сражении русские войска потеряли 18 тысяч, японцы 23,5 тысячи человек. Тем не менее русская армия отошла к реке Шахэ.

После Ляояна Петербург решил отправить на Маньчжурский театр военных действий 2,5 корпуса и кавалерию. Во всяком случае, к октябрю 1904 года у русской армии пока еще сохранялось превосходство в силах: 195 тысяч штыков и 758 орудий против 150 тысяч штыков и 648 орудий японцев.

В начале октября Куропаткин задумал так называемое Шахэйское сражение. Наступление началось удачно. Передовые части японцев были сбиты, а отряд генерала Ренненкампа обошел их с фланга. Но вместо безостановочного и быстрого движения всем фронтом Куропаткин вновь проявил нерешительность. Между тем японцы перешли в контрнаступление. Центр японцы не прорвали, но отвлекли на себя почти все резервы генерала Куропаткина. западный отряд принужден был отойти на несколько километров. Наступление восточного отряда захлебнулось. Постепенно замирая, Шахэйское сражение закончилось 17 октября 1904 года. Потери русских — 41 тысяча человек, японские — почти такие же.

Японское контрнаступление выдохлось еще раньше русского. И почти одновременно обе стороны отказались от продолжения операции.

В такой сложной стратегической и оперативно-тактической обстановке началась в конце октября 1904 года боевая деятельность Деникина в качестве начальника штаба в Восточном отряде генерала Ренненкампа.

С непосредственным начальником Антону Ивановичу повезло: генерал Ренненкампа был личностью неординарной. Из воспоминаний Деникина:

«Генерал Ренненкампа был природным солдатом. Лично храбрый, не боявшийся ответственности, хорошо разбиравшийся в боевой обстановке, не поддававшийся переменчивым впечатлениям от тревожных донесений подчиненных во время боя, умевший приказывать, всегда устремленный вперед и зря не отступавший... В конце июня, после тяжелых дней Тюренчена и Вафангоу, излагая в донесении государю причины наших неудач, генерал Куропаткин, между прочим, писал: "Резкое отношение генералов Засулича и Штакельберга, в особенности последнего, к подчиненным помешало установить правильные отношения между ними и войсками". А генералы Мищенко и Ренненкампа "пользовались авторитетом и любовью". Действительно, Засулича войска не любили, Штакельберга ненавидели. Что же касается Мищенко и Ренненкампа, которых я знал близко, эта характеристика требует некоторого исправления. Мищенко, о котором я буду говорить впоследствии, и сам любил людей, и его любили. Ренненкампа же смотрел на людской элемент своих частей как на орудие боя и личной славы. Но его боевые качества и храбрость imponировали подчиненным и создавали ему признание, авторитет, веру в него и готовность беспрекословного повиновения. Близости же не было».

Отношение между китайским населением и войсками отряда не вызывали сложностей. Конечно, бывали эксцессы, как и во всех армиях, во всех войнах. Но так уж сложилось исторически, что русский человек в своей ментальности не был заносчив. Зато образовавшуюся лакуну заполнила общительность. К китайцам солдаты относились добродушно.

Населенные пункты часто переходили из рук в руки, так что можно было сравнить два «режима». Аккуратные японцы, отступая, оставляли обыкновенно постройки в порядке, тогда как наши солдаты, и в особенности казаки, приводили их в нежилой вид. Чтобы заставить людей бережнее относиться к жилью, Ренненкампа приказывал при повтор-

ном занятии селений размещать роты и сотни в тех самых строениях, которые они занимали раньше.

Во всех прочих отношениях японский «режим» был тяжелее. Презрительное отношение японцев к китайцам, буквально как к неодушевленным предметам, и жестокость реквизиций угнетали население. В особенности возмутительны были реквизиции... женщин, которые производились не самочинно, а по установленному порядку... Даже на аванпостах японских застав, внезапно захваченных русскими, обнаруживалось несколько запуганных и замученных «реквизицией» женщин...

Однако отношения с китайским населением осложнялись, по наблюдениям Деникина, на театре военных действий еще более, нежели в Заамурском округе пограничной стражи рабской зависимостью от китайских переводчиков. Порухенный традиционный быт породил среди китайцев много «добровольцев», предлагавших услуги по части шпионажа и русским, и японцам. Пойманные с поличным, они гибли сотнями, но изменить что-либо было трудно, так как при допросах и расследовании никто не мог поручиться, что китаец-переводчик не оговаривает по злобе и не сводит личных счетов с допрашиваемым. Всякое бывало. В походном дневнике Антона Ивановича, опубликованном впоследствии в «Пути русского офицера», приводится такой эпизод.

«Был у нас тут прапорщик один — так, никуда не годный, — говорил мне Маноцков. — Большое дело у него в столице и жена молодая. Пуль боялся и все по дому тосковал. Только однажды привозят его два казака раненного в ногу и тут же двух китайцев, связанных вместе косами. Оказывается, ехал он с казаками в Шахедзу, в обоз. Остановился по дороге и говорит казакам: “Вы тут подождите, а я в рощу за надобностью зайду”. Прошло минут пять, слышат казаки выстрел. Побежали в рощу и видят — лежит прапорщик раненый, а в стороне два испуганных китайца бегут. “Вот, — говорит прапорщик, — мои убийцы...”»

Посмотрел я его — рана пустая, но температура очень высокая. Одно только смутило меня — вокруг входного отверстия как будто ожог. Да... Китайцев допросили через переводчика. Что он наговорил — не знаю, но, на основании его допроса, китайцам срубили головы. А прапорщик... Слышу я из лазаретного отделения какие-то звуки. Бред не бред, стон какой-то. Захожу и вижу: сидит на кане прапорщик с широко открытыми глазами и сам с собою разговаривает. Узнал меня. “Манзы, где, где манзы, что с ними сделали?” — спраши-

вает. “Казнили”, — говорю. “Послушайте, какой ужас. Боже, да что же это такое. Поймите, это я сделал сам, слышите, я сам...” — Маноцков замолк.

“Потом?” — спрашиваю его. “Потом его эвакуировали”. — “Почему же вы не обличили прапорщика?” — “Потому, что я врач, а не прокурор. К тому же отрубленные головы не поставишь обратно на место”».

...В октябре 1904 года наместник Дальнего Востока адмирал Алексеев, сознавая свое несоответствие роли главнокомандующего, третий раз попросил Николая II об отставке. И ввиду значительного усиления Маньчжурской армии корпусами из России предлагал создать Вторую армию, «возглавив обе армии авторитетным полководцем». Так он подсказывал почетный выход для Куропаткина, который мог оставаться командующим одной из армий, а смещение и замена коснулась бы только адмирала Алексеева как главнокомандующего. Наместник был освобожден от должности, и главнокомандующим стал... генерал Куропаткин. Чего только не случается в коридорах власти!

После этого Маньчжурская армия была преобразована в три армии, во главе которых стали: 1-я — генерал Линевиц, 2-я — генерал Грипенберг и 3-я — генерал барон Каульбарс.

Отряд генерала Ренненкампа вошел в состав 1-й армии.

Деникин как начальник штаба отряда организует усиленную разведку. В середине ноября генерал Ренненкампа, тяготившийся затишьем, лично пошел с небольшим отрядом (3 батальона, 4 сотни, 12 орудий) в направлении на деревню Уйцзыюй. Отряд шел по широкой ложине между двумя рядами сопек, с которых в любой момент могли посыпаться неприятельские пули. Для охранения вперед высылались конные заставы; казаки спешивались, карабкались на сопки вправо и влево и прикрывали колонну, после подхода присоединяясь к ней. А впереди шли новые заставы — перекатами. Остановились на привал. Деникин пишет первое донесение в штаб армии. Холодное утро. Воздух чист и прозрачен. Слышен непрерывный и назойливый свист— вззы... вззы, точно шмели. Ренненкампа обращается к начальнику штаба:

— Ну-с, Антон Иванович, поздравляю вас с боевым крещением!

Оказалось, жужжали японские пули, пронесившиеся над их головами, но внимания на них никто не обратил.

Отряд сбил противника с перевала Шунхайлин и, выбив японцев из Уйцзыюй, занял деревню. В ней заночевали, выставив аванпосты на прилегающих сопках. Офицеры про-

снулись на рассвете, разбуженные сильным огнем с сопки, где должны были стоять аванпосты... Оказалось, что японцы ночью, громко говоря по-русски, подошли вплотную к нашим двум заставам, сбили их, заняли гряду и открыли сверху по деревне огонь. Пули сыпались, как горох, по крыше и стенам штабной фанзы. Тотчас же выслан был батальон на подкрепление передовых частей.

Штаб же, по заведенному Ренненкампом обычаю, собирался не спеша, как в мирной обстановке: под пулями во дворе фанзы проделывали утренний туалет, под пулями пили чай, даже как будто дольше обыкновенного; потом пошли к резерву, стоявшему открыто в ложине у перекрестка дорог. Начался огонь по резерву. Там зашевелились, санитары пронесли раненых. Деникин обратился к генералу Ренненкампу:

— Ваше превосходительство, надо отвести резерв под ту сопку.

— Погодите, после ночной тревоги люди нервничают. Надо успокоить.

— Так мы останемся здесь для успокоения, а резерву все-таки разрешите укрыться?

Разрешил.

Да, традиция не слишком бережного отношения к собственной жизни создавала определенное отношение в войсках не только к начальнику, но и к его штабу.

23 ноября наши аванпосты у Цинхечена были потеснены японцами, а 24-го утром высланный вперед авангард обнаружил наступление по ложине густых колонн противника. Начался Цинхеченский бой.

Генерал Ренненкампф со штабом выехал на наблюдательный пункт на командной высоте, с которой видна была вся панорама боя. От начальника авангарда — командира казачьего полка получили тревожное и сбивчивое донесение. Ренненкампф послал ему полевую записку неприятного содержания и выругался:

— Боюсь, что этот... мне все напутает!..

— Ваше превосходительство, разрешите мне принять авангард, — воскликнул Деникин.

— С удовольствием, желаю успеха.

Опять же нетипичная ситуация: начальник штаба, в руках которого сосредоточены все нити управления, напрашивается у своего командира в авангард, в самое пекло, где ни по каким канонам военного искусства не должен находиться начальник штаба, ибо через него командир управляет боем. И командир с удовольствием соглашается!

Антон Иванович поехал к авангарду, обдумывая, как бы позолотить пилюлю своему предшественнику. Напрасное беспокойство. Когда полковник узнал о смене, он снял шашку, перекрестился и сказал:

— Слава тебе, Господи! По крайней мере, теперь в ответе не буду.

«Сколько раз я встречал в армии на высоких и на малых постах людей, безусловно храбрых, но боявшихся ответственности!» — пишет Деникин.

У Антона Ивановича были свои недостатки, но в одном его нельзя упрекнуть — боязни личной ответственности...

Деникин получает возможность приобрести первый опыт самостоятельного командования крупной войсковой частью.

Холодная ночь... Стрелки лежат на гребне сопки в напряженном ожидании, держа ружья в заоченелых руках. Антон Иванович спустился вниз к резерву. У небольших костров, от неприятеля не видных, грелись кучки солдат; другие, невзирая на мороз, спали на соломе, разостланной на земле. Ни одной фанзы поблизости. Ординарец Старков, раздобыв где-то лом, выкопал в промерзлой земле яму, настлал соломы — постель для своего подполковника. Попробовал Деникин прилечь — не вышло, стынет тело, предпочел не спать. В ночь японцы атаковали и были отбиты.

Вскоре они повели бой по всему фронту авангарда Деникина, все более охватывая левый фланг, выходя на Синцантинскую дорогу. Сотни Деникина, направленные туда, высылали на гребень высот мелкие спешенные части, которые огнем вводили в заблуждение японцев, удлинявших радиус охвата.

Наступали по всему фронту. Японцы подошли на 1200—2000 шагов к разным участкам позиций.

На авангард Деникина направлено острие главной атаки. Сильнейший огонь, нельзя поднять головы. Командир ближайшей роты, капитан Чембарского полка Богомоллов ходит по цепи во весь рост, проверяя прицелы...

— Капитан, зачем вы это делаете? Нагнитесь!

— Нельзя, господин подполковник, люди нервничают, плохо целятся.

И зашагал дальше по цепи.

Ползут вниз раненые. Японские пули медные, старого образца, потому раны тяжелые. Уносят убитых. Один унтер-офицер сражен пулей в голову — очевидно, любимец капитана. Богомоллов подошел, наклонился, поцеловал по-

койника в лоб. Потом присел возле, закрыв лицо руками... Но через 2—3 минуты встал и опять во весь рост зашагал по цепи.

Вот он, строевой русский офицер в своем презрении к смерти, любви к солдату, на плечи которого падает самая грязная и страшная работа на поле боя! Разве можно его обвинить в поражении в той бесславной для России войне?

Наступление и атаки японцев против Цинхечена продолжались 5 дней. Последний раз японцы перешли в короткое наступление, легко отбитое. Это был лишь арьергард, прикрывавший отступление главных сил. Разъезды донесли Деникину, что колонна, обходившая войска слева, уходит на Цзянчан.

Боевая задача была выполнена Антоном Ивановичем, без преувеличения сказать, блестяще! Общие потери японцев — 280 человек. Он распустил свой отряд по полкам и вернулся в штаб.

Так кончился Цинхеченский бой, лично для Антона Ивановича особенно памятный как первый опыт боевого командования. Суровое крещение огнем во славу русского оружия состоялось! В историю войны вошли наименования — «Ренненкамповская гора», «Бересневская сопка», «Деникинская сопка», закрепленные за позициями Цинхечена.

В декабре 1904 года произошла реорганизация. Ввиду значительного усиления отряда генерала Ренненкампа последовал приказ о сформировании для него штаба корпуса. Начальником штаба был назначен полковник Василий Гурко. Деникин сохранил должность начальника штаба Забайкальской казачьей дивизии. Во главе дивизии временно стоял генерал Любавин — простой, храбрый и честный уральский казак, предоставлявший своему начальнику штаба оперативную инициативу.

Из ставки постоянно шли тревожные сообщения об угрозе нашему левому флангу, Ренненкампа поручал штабу дивизии усиленные разведки в этом направлении. Дважды Деникин с генералом Любавиным, сбивая передовые части японцев, ходил к Цзянчану. Кроме того, он с *самостоятельным отрядом* отбросил японцев с перевала Ванцелин (Янопу).

В декабре в штабе дивизии стало известно, что готовится набег русских конников в тыл японских армий с запада. Ренненкампа, видимо, очень желал, чтобы дело это было поручено ему; нервничал и сносился по этому поводу част-

ным образом со ставкой. Претендовал на эту роль и генерал Каульбарс, командующий армией, он упрашивал Куропаткина разрешить сдать армию и стать во главе Западной конницы, уверяя, что в этой роли будет более полезен. Действительно, в широких армейских кругах только двух этих природных кавалеристов считали способными выполнить столь важный рейд, впервые предпринимаемый за время Маньчжурской кампании.

Генерал Ренненкампф выехал на встречу с главнокомандующим, взяв с собой подполковника Деникина, которого представил ему. Генерал Куропаткин крепко и несколько раз пожал ему руку, сказав:

— Как же, давно знакомы, хорошо знакомы...

За завтраком главнокомандующий был весьма любезен, расспрашивал о службе, но академического прошлого не вспоминал. Сам к тому времени познал «прелесть» опалы.

В разговоре с Куропаткиным Ренненкампф, по-видимому, опять поднимал вопрос о рейде, но своего не добился, ибо признался начальнику штаба:

— Поведет конницу Мищенко.

1 января 1905 года пал Порт-Артур. Японцы его блокировали 239 дней, осада длилась 159 дней. Крепость девять месяцев задерживала 3-ю японскую армию и отвлекала на себя в общей сложности 170 000 войск противника — около трети сухопутных сил Японии. Урон армии Ноги за всю осаду составил 110 000 человек, из коих 85 000 в боях и на штурмах. Ко дню капитуляции крепости в ее гарнизоне из 32 400 человек было боеспособных лишь 14 938 человек (вместе с моряками).

Таким образом, гарнизон героической крепости отвлек на себя силы, вчетверо большие, и причинил им потери, вдвое превышающие их численность. Иными словами, каждый портартурец сразился с четырьмя японцами и двух из них убил.

Кроме того, японцы заплатили за взятие Порт-Артура 20 потерянными кораблями различных классов — от броненосцев до миноносцев, а также 20 кораблями, надолго выбывшими из строя.

Однако комендант крепости генерал Стессель оказался не на своем месте. Душой обороны Порт-Артура являлся начальник штаба генерал Кондратенко и, если бы его не сразил неприятельский снаряд, крепость могла бы продержаться еще несколько недель.

Обидно другое: крепость не была взята противником. Ее сдали. Причем преждевременно. Несмотря на большие труд-

ности, еще оставались возможности к сопротивлению. Еще имелись боеспособные части, исправные орудия, боеприпасы, продовольствие. Еще можно было сражаться, сковывая у стен крепости 100-тысячную армию генерала Ноги. Проведя четыре длительных штурма, японцы не добились победы над осажденными.

Падение Порт-Артура, хотя и не было неожиданным, тяжело отозвалось в армии и стране. После войны над Стесселем состоялся суд, где его признали виновным в сдаче крепости. Прокурор потребовал для него смертной казни. Верховный военно-уголовный суд согласился с требованием обвинения, но вместе с тем ходатайствовал перед императором о замене осужденному расстрела 10 годами тюремного заключения. Стессель был заключен в Петропавловскую крепость. Там он находился полгода, после чего был выпущен на свободу по «высочайшему повелению».

В начале января 1905 года начал рейд конный отряд генерала Мищенко в составе 77 эскадронов и сотен и 22 орудий. Однако отряд генерала, связанный большим вычным обозом — излишним, потому что край изобиловал продовольствием, — передвигался шагом, давая возможность японцам принимать контрмеры. Поэтому произвел лишь незначительные разрушения железной дороги, уничтожил несколько складов и, потерпев неудачу под Инкоу, обремененный транспортом с ранеными, вернулся в исходное положение.

Армия, однако, не падала духом и ждала с нетерпением нового настоящего наступления. И когда стало известно о его назначении, все приободрились — и офицеры, и солдаты.

Силы у русских и у японцев были почти равными (220—240 тысяч штыков). Главный удар планировалось нанести 2-й армией генерала Грипенберга по левому флангу японцев, в направлении железной дороги. Наступление сулило успех: местность равнинная, привычная нашему солдату, и значительное превосходство сил Грипенберга над противостоящей армией Оку. Пришло 25 января... Деникин в Цинхечене был наизготовке и с нетерпением ждал приказа. Ждал 26, 27, 28 и недоумевал...

Наступление провалилось. Генерал Грипенберг допустил много тактических ошибок и проиграл.

Антон Иванович, конечно, не знал тогда, что это лишь первый звонок, а вскоре предстояло выпить до дна горькую чашу мукденского конфуза.

МУКДЕНСКИЙ КОНФУЗ

*А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы не спросил,
Скажи им, что навьлет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.*

М. Ю. Лермонтов

Начальнику штаба Забайкальской казачьей дивизии подполковнику Деникину поступила информация о подброшенной японцами записке:

«Мы слышали, что через пять дней вы переходите в наступление. Нам будет плохо, но и вам нехорошо».

— Вот тебе и секретность! — в сердцах воскликнул Антон Иванович.

Но на душе, как ни странно, полегчало. Три недели подполковник Деникин изнывал от затишья на фронте. А сейчас, кажется, начнется большое дело...

Генерал Куропаткин готовил новое наступление.

Начальник Западной конницы генерал Мищенко был ранен в боях в районе Сандепу в ногу и лежал в Мукдене в лазарете. Ввиду особой важности той роли, которая предстояла его отряду — набегу в тыл японцев, — главнокомандующий назначил начальником генерала Ренненкампфа. Уезжая с одного конца фронта на другой, генерал обратился к Деникину:

— Не желаете ли, Антон Иванович, ехать со мной?

— С удовольствием.

На другой день, получив предписание ставки, подполковник Деникин выехал вслед за генералом Ренненкампфом и вступил в должность начальника штаба Урало-Забайкальской казачьей дивизии.

Вскоре началась трагическая мукденская эпопея.

В Мукденском сражении соотношение сил и средств противоборствующих сторон было примерно равным по штыкам и саблям, но русские, имея незначительное преимущество в артиллерии, уступали японцам по количеству пулеметов. Создалась ситуация, когда почти все решалось полководческим мастерством и моральным духом войск.

Отряд Ренненкампфа упорными, кровопролитными боями стяжал себе заслуженную славу. В летописи его записано много героических эпизодов, в том числе бой на Знаменной сопке. Когда все силы сопротивления были истощены, все

резервы израсходованы, фронт дрогнул. Тогда храбрый артиллерийский генерал Алиев сам повел в контратаку последние четыре знаменные роты четырех полков, отбил сопку и водрузил на ней знамена. Этот подвиг поднял войска, которые приостановили японское наступление...

Переезжая на восток, генерал Ренненкампф предложил подполковнику Деникину вернуться в отряд. Тот согласился. Но вернуться не пришлось из-за недоразумения, которое выяснилось после войны. Ренненкампф по пути снесся со ставкой, и ставка по поводу Деникина послала в штаб армии телеграмму, которая в начавшейся мукденской заварухе где-то затерялась.

«Так и осталось чувство некоторой обиды у меня — против Ренненкампфа, у него — против меня, разъясненное и рассеянное вполне только после нашей встречи через несколько лет в Ялте», — вспоминал Антон Иванович.

На смену Ренненкампфа для командования Западной конницей был прислан генерал Греков. Урало-Забайкальской дивизией временно командовал генерал Павлов.

И вновь Антону Ивановичу напомнили о себе годы учебы в Академии Генштаба. Начальником штаба у генерала Грекова был... профессор полковник Баскаков! Тот самый Баскаков, который не поставил будущему вождю Белого движения на экзамене спасательные 7 баллов, вследствие чего Деникина отчислили с первого курса. Теперь роли переменились: Деникин — начальник штаба дивизии с определенным боевым опытом, Баскаков — новичок.

Из воспоминаний Антона Ивановича:

«...Приезжает на мой наблюдательный пункт и спрашивает (Баскаков):

— Как вы думаете, что означает это движение японцев?

— Ясно, что это начало общего наступления и охвата правого фланга наших армий.

— Я с вами вполне согласен.

Еще три-четыре раза приезжал Баскаков осведомиться, “как я думаю”, пока не попал у нас под хороший пулеметный огонь, после чего визиты его прекратились.

Должен сознаться в человеческой слабости: мне доставили удовлетворение эти встречи, как отплата за “12-й час” Ваг-рама и за прибавку полбалла...»

А между тем дивизия все сильнее ввязывалась в бои Мукденского сражения. Сцепившись с наступавшей с фронта японской дивизией, она медленно, с боем отходила к Сифантаю. Силы обходивших армию японцев определялись в этот день уже во 2-й дивизии, о чем и было донесено штабу армии.

На фоне большой мукденской трагедии началась маленькая трагедия Западной конницы. После отъезда Ренненкампа, руководимая последовательно тремя бесталанными генералами, она была раздернута на части, благодаря разноречивым приказам сверху: к концу сражения полки ее оказались в девяти местах, Западная конница распалась, не сыграв решительной роли в роковой и ответственный момент. В ее судьбе, как в зеркале, отражается хаос, воцарившийся на фронте 2-й армии.

28 февраля генерал Греков с частью сил ушел на север, и больше до конца сражения Деникин его не видел. От Урало-Забайкальской дивизии осталось 10 сотен и 2 батареи. В ночь на 1 марта завязался бой под Сифантаем, с нашей стороны главным образом артиллерийский. Дивизия находилась в полуокружении.

Штаб расположился возле наблюдательного пункта командира артиллерийского дивизиона полковника Гаврилова. Антон Иванович с искренним восхищением наблюдал за его артистической стрельбой, буквально косившей японские цепи. Поразило и поведение в бою. Это была не просто храбрость, а полное равнодушие к витавшей над головами солдат и офицеров смерти. Под огнем японских шимоз Гаврилов, найдя несоответствие в баллистических данных своей стрельбы, делал вычисления в записной книжке, приговаривая:

— Очень, очень интересный случай.

К сожалению, только одной доблестью офицеров войны не выигрываются. Обстановка в Мукденском сражении для русских армий все больше ухудшалась. Войска отступали. В ночь на 2 марта по приказу штаба армии Сифантай был оставлен. Отряд генерала Павлова пошел на присоединение к генералу Грекову. Но вскоре он получил четыре разноречивых приказания от главнокомандующего, от командующего 2-й армией (два) и от генерала фон дер Ляуница, служебное положение которого Деникину не было известно. Стало очевидным, что в высших штабах управление нарушено.

Не имея резервов, командование русских войск прилагало чрезвычайные усилия, чтобы парировать удар. Из армии Линевица приказано было вернуть столь неосмотрительно посланный туда 1-й Сибирский корпус. Спешно снимались дивизии из боевой линии 2-й армии и прямо из боя направлялись на запад против обходящей армии Ноги. Во главе этих войск стал генерал Каульбарс, оставив за себя на южном фронте армии генерала фон дер Ляуница. Каульбарс выехал лишь с несколькими офицерами штаба, без надлежащих средств связи, что крайне затрудняло возможность управления.

Деникину удалось выяснить, наконец, что отряд подчиняется генералу фон дер Ляуницу. Получена задача: идти на север, причем передать 8 сотен генералу Толмачеву, посылаемому штабом.

Это был тяжелый поход, ставший для многих солдат и офицеров последним... После очередной реорганизации отряд генерала Павлова прекратил существование. Славная мищенковская Урало-Забайкальская дивизия распалась. Генерал Павлов и Деникин со штабом остались без дела, но уходить в тыл не собирались. Решили остаться в боевой линии при последних двух сотнях. Во избежание недоразумения каждый день утром и вечером Антон Иванович посылал донесения в штаб армии о положении бывшей Западной конницы и о том, что «отряд ген. Павлова» не существует. Тем не менее в течение еще трех дней он получал распоряжения, возлагавшие на несуществующий отряд важные и ответственные задачи.

6 марта 1905 года Деникина вызвали, наконец, в штаб армии. В штабе — неосведомленность, усталость, уныние. Только что кончился военный совет, и генерал Каульбарс шел на телеграф. Решалась судьба завтрашнего дня... После доклада Деникина остаткам отряда разрешено было «стать где угодно».

— А когда же общее наступление? — спросил он штабного генерала.

— Все обозы спешно направлены в тыл, а армии приказано удерживать позиции.

Положение становилось грозным. Японцы появились к северу от Мукдена, в 6 километрах от Императорских могил, угрожая глубокому тылу русских армий.

К 3 марта 1905 года путем огромных усилий русскому командованию удалось сосредоточить на Западном фронте против японского генерала Ноги значительные силы. Деникин прошел по всему Западному фронту. Беседовал с офицерами и солдатами, замечал в них усталость и сомнение, но нигде не наблюдал упадочного настроения и чувства безнадежности.

С 3 марта войска, переменив фронт к западу, готовы были по первому приказу обрушиться всей тяжестью 120—140 батальонов на слабейшего врага, совершавшего обходный марш ввиду неподвижно стоявших русских линий.

Но общее наступление так и не началось...

Японцы прорвали наш фронт и хлынули к Мукдену, приближаясь к нему с юго-востока. Три восточных корпуса, в том числе и Ренненкампа, были на время отрезаны от ос-

тальной армии. У Мукдена наши войска очутились «в бутылке», узкое горлышко которой все более и более суживалось к северу от Мукдена. Находясь с конницей у западного края этого «горлышка», Деникин имел печальную возможность наблюдать финальный акт мукденской драмы.

Одни части пробивались с боем, сохраняя порядок, другие — расстроенные, дезориентированные — сновали по полю взад и вперед, натываясь на огонь японцев. Отдельные люди, то собираясь в группы, то вновь разбегаясь, беспомощно искали выхода из мертвой петли. Конные разъезды служили для многих маяком... Все поле, насколько видно было глазу, усеяно было мчавшимися в разных направлениях повозками обоза, лазаретными фургонами, лошадьми без всадников, брошенными зарядными ящиками и грудями развороченного валявшегося багажа даже из обоза главнокомандующего...

В первый раз за время войны Антон Иванович видел панику. Но к 17 марта наступательный порыв японцев иссяк, кризис миновал. Мукденская операция принесла обеим армиям большие потери. Русская армия — 90 тысяч убитыми, ранеными и пленными, причем убитых и раненых — около 71 тысячи человек. Японская армия соответственно — 71 тысяча и 70 058 человек.

А. И. Деникин, анализируя бесславную Мукденскую операцию, писал:

«Никогда еще судьба сражения не зависела в такой фатальной степени от причин не общих, а частных. Я убежден, что стоило лишь заменить заранее нескольких лиц, стоящих на различных ступенях командной лестницы, и вся операция приняла бы другой оборот, быть может, гибельный для зарвавшегося противника».

Такая точка зрения весьма оригинальная, хотя и дискуссионная. Но в военной истории есть примеры, когда полководческий гений переламывал самые неблагоприятные ситуации.

ПОСЛЕДНИЕ АККОРДЫ

На войне, как на войне.

Мукденское сражение, выявив острый дефицит полководческих талантов, предугадало бесславный конец в Русско-японской войне, но он еще был впереди.

Вопрос о замене Куропаткина был предрешен. Николай II хотел заменить его прославленным генералом Драгомировым, но понял: бесполезно. Михаил Иванович был давно

болен. И к тому же крайне нигилистически относился к этой войне, видя всю неподготовленность к ней России. Он переживал, что русский воин будет напрасно проливать кровь за непонятную аферу сильных мира сего. Когда Драгомиров тяжелобольным приехал на родину в Конотоп, то в зале ожидания вокзала, невзирая на множество публики, начал ругать Петербург, царя и дураков-министров. Городовые и жандармы стояли тут же, взяв почтительно под козырек.

По дороге на хутор он сказал приятелю:

— Помру... эта война меня сразу подкосила!

Так и случилось...

Генерал Куропаткин послал государю телеграмму, прося оставить на любой должности в действующей армии. Царь предоставил ему командование 1-й армией.

Новым главнокомандующим стал генерал Н. П. Линевич — добрый и покладистый человек, пользовавшийся известной популярностью среди солдат (за глаза его звали «папашей»), но стратегическим мышлением не обладал. Одним словом, выбор Николаем II нового главнокомандующего — кадровая рокировка по принципу: «шило на мыло»...

Штаб Линевича с переходом в наступление медлил. Ожидали результат выхода в Тихий океан эскадры адмирала Рожественского.

Странная это была эпопея...

Из Балтийского моря адмирал вел свои корабли по непонятному маршруту: Северное море, Атлантический океан, берег Африки, затем Индийский океан и, наконец, Китайское море. Двенадцать тысяч миль за один месяц. Двенадцать броненосцев, восемь крейсеров и девять миноносцев с некоторым запозданием вошли в Северное море, где 22 октября 1904 года открыли огонь по мирным британским траулерам, приняв их за японские суда! Кругосветное путешествие могло бы на этом и кончиться, если бы инцидент не был урегулирован усилиями дипломатов.

Много непонятного в одиссее адмирала Рожественского... Но авантюра это была несусветная: соотношение сил и средств не в нашу пользу, не имелось ни одной базы на всем пути в 18 тысяч миль у данных малых морских сил.

Эскадра погибла 27 мая 1905 года под Цусимой... Еще одна кровоточащая рана в военной истории Отечества.

Эскадра погибла, а японцы, понеся большие потери, не хотели рисковать новым наступлением утомленных войск. Поэтому в течение 6 месяцев на фронте царило затишье. Скучал в это время Антон Иванович в конном отряде генерала Мищенко.

Отряд состоял из Урало-Забайкальской казачьей дивизии, Кавказской туземной бригады и нескольких конно-охотничьих команд стрелковых полков. В середине мая прибыла из России Кавказская дивизия в составе кубанских и терских казачьих полков.

Отряд генерала Мищенко входил в состав 2-й армии и имел задачей охрану правого фланга армии и глубокую разведку расположения противника. В то время как на фронте царило полное затишье, конный отряд с 10 марта и по 1 июля был в постоянных боях. Девять раз он ударял по флангу и тылу расположения армии японского генерала Ноги.

Но между генералами Мищенко и Каульбарсом дружелюбия не было. Самолюбивый и самостоятельный Мищенко, уже известный не только армии, но и России, не мог простить резкого, наставительного тона Каульбарса, авторитет которого после Мукдена поколебался...

Между генералами шла нервная переписка. Не раз взбешенный Мищенко накладывал такие резолюции, что начальнику штаба Деникину стоило большого труда облечь их в терпимые формы. Выведенный из себя Мищенко послал главнокомандующему частное письмо о невозможности дальнейшей службы с генералом Каульбарсом. Вскоре пришел приказ ставки, которым генералу Мищенко вменялось в обязанность производить набеги на японцев, «чтобы своевременно раскрыть обход противником нашего фланга». Вероятно, ставка дала некоторые указания и Каульбарсу, так как Мищенко вскоре получил вызов к нему «по важному делу». Вернувшись в отряд, командир неопределенно сказал своим штабистам:

— Никакого дела не было. Вызывали, знаете ли, мириться...

Больше ничего не произнес, но Деникин и все офицеры штаба почувствовали, что атмосфера разрядилась.

В начале мая отряду приказано было произвести набег в тыл японской армии. Генерал Мищенко говорил Каульбарсу:

— Если наша армия перейдет в наступление, тогда я понимаю смысл набега и употреблю все силы и уменье, чтобы нанести противнику наибольший вред. А идти одному, чтобы опять вернуться на позиции — этого я не пойму.

Каульбарс утверждал, что есть достоверные сведения о готовящемся наступлении японцев, которых необходимо задержать на несколько дней ввиду подходящих из России пополнений. Задача отряду — истребление неприятельских складов и транспортов и порча путей подвоза.

17 мая отряд выступил, имея 45 сотен и 6 орудий. Для облегчения было взято только по 2 орудия от батареи и по 5 зарядных ящиков. За четыре дня проникли в глубь японского расположения на 170 километров, дошли до реки Ляохе и окрестностей Синминтина.

Первый переход. Боковой авангард попал под огонь японцев. Прикрываясь двумя спешенными сотнями, отряд пошел дальше. Докладывают, что авангард потерял 8 казаков ранеными.

— Раненых вынесли, конечно? — спрашивает Мищенко.

— Невозможно, ваше превосходительство, в 150 шагах от японской стенки лежат.

— Чтоб я этого «невозможно» не слышал, господа!

Поскакали туда еще 2 сотни, спешили и вступили в бой, но безрезультатно. Тогда выскочил из цепи сотник Чуприна с несколькими казаками, бросился вперед, потерял одного убитым и 4 ранеными, но всех вынес! Этот доблестный офицер через два дня был убит...

Первые три дня рейда происходили лишь небольшие стычки и захват случайных обозов и складов. День 20 мая стал для Деникина особенно памятным.

Отряд подходил к реке Ляохе. Оказалось, что на главной этапной дороге Синминтин — Факумын никакого движения уже нет, японцы перенесли линию подвоза вглубь. Командир отряда бросил в этом направлении 1-й Читинский полк, который, прорвавшись сквозь завесу японских постов, вышел на новую транспортную дорогу и наткнулся на огромный обоз, тянувшийся на 7 километров. Изрубив прикрытие, казаки приступили к уничтожению обоза: собирали в кучи повозки и поджигали. Скоро по всей дороге пылало зарево костров.

Отряд между тем шел дальше, авангард наткнулся на укрепленную деревню Цинсяйпао, занятую японской пехотой с пулеметами. Две-три сотни спешили и под сильным огнем двинулись на нее. Хорунжий Арцишевский с двумя орудиями подскочил по открытому полю на 600 шагов и стал поливать японцев шрапнелью... Враг дрогнул. По полю неслись забайкальцы есаула Зыкова, подъесаула Чеславского, уральцы хорунжего Мартынова. Они врезались в японские ряды. Подъем был так велик, что не выдержали и понеслись в атаку вестовые, ординарцы и чины штаба.

Бой длился 2 часа. Две японские роты были уничтожены. В плен попало только 60 человек. Один японский офицер застрелился на глазах русских, другой, покушаясь на само-

убийство, сильно изрезал горло, двум раздробила головы шрапнель. Японские роты дрались храбро и погибли честно.

Казаки подобрали своих и японских раненых. Последних оставили в деревне вместе с персоналом отбитого раньше японского госпиталя, снабдили медикаментами и повозками. Хмурые, бесстрастные, толпились раненые японцы вокруг своих повозок, не понимая, что их отпускают к своим. А невдалеке уральцы хоронили своих убитых, которых отпевал казак — старообрядческий начетчик...

После короткого отдыха двинулись дальше. Боковой авангард, встреченный неожиданно сильным огнем, отошел прямо к штабу отряда. Мищенко остановил его громким окриком:

— Стой, слезай! Ну, молодцы, вперед, в цепь!

И опираясь на палку (рана в ногу), сам пошел вперед. За ним штаб... Эту давнишнюю привычку не в силах были побороть ни призыв к благоразумию, ни явная несообразность положения корпусного командира в стрелковых цепях.

— Я своих казаков знаю, им, знаете ли, легче, когда они видят, что и начальству плохо приходится, — говаривал Мищенко.

Результаты набегав таковы: разгромлены две транспортные дороги со складами, запасами и телеграфными линиями; уничтожено более 800 повозок с ценным грузом и уведено более 200 лошадей; взято в плен 234 японца (5 офицеров) и не менее 500 выведено из строя. Нашему отряду набег стоил 187 убитыми и ранеными. Главнокомандующий генерал Линевич прислал телеграмму:

«Радуюсь и поздравляю ген. Мищенко и всех его казаков с полным и блестящим успехом. Лихой и отважный набег. Сейчас донес о нем государю».

После позора Мукдена Антону Ивановичу повезло: на общем фоне неудач он познал радость боевых побед.

В июне 1905 А. И. Деникин «за отличие в делах против японцев» был произведен в полковники.

В середине июля поползли в армии слухи, что президент США Теодор Рузвельт предложил царскому правительству услуги для заключения мира...

Антон Иванович рассуждал впоследствии о том, как это было воспринято армией:

«Думаю, что не ошибусь, если скажу, что в преобладающей массе офицерства перспектива возвращения к родным пенатам — для многих после двух лет войны — была сильно омрачена горечью от тяжелой, безрезультатной и в сознании всех незаконченной кампании»

Начались переговоры в Портсмуте, где 5 сентября 1905 года Витте заключил перемирие, а 14 октября состоялась ратификация мирного договора. Россия теряла свои права на Квантун и Южную Маньчжурию, отказывалась от южной ветви железной дороги до станции Куачендзы и отдавала японцам южную половину острова Сахалин.

Витте спас карьеру и получил титул графа. Впрочем, в русском обществе тогда можно было слышать насмешки: были Потемкин-Таврический, Румянцев-Задунайский, Суворов-Рымникский, а теперь имеем Витте-Полусахалинского.

Россия никогда не забывала об уступке самураям южной части Сахалина, а Витте с раздражением оправдывался: «Я не хотел отдавать японцам Сахалин в Портсмуте — это была личная уступка японцам самого императора!»

Для Антона Ивановича начались мирные армейские будни.

Урало-Забайкальская дивизия подлежала расформированию; оставаться на службе в Маньчжурии или Сибири Антон Иванович не хотел — потянуло в Европу. Простившись со своими боевыми соратниками, поехал в ставку. Попросил, чтобы снесли телеграфно с управлением Генерального штаба в Петербурге о предоставлении ему должности начальника штаба дивизии в Европейской России. Так как ответ в связи с забастовками на телеграфе ожидался не скоро, Деникин был командирован на время в штаб 2-го кавалерийского корпуса.

Антон Иванович ехал в корпус в вагоне, битком набитом офицерами. Разговор между ними шел исключительно на злобу дня — о новом корпусном командире. Деникина поразило единодушное возмущение, с которым к тому относились. В вагоне сидела сестра милосердия средних лет. Она менялась в лице, потом, заплакав, выбежала на площадку. В вагоне водворилось конфузливое молчание... Оказалось, что она была женой нового командира корпуса генерала А. П. Скугаревского.

Генерал А. П. Скугаревский... Образованный, знающий, прямой, честный и по-своему справедливый тем не менее пользовался давнишней и широкой известностью как тяжелый начальник. Вот как его характеризует Редигер, столкнувшийся со Скугаревским в 1878 году, когда тот был штаб-офицером для поручений штаба гвардейского корпуса:

«Скугаревский — человек грубой внешности, иногда бестактный, отличный работник, который заставлял весь штаб работать отлично. Отличительной чертой его была справедливость».

Генерал А. П. Скугаревский получил должность командира 2-го кавалерийского корпуса недавно, после окончания военных действий, но в корпусе успели его возненавидеть. Командир почитал закон, устав и... их исполнителей. Все остальное было для него безразлично: человеческая душа, индивидуальность, внутренние побуждения того или иного поступка, авторитет и боевые заслуги подчиненного. Скугаревский хорошо знал, как к нему относятся войска.

После той «запорожской сечи», какую представлял собой конный отряд генерала Мищенко, в штабе 2-го корпуса А. И. Деникин попал в совершенно иную обстановку.

В штабе царило тягостное настроение, в особенности во время общего с командиром обеда, участие в котором было обязательно. По установившемуся этикету только тот, с кем беседовал командир корпуса, мог говорить полным голосом. Выговоры сыпались и за обедом. Однажды капитан Генерального штаба Толкушкин, доведенный до истерики разносом Скугаревского, выскочил из фанзы, и через тонкую стену было слышно, как кто-то его успокаивал, а он кричал:

— Пустите, я убью его!

В столовой водворилась мертвая тишина. Все невольно взглянули на Скугаревского. Он, не поведя бровью, продолжал начатый разговор.

Однажды Скугаревский обратился к Антону Ивановичу:

— Отчего вы, полковник, никогда не поделитесь с нами своими боевыми впечатлениями? Скажите, что собой представляет генерал Мищенко?

Деникин, немного подумав, ответил:

— Есть начальник и начальник. За одним войска пойдут куда угодно, за другим не пойдут. Один...

И далее полковник провел параллель между Скугаревским, не называя его, и Мищенко. Скугаревский выслушал совершенно спокойно и даже с видимым любопытством, а в заключение поблагодарил Антона Ивановича «за интересный доклад».

Антону Ивановичу повезло: генерал А. П. Скугаревский при всех его отрицательных качествах, надо полагать, не был злопамятным человеком. В 1908 году, когда он возглавил комитет по образованию войск, попросил военного министра привлечь в комитет полковника Деникина...

Служба в штабе сумасбродного командира стала тяготить Антона Ивановича. Поэтому, воспользовавшись начавшейся эвакуацией и последствиями травмы ноги, уехал наконец в Россию...

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДЕНИКИН

Революция в значительной степени есть расплата за грехи прошлого.

Н. Бердяев

Увидев на рельсах людей в офицерской форме, грозно размахивающих револьверами, машинист паровоза отчаянно затормозил. Клубы пара обволокли моложавого полковника и еще нескольких офицеров.

— Что случилось, господин полковник? — прокричал испуганный машинист.

— Вы сейчас же перецепите паровоз к нашему составу, стоящему на втором пути, — сказал полковник тоном, не терпящим возражений.

— По какому праву? Мы идем строго по расписанию, у нас есть разрешение от смешанного забастовочного комитета.

— Какого комитета? — с возмущением воскликнул полковник. — Вы посмотрите на анархию и хаос, именуемый революцией! Пока наш почтовый поезд пытался идти по расписанию, мы делали не более 100—150 километров в сутки. А однажды солдаты проезжавшего эшелона, у которых испортился паровоз, отцепили и захватили наш.

— Но мы-то здесь при чем, господин полковник? У нас есть разрешение от смешанного забастовочного комитета, я вам уже говорил!

— Мне очень жаль, но я вынужден нарушить установленный порядок в силу чрезвычайных обстоятельств.

— Но есть революционные власти. Обратитесь к ним в конце концов, ваше высокоблагородие!

— Полноте, милостивый государь! О чем вы говорите. Какие это, с позволения сказать, революционные власти?

— Как какие, революционные власти — с какой-то внутренней неуверенностью в голосе произнес машинист. — Мы подчиняемся...

— Уже слышал, милостивый государь! — жестко ответил полковник. — Я с ноября 1905 года еду в поезде по Сибирской магистрали, пробираясь из Маньчжурии в Петербург. А сейчас декабрь. Бесконечно долго ехал по целому ряду новоявленных, с позволения сказать, «республик» — Иркутской, Красноярской, Читинской. Несогласованность в распоряжениях ваших революционных «республик» и ряд частных забастовок иногда вовсе приостанавливали движе-

ние: в Иркутске, где нам пришлось поневоле прождать несколько дней, скопилось, к вашему сведению, до 30 воинских эшелонов и несколько пассажирских поездов. К этому времени по всей дороге чрезвычайно трудно было доставать продовольствие, и мы жили в дальнейшем только запасами, приобретенными в Иркутске.

— Но я-то здесь при чем, ваше высокоблагородие? — отчаянно проговорил машинист.

— Вы, конечно, нет. Да, наверное, хватит выяснять отношения. Стало очевидным, что законным путем никуда не доедешь. Извольте выполнять приказание!

— А если я не подчинюсь?

— Не советую, буду стрелять!

— Ладно, ваша взяла. На кого прикажете жаловаться?

— Извольте, полковник Деникин!

Паровоз был перецеплен.

Так уж сложилось, что самое бурное время революции (ноябрь 1905 — январь 1906) Деникин провел в поезде на Сибирской магистрали, пробираясь из Маньчжурии в Петербург.

Насмотревшись на анархию, царящую на железных дорогах, управление которыми пришло в расстройство, Антон Иванович и еще четверо оказавшихся в поезде полковников собрались вместе: командира одного из сибирских полков объявили комендантом поезда. Назначили караул на паровоз, дежурную часть из офицеров и солдат, вооруженных собранными у офицеров револьверами, и в каждом вагоне — старшего. Из доброхотных взносов пассажиров определили солдатам, находившимся в наряде, по 60 копеек суточных, и охотников нашлось больше чем нужно. Только со стороны двух «революционных» вагонов, в которых ехали эвакуированные железнодорожники, эти меры встретили протест, однако не очень энергичный.

Так полковник Деникин ехал более месяца. Перевалили через Урал. Близилось Рождество, всем хотелось попасть домой к празднику. Но под Самарой поезд остановили у семафора: забастовка машинистов, пути забиты, движение невозможно, и когда восстановится, неизвестно. К довершению всего, сбежал из-под караула машинист поезда.

Офицеры собрались, чтобы обсудить положение. Каково же было общее изумление, когда из «революционных» вагонов поезда к коменданту пришла делегация, предложившая, «чтобы не быть в ответе перед товарищами, надо, мол, разыграть фарс — взять их силою». Снарядили конвой и вытащили за шиворот сопротивлявшихся для виду двух машини-

стов. Дежурному по Самарской станции Деникин передал по телефону категорическое приказание: «Через полчаса поезд пройдет полным ходом, не задерживаясь, через станцию. Чтоб путь был свободен!».

Проехали благополучно. В дальнейшем поезд шел нормально, и Антон Иванович добрался до Петербурга в самый сочельник.

«Этот “майн-ридовский” рейд в модернизованном стиле, — вспоминал генерал, — свидетельствует, как в дни революции небольшая горсть смелых людей могла пробиваться тысячи километров среди хаоса, безвластия и враждебной им стихии попутных “республик” и озверелых толп».

Антон Иванович Деникин, тридцатитрехлетний полковник, возвращающийся с Дальнего Востока в Европейскую Россию с неудачной войны, смог воочию увидеть, что такое революция.

Сегодня, в начале XXI века, отчетливо видно, что Русско-японская война явилась первой катастрофой в XX столетии. Но тогда еще, в начале века, будущее страны было покрыто зыбким туманом. Деникин, естественно, не мог увидеть и оценить весь клубок взаимосвязей войны и революции. Для него было ясно одно: революция — это зло.

Антон Иванович анализирует, как приходило в себя царское правительство, начавшее подавление революции.

По инициативе главы правительства графа Витте для восстановления порядка на Сибирской магистрали командировались воинские отряды генерала Меллер-Закомельского, шедшего от Москвы на восток, и генерала Ренненкампа, двигавшегося от Харбина на запад.

Генерал Ренненкампф выступил из Харбина 22 января 1906 года. Его дивизия шла, не встречая сопротивления, восстанавливая железнодорожную администрацию и усмиряя буйные эшелоны запасных: высадит из поезда мятежный эшелон и заставит идти пешком километров 25 по сибирскому морозу до следующей станции, где к определенному сроку их ждал порожний состав поезда... Подойдя к Чите, считавшейся оплотом революционного движения, Ренненкампф остановился и потребовал сдачи города. После нескольких дней переговоров Чита сдалась без боя. Ренненкампф сменил высших администраторов Забайкальской области, отобрал у населения оружие и арестовал главных руководителей мятежа, предав военному суду.

Совершенно иначе действовал генерал Меллер-Закомельский. Деникин знал его по службе в Варшавском округе, где тот командовал 10-й пехотной дивизией, в штабе ко-

торой Антон Иванович отбывал лагерный сбор в 1899 году. Нрав у Меллера и тогда был крутой, но в мирной обстановке ничем особенным он себя не проявлял, о чем, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях военный министр Редигер.

Однако у Меллера-Закомельского за плечами имелся опыт подавления мятежа в Севастополе. Сию акцию он смог расписать в донесении государю в цветах и красках — сражением с бунтовщиками на уровне Бородино. На беду Меллера, вскоре после его хвастливого рапорта было получено донесение с показанием потерь с обеих сторон, которое обрисовало «подвиг» Меллера совсем в ином виде. Но карательных санкций не последовало, так как у новоявленного барона Мюнхгаузена в генеральских кругах имелись обширные связи при дворе.

Меллер-Закомельский сеял страх со своим отрядом. Главная цель — пустить кровь, нужную или ненужную, особого значения не имеет. В его донесении царю о результатах экспедиции были такие строки:

«Ренненкамповские генералы сделали крупную ошибку, вступив в переговоры с революционерами и уговорив их сдаться... Бескровное покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления...»

Исходя из этого, каратель в три недели добрался от Москвы до Читы — более 6 тысяч километров, — производя повсюду жестокую расправу... Причем такие деяния он возводил в ранг высшей воинской добродетели. Это не могло не возмущать Деникина, полагавшего, что принятие суровых мер бывает не только правом, но и долгом, «похвалиться же этим не каждый станет».

Небезынтересно, что деникинская позиция совпала и с мнением генерала Куропаткина. Но не совпала с мнением Николая II. Император в ответ на жалобы Ренненкампа на излишнюю жестокость Меллера-Закомельского при подавлении бунта сказал начальнику главного управления Генерального штаба Ф. Ф. Палицыну: «Ренненкампф излишне рассуждает. Меллер больше действует...»

Мнения Редигера, Куропаткина, Деникина совпадают также еще в одном вопросе: привлечение войск для борьбы с мирными демонстрантами — самый короткий путь к разложению армии. Их правота с дистанции времени не вызывает сомнений.

Антон Иванович отмечает — власть, придя в себя, первым делом озаботилась улучшением материального положения армии и на этом пути добилась успеха (было увеличено

солдатское жалованье и приварочный оклад, введено снабжение одеялами, постельным бельем и т. д.). Военное ведомство определило солдатам, командируемым для предотвращения беспорядков, суточные в размере 30 копеек в сутки. Деньги немалые. Деникин был свидетелем, с какой охотой ходили в уезды роты Саратовского гарнизона и как ревниво относились к соблюдению очереди.

Первая русская революция — важный этап в биографии Антона Ивановича. В тот период существенно корректируется сформированное у него в академические годы отношение к революции как историческому феномену, имеющему особые проявления в условиях Российской империи. Выводы он сделал оригинальные, но не бесспорные.

Интересен, например, взгляд Антона Ивановича на проблему солдатских бунтов. Их причинами он считает революционную пропаганду, излишнее стеснение казарменной жизни и не везде здоровые отношения между солдатами и офицерами, особенно на флоте. Причем в большинстве мятежных частей царя сумятица, сумбурны и неграмотны были предъявленные солдатские требования.

Самурский полк (Кавказ) потребовал от офицеров сдать оружие и... выдать знамя. Ввиду отказа командир полка, полковой священник и 3 офицера были убиты. А кронштадтские матросы начали с требования Учредительного собрания, а окончили разгромом 75 магазинов и 68 лавок.

Жестокость проявлялась с обеих сторон, в особенности в Прибалтике. Такие эпизоды, как сожжение заживо в Курляндии, в Газенпоте, бунтовщиками солдат драгунского разезда, не могли смягчить взаимоотношений...

В своих воспоминаниях Деникин приводит данные советского историка М. Н. Покровского, что число жертв за год первой революции исчисляется 13 381 человеком и полагает, что такая цифра должна казаться им (большевиком. — *Г. И.*) совершенно ничтожной. С точки зрения масштабов «красного террора», безусловно, да.

Однако нельзя согласиться с Деникиным до конца. Его сравнение не совсем удачное. Жестокость всегда остается жестокостью.

Невольно вспомнишь Дидро, считавшего, что чем больше расстояние между повелевающими и повинующимися, тем меньше значения имеют для первого кровь и слезы второго...

И все равно, повторю, да простит меня читатель за тавтологию, еще раз: слишком это полемичная тема — целесообразность смертной казни.

Характерно, что Деникин, рассуждая о первой русской революции, проводит мысль не только о ее неприятии, но и об абсолютной ненужности революционных потрясений в стране.

«Первая революция кроме лозунга “Долой!” не имела ни определенной программы, ни сильных руководителей, ни, как оказалось, достаточно благоприятной почвы в настроениях народных: в народных массах России не оказалось благоприятной почвы для революции политической».

Это упрощенно-категоричная оценка такого сложного явления, как первая русская революция. Антон Иванович, например, только мельком упоминает о волнениях в войсках, хотя брожения в армии были значительными.

Деникин не хочет признавать до конца, что офицерство тоже попало под влияние революции. Он уверен: революционной пропаганде поддалась очень незначительная часть офицерства, преимущественно тылового.

Подобное утверждение между тем не в полной мере соответствует исторической правде. Приведем в качестве аргумента лишь один факт: за 1904—1907 годы было предано суду по политическим составам преступления 127 тысяч военнослужащих, в том числе и несколько сотен офицеров.

Из поля зрения Деникина выпал и такой факт: ведь именно в годы первой русской революции среди офицеров всех категорий начало распространяться резкое недовольство состоянием армии. Стало возможным проявление открытого недовольства военной политикой царского правительства, крупными военно-политическими фигурами.

Командующий Туркестанским военным округом генерал-лейтенант Черницкий, участник русско-японской войны, проявив незаурядное мужество, констатировал *в официальном приказе по войскам*, что армия стала, по существу, толпой рабов, руководимой людьми из светских гостиных, в военном деле ничего не понимающих: «Наша армия рабская, а ведь нет беды, больше рабства».

Хотя театр военных действий Деникина был ограничен, многое увиделось и за его горизонтами. Война есть война, здесь каждая клетка отражает общий организм. Деникин был счастлив, что ему удалось окунуться в боевое военное пекло, но бесславный финиш эпопеи отравлял благоприобретенное. Военный кризис был налицо, время требовало перемен.

Между тем служба Деникина Отечеству продолжалась.

В 1905—1912 годах в России развернулись военные реформы, которые самым существенным образом повлияли на жизнь и деятельность будущего вождя Белого движения.

ПОСЛЕДНИЙ ВОЕННЫЙ РЕНЕССАНС

Государь делает большую ошибку, вводя удельный порядок управления отдельными отраслями военного управления через своих родственников, великих князей. Не такое теперь время, чтобы безответственные властелины действовали или бездействовали каждый на свой образец...

Из секретного письма
А. Н. Куропаткина
военному министру А. Ф. Редигеру
(июль 1905 г.)

Русско-японская война выявила серьезные недостатки в центральном военном управлении, организации войск, системе комплектования, боевой подготовке и техническом оснащении армии. Это видели многие политические и военные деятели того времени.

«Люди с сильным характером, люди самостоятельные, к сожалению, не выдвигались вперед, а преследовались; в мирное время они для многих начальников казались беспокойными. В результате такие люди часто оставляли службу. Наоборот, люди бесхарактерные, без убеждений, но покладистые, всегда готовые во всем соглашаться с мнением своих начальников, выдвигались вперед», — писал в своем «Отчете» о русско-японской войне генерал Куропаткин.

Полоса безвременья вызвала в армейской среде опасное явление. Неудачи минувшей войны, критическое отношение общества и печати к офицерству поколебали во многих из них веру в свое призвание. И начался «исход», продолжавшийся примерно до 1910 года и приведший в 1907 году к некомплекту в офицерском составе армии до 20 процентов. Нужны были решительные меры.

В течение 1905—1912 годов в России была осуществлена военная реформа. В литературе ее иногда называют военным ренессансом.

Еще в годы первой русской революции царское правительство, несмотря на сложность обстановки, начало принимать некоторые меры по укреплению боеспособности армии. В 1906 году император распорядился о проведении регулярных занятий с командными кадрами от командира полка до командира корпуса. Занятия проводились, как правило, в форме двусторонних военных игр на планах или в поле. Как это ни парадоксально, но в российской армии такая система была создана *впервые*.

Деникин, участвуя в подобных занятиях, вынес убеждение в большой их пользе. Кроме военно-профессиональной стороны дела, военные игры давали возможность ее участникам присмотреться друг другу и узнать, кто на что способен, выявляя и бездарей. Но приживалась данная система с трудом. Как сложно входила в сознание военных верхов идея необходимости учиться, свидетельствует эпизод, случившийся в 1911 году.

По инициативе военного министра генерала Сухомлинова в Зимнем дворце была организована военная игра с участием вызванных для этой цели командующих войсками округов. Игра планировалась в присутствии государя, который лично принимал участие в составлении первоначальных директив в качестве будущего верховного главнокомандующего¹⁵. За час до назначенного срока главнокомандующий войсками Петербургского военного округа великий князь Николай Николаевич добился у государя отмены военной игры... Сухомлинов, поставленный в неловкое положение, подал в отставку, которую не приняли...

В ходе военной реформы началась «чистка» офицеров, занимавших должности от командира полка и выше. Ввели новый пенсионный устав, новые аттестационные правила и проверку знаний старших начальников. Начался добровольный уход многих и принудительное отсеивание, которое армейский юмор окрестил как «избиение младенцев». В целом из армии было уволено по возрасту и служебному несоответствию до 7000 генералов и офицеров. Поднялся также и образовательный ценз: в списке генералов в 1912 году было 55,2 процента окончивших Военную академию.

Военный ренессанс можно разделить на два периода.

Первый (1905—1908 годы) — характеризовался децентрализацией высшего военного управления: учреждено независимое от Военного министерства Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), которому были переданы все вопросы военной подготовки страны; создан Совет государственной обороны; учрежден Морской генеральный штаб, подчиненный морскому министру; создана Высшая аттестационная комиссия; введены должности генерал-инспекторов; сокращены сроки действительной службы; улучшен быт солдат и материальное положение офицеров и сверхсрочнослужащих.

Во второй период военных реформ (1909—1912 годы) — проводится централизация высшего военного управления:

ГУГШ включается в Военное министерство; упраздняется Совет государственной обороны; военный министр назначается председателем Высшей аттестационной комиссии; реорганизуется управление по родам войск.

Важным мероприятием было совершенствование организационно-штатной структуры войск и их технического оснащения: приняты на вооружение пушки и гаубицы более мощного калибра, в полках созданы пулеметные команды, сформированы корпусные авиаотряды и т. д.

Введение в 1909—1912 годах новых уставов, в том числе полевого, значительно улучшило подготовку войск в звене рота — батальон — полк и индивидуальную подготовку солдат и унтер-офицеров. В 1911 году открывается Интендантская академия, предназначенная для подготовки офицеров высшей квалификации в тыловые учреждения армии и флота, а к 1910 году закончилось преобразование юнкерских училищ в военные.

В 1912 году введен новый закон о воинской повинности, устанавливающий некоторые сокращения в льготах по семейному положению и увеличению льгот по образованию. В этом же году принимается новый устав о пенсиях, улучшивший материальное положение офицеров. Например, пехотный поручик, получавший в совокупности 90 рублей, стал получать 141 рубль в месяц, а полковник, командир полка соответственно 230/325 рублей.

Офицерский состав насчитывал 1500 генералов и 44 000 офицеров, врачей и чиновников. На строевых должностях и в войсковых штабах состояло 1200 генералов и 36 000 офицеров. Их качество в процессе военной реформы улучшилось. Третья часть строевого офицерства имела свежий боевой опыт. Сильно повысился и уровень кандидатов в офицеры.

Еще совсем недавно — в куропаткинские времена, в 1905 году — отношение русского общества к армии было резко отрицательным и пренебрежительным.

Теперь в ходе военных реформ в общественном сознании произошел перелом. В военные училища поступали даже уже окончившие или оканчивающие университет, гимназисты с золотыми и серебряными медалями, пренебрегая традиционными «естественными науками».

Последний военный ренессанс царской России ознаменовался небывалым дотоле интересом к военной истории. 16 сентября 1906 года по предложению генерала Ф. Палицына при военно-историческом отделении Генерального шта-

ба была учреждена Военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны. Итогом ее деятельности явилось создание в 1911 году труда «Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны». Объем издания впечатляет — девять томов.

Характерно, что дискуссия по проблемам военной реформы была порою настолько бурной, что вызывала опасения руководства военного ведомства, явно порожденные синдромом первой русской революции.

В 1909 году военный министр секретным циркуляром сообщил старшим начальникам о возникновении тайных офицерских организаций, якобы поставивших себе целью ускорить насильственными мерами медленный и бессистемный ход реорганизации армии. Деникин в своих воспоминаниях утверждал, что о таких организациях он никогда не слышал, и уверен, что они и не существовали. И описывает явления другого порядка.

Осенью 1905 года, после заключения мира с Японией, в отряде генерала Мищенко по инициативе старшего адъютанта штаба капитана Хагандокова состоялось собрание десятка офицеров для обсуждения предложенного им проекта офицерского союза, основанного на выборном начале и имевшего целью оздоровление армии. Антон Иванович присутствовал на двух таких собраниях до отъезда в Европейскую Россию. Позднее из газет он узнал, что в мае 1906 года в Петербурге с разрешения военного министра Редигера состоялось заседание вновь возникшего общества, принявшего наименование «Обновление». Открытое собрание привлекло большую офицерскую аудиторию из-за слухов, что членом общества состоит популярный генерал Мищенко. Временный председатель «Обновления» капитан Хагандоков изложил программу общества самую благонамеренную. Устав общества был представлен военному министру, но он его не утвердил. Тем дело и кончилось.

Военные реформы 1905—1912 годов значительно подняли боеспособность русской армии, хотя и не устранили многих ее пороков. И все-таки военный ренессанс, он и есть военный ренессанс. Жаль, что только последний...

Итак, вся военная служба полковника Деникина проходила под знаком данного уникального явления. Проследим же его дальнейший путь — путь русского офицера.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПАУЗА

*На службу не напрашивайся,
от службы не отказывайся.*

Народная мудрость

В Петербурге Антон Иванович узнал неутешительные для себя новости. Главное управление Генерального штаба, не дожидаясь возвращения с войны офицеров, поторопилось заместить все вакантные должности либо офицерами младшими по службе — без опыта войны, либо теми, кто давно покинул театр военных действий. На заявление Деникина, что Ставка главнокомандующего уже два месяца тому назад телеграфировала о предоставлении ему должности начальника штаба дивизии, полковник, ведавший назначениями, возразил, что таких сведений не имеется. Оказалось, однако, что телеграмма есть, и смущенный полковник предложил Антону Ивановичу временно принять любую низшую должность штаб-офицера 2-го кавалерийского корпуса в Варшаве, в котором тот служил до войны.

Есть старая прописная истина: нет ничего более постоянного, чем временное. Временное назначение для Антона Ивановича длилось целый год.

Варшавский округ по-прежнему жил традициями, заложенными фельдмаршалом Гурко, оставившим округ в 1894 году. Прослужив в штабе округа почти весь 1900 год, А. И. Деникин хорошо знал весь верхний синклит. Тогда Варшавским округом правил состоявший в должности бессменно в течение 10 лет гуркинский начальник штаба генерал Пузыревский. Блестящий профессор Военной академии, автор премированного Академией наук труда, преподаватель истории военного искусства наследнику — будущему императору Николаю II, участник русско-турецкой войны, он был человеком острого слова, тонкой иронии и беспощадных характеристик. Принадлежал к категории «беспокойных» и имел много врагов. Поэтому не был привлечен на японскую войну и до конца жизни не получил в командование военного округа. Нашел умиротворение впоследствии в спокойном кресле члена Государственного совета.

Во 2-м Кавалерийском корпусе прямого дела у Деникина было мало. Фактически получилась своего рода вынужденная пауза в военной службе боевого полковника. Но он даром времени не терял: печатал в военных журналах статьи, читал доклады о Русско-японской войне в собрании Варшавского генерального штаба и провинциальных гарнизо-

нах. Не обошлось и без сенсации, когда в «Разведчике» появилась его статья в духе Салтыкова-Щедрина о быте и нравах в Варшавском главном интендантстве.

А на горизонте снова появилась... Ася Чиж. Ее родители состояли в разводе. Брат Дмитрий остался с отцом. И поскольку мать Аси, все еще столь же привлекательная, собиралась второй раз замуж, то Асей занялись ее дедушка и бабушка Тумские. Александр Тумской, дворянин с большой родословной, государственный советник, председатель мирового суда в управлении Седльца слыл важным человеком. Антон Иванович пришел к Тумским с визитом в их квартиру в Седльце и был принят чрезвычайно тепло.

А между тем временное назначение Деникина в Варшаве затянулось. По приезде в столицу его ждал сюрприз — в качестве гонорара за свои корреспонденции с Дальнего Востока в газету «Новое время» он получил астрономическую сумму — 5000 рублей! Он побаловал свою старую мать, Асю, оставшуюся сумму положил в банк, где она не переставала округляться благодаря новым статьям.

Чувствуя себя богатым и в данный момент ненужным в армии, Антон Иванович — после долгих шести лет службы и войны — начал мечтать об отпуске. Ему дали четыре месяца с правом провести их за границей... Но устав от немецкой, французской и австрийской экзотики или просто почувствовав недостаток денег, Антон Иванович вернулся в Варшаву в начале сентября 1906 года, на тридцать семь дней раньше, как записано в его послужном списке.

1906 год подходил к концу, а назначение Деникина все задерживалось. Он напомнил о себе по команде Главному управлению Генерального штаба, но в форме недостаточно корректной. Ответ был сердито-категоричен: *«Предложить полковнику Деникину штаб 8-й Сибирской дивизии. В случае отказа он будет вычеркнут из кандидатского списка...»*

Между прочим никогда у офицеров Генерального штаба не было принудительных назначений, тем более в Сибирь. Поэтому Антон Иванович «в запальчивости и раздражении» ответил еще менее корректным рапортом: *«Я не желаю»*.

Ожидал новых неприятностей, но вместо них получил нормальный запрос с предложением принять штаб 57-й резервной бригады с прекрасной стоянкой в городе Саратове.

И вот он — начальник штаба 57-й резервной бригады. Не дивизия, а простая бригада? Вроде бы мелко для боевого полковника? Нет.

Дело в том, что эта бригада, состоявшая из четырех полков, в каждом из которых было по два батальона, ничем не отличалась от дивизии. Место будущего назначения — Саратов — привело в восторг как самого Антона Ивановича, так и его мать, поехавшую вместе с ним: наконец они своими глазами увидят то место на берегу Волги, где около века тому назад появился на свет Иван Ефимович Деникин.

В КАЗАНСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ

*Но я все-таки был наверху,
И меня не толкнули вниз!*

В. Высоцкий

В конце января 1907 года полковник Деникин приехал в Саратов, находившийся на территории Казанского военного округа, равного площадью всей Средней Европе. Военно-политическое руководство императорской России не уделяло ему должного внимания. Поэтому печать провинциальности ощущалась заметно. Три бригады округа вернулись с войны, где дрались доблестно. Вернулось немало офицеров с боевым опытом, появились новые командиры, новые вейния, и закипела работа. Округ проснулся.

И вот прибыл в Казань человек, топнул в запальчивости ногой и громко на весь округ крикнул: «Согну в бараний рог!»

Это был новый командующий войсками Казанского военного округа генерал Сандецкий. Под эгидой такого «держиморды» прошла четырехлетняя полоса жизни Антона Ивановича.

Феномен Сандецкого Деникин объясняет так:

«Случайное совпадение обстоятельств, выбитая революцией из колеи армейская жизнь, наконец, большее чем где-либо значение в армии отдельной личности — и положительное, и отрицательное — привели к тому, что командование войсками Казанского округа ген. Сандецким наложило на них печать моральной подавленности на несколько лет».

Никогда не воевавший, в 1905 году он командовал 34-й пехотной дивизией, стоявшей в Екатеринославе, выдвинулся усмирением восстания и в следующем году занимал пост командира Гренадерского корпуса в Москве. В это время все Поволжье пылало. Край находился на военном положении, и не только все войска округа, но и мобилизованные второочередные казачьи части и регулярная конница, при-

влеченная с западной границы, несли военно-полицейскую службу для усмирения повсеместно вспыхивавших аграрных беспорядков. Командовавший округом в 1906 году генерал Карас — человек мягкий и добрый — избегал крутых мер и явно не справлялся с делом усмирения. Не раз он посылал в Петербург телеграммы о смягчении приговоров военных судов. Так как эти телеграммы не зашифровывались, то председатель Совета министров Столыпин усмотрел в действиях Караса малодушие и желание перенести ответственность казней на него или государя. Караса уволили и на его место назначили, неожиданно для всех, Сандецкого, который наложил свои кулаки и на бунтовщиков Поволжья, и на законопослушное воинство.

Еще задолго до его приезда в Саратов распространились слухи об его необыкновенной суровости и резкости. Из Казани, Пензы, Уфы писали о грубых разносах, смещениях, взысканиях, накладываемых командующим во время смотров.

Вскоре выяснилось, что генерал Сандецкий проверяет приказы, отдаваемые не только по бригадам, но и по полкам. И требует подробных отчетов, разборов, наставлений по самым мелочным вопросам. Поток циркуляров хлынул сверху на головы чинов округа. Другой поток «бурлил» снизу — отчеты, сводки, статистические таблицы направлялись в штаб округа.

Оказалось также, что командующий недоволен «слабостью» начальников. Много приказов о дисциплинарных взысканиях возвращалось с его собственноручными, всегда одинаковыми пометками: *«В наложении взыскания проявлена слабость. Усилить. Учту при аттестации»*.

А это уже серьезно. На всех военнослужащих составлялись аттестации прямыми начальниками и аттестационными совещаниями. Мнение старшего начальника было решающим. От аттестации зависело все служебное положение и продвижение офицера. И началось утеснение.

Назначен был наконец день смотра Саратовскому гарнизону. Приехал командующий, посмотрел, разнес и уехал. Особенно досталось двум штаб-офицерам, членам военного суда выездной сессии. Казанский округ был на военном положении. За политические преступления военных и гражданских лиц судил военный суд, в составе председателя — военного судьи и двух членов от войск местного гарнизона. Сандецкий собрал офицеров гарнизона и в их присутствии поносил штаб-офицеров: кричал, топал ногами и, наконец, заявил, что никогда не удостоит назначения полковыми командирами «за проявленную слабость».

А дело заключалось в следующем. В одном из полков при обыске в сундуке какого-то ефрейтора нашли прокламацию. Суд, приняв во внимание, что листок только хранился, а не распространялся, зачел ефрейтору 10 месяцев предварительного заключения в тюрьме и, лишив ефрейторского звания, выпустил на свободу... Это и вызвало гнев Сандецкого.

«К чести нашего рядового офицерства надо сказать, что такое давление на судейскую совесть не имело результатов, — вспоминал Деникин. — И в дальнейшем приговоры по многим политическим делам в Саратове отличали твердость и справедливость членов военных судов. Наряду с приговорами суровыми, я помню, например, нашумевшее и явно раздутое дело о Камышинской республике, по которому все обвиняемые после блестящей защиты известного адвоката Зарудного были оправданы... в явный ущерб карьере членов суда. Или еще другое громкое дело видного социал-революционера Минора. Только совесть судей (двух наших подполковников) последний обязан был сравнительно легким наказанием, которое ему было вынесено. Смутило судей то обстоятельство, что налицо были одни лишь косвенные улики. Конечно, в обоих случаях не могло быть никакого послабления, одно лишь чувство судейского долга. В первом процессе судьи верно отгадали сущность дела, во втором — ошиблись: Минор, как оказалось впоследствии, стоял во главе крупной боевой революционной организации юго-востока России...»

За четыре года службы в округе Антон Иванович воочию убедился, насколько несовершенной была система аттестации офицерского состава. В своих воспоминаниях Деникин приводит уникальные факты, почти анекдотичные. Только эти анекдоты порой ломали жизни людей...

Полковник Бобруйского полка Пляшкевич, отличнейший боевой офицер, был аттестован «вне очереди» на полк. В перечне его моральных качеств командир полка, между прочим, пометил: «Пьет мало». Каково же было удивление штабистов бригады, когда через некоторое время пришло грозное предписание командующего, в котором объявлено было Пляшкевичу «предостережение» — за то, что «пьет», а начальнику бригады и командиру полка — выговор «за неправильное удостоверение». Тщетно было объяснение командира полка, что он хотел подчеркнуть именно большую воздержанность Пляшкевича... Сандецкий ответил, что его не проведут: уж если упомянуто о «питии», то значит Пляшкевич «пьет здорово». Так и пропали у человека два года службы.

Так как «бумага» играла судьбою людей, в официальной переписке приходилось мучительно взвешивать каждое слово. Из полковых канцелярий к Деникину постоянно приходили адъютанты за советом. Но ничто не спасало от печальных неожиданностей.

Капитану Балашовского полка Хвощинскому в отличной аттестации написано было: «Досуг свой посвящает самообразованию». Аттестация вернулась с резолюцией командующего: «Объявить предостережение за то, что свой досуг не посвящает роте».

Антон Иванович не поверил своим глазам. Сходил даже в библиотеку справиться в академическом словаре: «*Досуг — свободное от нужных дел время*».

Хвощинский «бежал» в Варшавский округ.

Полковник Деникин был начальником штаба у начальника бригады генерала П., человека доброго, скромного и очень боявшегося начальства. Побудить его оспорить невыполнимое требование штаба округа или заступиться за пострадавшего стоило больших усилий. Однажды генерал Сандецкий, прочитав приказ Хвалынского полку и спутав фамилии, посадил под арест одного штабс-капитана вместо другого. Начальник бригады вызвал к себе пострадавшего и стал уговаривать: «Потерпите, голубчик. Вы еще молоды, роту не скоро получать. А если подымать вопрос — так не вышло бы худа. Сами знаете, если рассердится командующий...»

Штабс-капитан терпел.

Армейские будни заволокло грубостью, произволом и самодурством...

Антон Иванович, который тяжело переносил малейшую несправедливость, однако не опустил рук, не поплыл по течению, а деятельно занимался боевой подготовкой частей и подразделений своей бригады.

Командир бригады генерал П., не имевший боевой практики, издавал огромные приказы, смотровые и хозяйственные, предоставив Деникину вопросы боевой подготовки войск.

За четыре года службы в Поволжье Деникин зарекомендовал себя и методистом-новатором, и воспитателем личного состава. Он не ограничивался рамками округа. В 1909 году в Петербурге выходит его пособие для ведения занятий в пехоте «Команда разведчиков». Это уникальный для своего времени военно-педагогический труд прикладного характера. Деникин, установив, что программы обучения войсковых разведчиков в частях были различными, разработал,

опираясь на опыт русско-японской войны, основные положения, касающиеся вопросов подготовки команд полковых разведчиков, их численного состава, принципов комплектования. Он предложил конкретные программы теоретических и практических занятий, раскрыл их взаимосвязь.

В пособии выдвинуто довольно оригинальное положение, которое сегодня вряд ли уместно. Для повышения качества подготовки войсковых разведчиков он рекомендовал организацию бесплатной охоты в казенных лесах со строгими ограничениями по экологии.

Отличительная черта методики полковника Деникина — *нестандартность подходов к обучению солдат*. И если бы у него сложились поощряющие условия, из-под его пера могло выйти еще немало неординарных военно-педагогических трудов прикладного характера. Но настоящее для Антона Ивановича день ото дня становилось невыносимей. Такая угнетенность усилилась, когда в один из полков Саратовского гарнизона был переведен из Казани полковник Вейс, оказавшийся «осведомителем» генерала Сандецкого. Свою роль он играл почти открыто. Его боялись и презирали. Осенью состоялось бригадное аттестационное совещание, на котором полковника Вейса единогласно признали недостойным выдвижения на должность командира полка. Начальник бригады, скрепя сердце, утвердил аттестацию, но с тех пор потерял покой. А Вейс, открыто потрясая портфелем, в котором лежал донос, говорил:

— Я им покажу! Они меня попомнят...

В конце года в Казани состоялось окружное совещание. Начальник бригады вернулся совершенно подавленным:

— Верите ли, командуящий бил по столу кулаком и кричал, как на мальчишку. По бумажке, написанной рукой Вейса, перечислял мои «вины» по сорока пунктам.

Антон Иванович был настолько подавлен всей этой пошлостью, что не нашел слов утешения для своего начальника.

Через несколько дней командуящий потребовал созвать совещание вновь и пересмотреть резолюцию по Вейсу. Такого насилия над совестью Деникин еще никогда не испытывал. Он вызвал на это совещание телеграммами командиров полков из Астрахани и Царицына. Собралось семь человек. Все единогласно постановили: остаться при прежнем решении. Начальник штаба бригады составил мотивированную резолюцию и стал вписывать ее в прежний аттестационный лист Вейса. Генерал П. выглядел очень скверно. Ушел домой, а через час с ним случился удар.

Замещать начальника бригады предстояло лицу совершенно анекдотическому — генералу Февралеву. Ему предложили «дослуживать» в роли командира полка срок, недостающий для получения полной пенсии. Февралев страдал запоем, грозный Сандецкий знал об этом и, к удивлению, никак не реагировал. К Деникину Февралев чувствовал расположение и почему-то побаивался его. Это давало Антону Ивановичу возможность умерять иногда выходки генерала-пьяницы. Перед приемом бригады Февралевым Антон Иванович высказал сомнение, что его командование будет благополучно. Но тот успокоил начальника штаба:

— Ноги моей в штабе не будет. И докладами не беспокойте. Присылайте бумаги на подпись, и больше ничего.

Такая «конституция» соблюдалась в течение многих недель.

На другой день после памятного совещания Деникин послал аттестацию Вейса в Казань. Получил строжайший выговор за представление бумаги, «не имеющей никакого значения без подписи начальника бригады». Штаб округа даже выразил сомнение, действительно ли содержание аттестации Вейса было известно и одобрено генералом П... Деникин описал обстановку совещания и послал черновики с пометками и исправлениями начальника бригады.

В Казани всполошились. Вскоре в Саратов приехал помощник начальника штаба округа. Стороной узнавал об обстоятельствах болезни П. и о служебных отношениях Деникина с Февралевым. Он зашел и в кабинет начальника штаба бригады:

— Не знаете ли, как это случилось, какова причина болезни генерала П.?

— Знаю, ваше превосходительство. В результате нравственного потрясения на приеме у командующего его постиг удар.

— Как вы можете говорить подобные вещи?

— Это безусловная правда, — сказал Деникин.

Генерал П. понемногу поправлялся, стал выходить на прогулку, но память не возвращалась, он постоянно заговаривался. П. заявил о своем намерении посетить полки, Антон Иванович отговаривал и на всякий случай принял свои меры.

Однажды прибегает к начальнику штаба бригады дежурный писарь, незаметно сопровождавший больного генерала на прогулке, и докладывает, что тот сел на извозчика и поехал в сторону казарм... Деникин бросился за ним и увидел в Балашовском полку удивительную сцену. В помещении

одной из рот выстроены молодые солдаты, собралось все начальство. Генерал П. уставился мутным стеклянным взглядом на строй и молчал. Долго, мучительно. Солдаты перепуганы. Антон Иванович обратился к генералу:

— Ваше превосходительство, не стоит вам так утруждать себя. Прикажите ротному командиру задавать вопросы, а вы слушаете.

Кивнул головой. Стало легче. Командир полка отвел Деникина в сторону и говорит:

— Спасибо, что выручили. Представьте себе, объясняет молодым солдатам, что наследник престола сейчас — Петр Великий...

Кое-как закончили, и Деникин увез генерала домой. Положение создавалось невозможное, и начальник штаба бригады телеграфировал в штаб округа, что генерал П. просит разрешения приехать в Казань для освидетельствования «на предмет отправления на Кавказские Минеральные воды». Деникин в душе надеялся, что примут какие-либо меры. П. поехал. Произвел на комиссию тяжелое впечатление — не мог даже вспомнить своего отчества... Назначили на ближайший курс лечения и тем ограничились.

Вернувшись из Казани, очевидно, под впечатлением благополучного исхода поездки, генерал П. отдал приказ о вступлении в командование бригадой... Антон Иванович протелеграфировал об этом в Казань, но Сандецкий хранил упорное молчание. Очевидно, был настолько смущен саратовской историей и боялся огласки ее, что не хотел принимать в отношении П. принудительных мер.

Деникин по-прежнему сам продолжал отдавать распоряжения и приказы, хотя и скрепленные подписью П. Начальник бригады опять стремился навещать полки, и больших усилий стоило удержать его. Наконец, он уехал на воды.

Вот с какими должностными лицами судьба свела Антона Ивановича в годы последнего военного ренессанса царской России...

«Переживая памятью казанскую фантасмагорию, я до сих пор не могу понять, как можно было так долго мириться с самоуправством Сандецкого. Во всяком случае, подобный эпизод, так же как и назначения в преддверии второй революции на министерские посты лиц, вызывавших всеобщее осуждение, послужил одной из важных причин падения авторитета верховной власти», — делает заключение Антон Иванович.

Впереди его ждал новый ответственный момент — командование полком.

КОМАНДИР ПОЛКА

Полк — воинская часть, основная тактическая и административно-хозяйственная единица в различных видах вооруженных сил и родов войск (сил) многих государств. Предназначен для выполнения боевых задач, как правило, в составе соединений, а также самостоятельно.

Военно-энциклопедический
словарь

12 (28) декабря 1910 года, город Житомир. В рабочем кабинете командира 17-го Архангелогородского пехотного полка полковника Деникина лежит на столе проект приказа № 373. Он внимательно читает пункт 7:

«Разрешаю подполковнику Сальскому на основании постановления общества гг. офицеров вступить в первый законный брак с дочерью дворянина Шабловского девицей Софьей Шабловской, если не встретится к этому препятствий со стороны церкви».

Антон Иванович улыбается... В голове промелькнуло: «Тяжела ты, шапка Мономаха, чем только не приходится заниматься командиру полка!..»

Заходят офицеры. Последнее служебное совещание перед полковым тактическим учением. Антон Иванович держит речь:

— Господа офицеры! Любое учение — это то, что должно быть максимально похожим на современный бой. Некоторые из вас имеют за плечами опыт японской войны и знают, насколько картина реального боя отличается от боя учебного. Конечно, нам не дано точно скопировать настоящий бой. Великий Суворов говорил: «Тяжело в учении, легко в бою». Я думаю, все вы знаете и о принципе генерала Драгомирова: «Учить войска тому, что необходимо на войне». Никаких послаблений! Даже поправка на мороз не должна сказываться на реальной отработке учебно-боевых нормативов. Все зависит от добросовестности командиров рот и батальонов. Соблюдать, однако, все меры предосторожности. Бог не простит нам невинных жертв. Об этом прошу помнить особенно тщательно!

Совещание заканчивается быстро.

Вот они, армейские будни командира 17-го Архангелогородского пехотного полка полковника Деникина. Ему уже 38... За плечами двадцать лет службы царю и Отечеству. А он еще только получил на основании высочайшего приказа в командование полк. Долго восходили армейские офицеры,

не имевшие протекционистских связей, по служебной лестнице в армии царской России!

Полк, которым по монаршей воле суждено командовать Деникину, был одним из старейших в российской армии. Его создал Петр Великий. Незадолго до вступления Антона Ивановича в должность 17-й Архангелогородский пехотный полк отпраздновал свое 200-летие. Полк являлся строителем Петербурга, участвовал в войнах Петра I и его преемников. С Суворовым полк совершил славный переход через Альпы, имел боевые отличия за русско-турецкую войну 1777—1778 годов. Только в японскую кампанию он не принимал участия в боевых действиях.

Полк имел усиленный состав, так как по плану мобилизации развертывался в два полка и запасной батальон. В полку было 100 офицеров, около 3 тысяч солдат. По современным меркам — громадина. Офицерский состав полка был преимущественно русским, служили несколько поляков и совершенно обрусевших немцев, грузин и армянин. Деникин утверждает, что «национальные перегородки» в полку между офицерами не ощущались и никак не отражались на полковой жизни.

Ему можно поверить. Когда однажды в 1908 году правая пресса выступила с нападками на засилье «иноплеменников» в командном составе, официоз военного министерства «Русский инвалид» дал ответ:

«Русский — не тот, кто носит русскую фамилию, а тот, кто любит Россию и считает ее своим отечеством».

Русский офицерский корпус был самым демократичным тогда во всем мире. «Полковая семья» — это была тогда не красивая литературная фраза. Офицер был привязан к своему полку. А чем глуше было место дислокации полка, тем выше дух сплоченности воинского коллектива. Правда, спайка заметно ослабевала в так называемых хороших стоянках, больших гарнизонах, где появлялись внеполковые интересы.

Но в полку Деникина не было ни одного офицера-еврея. И это тоже реалии царской России. Между тем в офицерском корпусе императорской России состояли евреи (даже генералы), которые *приняли христианство* до службы и прошли затем военные школы.

Не стоял особенно жестко национальный вопрос и в солдатской среде полка Деникина. Если солдаты, представители нерусских национальностей, испытывали большую тягость службы, то главным образом из-за незнания русского языка. Антон Иванович признает, что в некоторых частях евреи испытывали притеснения, но в этом была повинна не воен-

ная система, а привычки народного быта, усугублявшиеся на почве военной службы и быта казармы. Однако в российской армии солдаты-евреи, сметливые и добросовестные, чувствовали себя на равных в мирное время. А в военное все перегородки стирались сами собой, и индивидуальная храбрость и сообразительность получали одинаковое признание.

Время командования Антона Ивановича Деникина полком — вершина его военно-профессионального мастерства в делах обучения и воспитания личного состава. Именно тогда он в полную мощь применил свои педагогические новации, нешаблонные методы. Их главная цель — максимальное приближение боевой подготовки личного состава к боевой обстановке с полным использованием опыта русско-японской войны.

Антону Ивановичу повезло: 5-й дивизией, в состав которой входил полк Деникина, командовал генерал Перекрестов, уважительно относившийся к командирам полков. Ни он, ни высшее начальство — корпусной командир генерал Щербачев и командующий Киевским военным округом генерал Иванов, — давая общие указания, не вмешивались в компетенцию полковых командиров, и те могли спокойно заниматься своим делом.

В «Пути русского офицера» Деникин подробно пишет об организации боевой подготовки в полку. Я проанализировал сохранившиеся в РГВИА приказы командира 17-го Архангелогородского полка полковника Деникина за 1910 год. Могу смело утверждать: 34 года спустя в своих мемуарах Антон Иванович лакировки действительности не допустил. В качестве иллюстрации приведу полностью всего один приказ Деникина. В нем отразились концептуальные подходы будущего крупного военачальника к проблемам военной дидактики.

ПРИКАЗ
ПО 17 АРХАНГЕЛОГОРОДСКОМУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОЛКУ

г. Житомир.

№ 364 Пятница 3-го Декабря 1910 г.

3

В результате проведенного комиссией под моим председательством экзамена учебной команды оказалось.

Часть общеобразовательная поставлена хорошо, хотя в команду поступили и малограмотные. Хуже прочих предметов поставлено было «сбережение здоровья», благодаря нерегулярному ведению занятий.

Уставы знают, но больше внимание уделено было формальной стороне их, чем прикладной: после обстоятельного ответа по данному параграфу устава часто теряются, как только дать для разрешения соответствующий случай из жизни и службы. В особенности это заметно по полевому уставу и сведениям о родах оружия и его боевом применении. Простейшая задача в этом отношении во время полевой службы и в классах (на планах и в ящиках с песком) должны составить постоянное и необходимое дополнение к теории: «Знать — мало, надо уметь».

Выправка, стойка, приемы, повороты очень хорошие. Изготовку с зарядкой обоймы и установку прицела с поднятой рамкой делают за 13 секунд вполне правильно. В особенности 3-й взвод (подпоручик Легановский). Удар штыком хорош и смел.

Инструкторская часть вообще по всем статьям не вполне налажена. Сведения по практическому обучению стрельбе, приемам сноровки обучения как «обязательным сведениям», так и в строю, навык подмечать ошибки обучаемого, умение их поправить последовательно и вообще система обучения — надо всем этим придется серьезно поработать ротным командирам.

Училась рота (команда) в поле хорошо. После бега дыхание совершенно ровное и спокойное. Но с простейшими задачами полевой службы в качестве командира взвода в боевом порядке, начальника фланговой (при обороне) походной и сторожевой застав ученики учебной команды справились не вполне. А это самое важное. Достаточного опыта у команды не было. Но на каждом полевым занятии, когда один из обучаемых командует взводом, отделением, заставой и т. д., двадцати другим следует задавать ряд вопросов, вытекающих из обстановки. Только таким прикладным путем будущие унтер-офицеры усвоят тактику в пределах доступного им кругозора.

Признавая тем не менее серьезность труда, понесенного начальниками и учителями команды, прошу на будущее время исходить из следующего положения: ротам гораздо важнее получить хорошего учителя и подготовленного, хоть до некоторой степени, взводного, чем отличного ученика. Сообразно этому надлежит обратить особое внимание на:

1) Прикладную часть уставов (не только знание, но и умение).

2) Инструкторскую часть по всем отраслям обучения.

3) Понимание тактической обстановки.

4) Умение управлять взводом, в особенности в поле.

5) Способность быть начальником (умение приказывать, распорядиться) в пределах, доступных взводному командиру.

Со всеми окончившими учебную команду вести занятия в батальонах с унтер-офицерами. Представление затем к повышению в унтер-офицеры надлежит делать после проверки командирам батальона указанных качеств.

Вольноопределяющиеся, за малым исключением, подготовлены плохо. Стыдно людям, которым больше дано и которые должны быть впереди.

Переменный состав команды распустить.

Полковник Деникин.

Не надо быть военным, чтобы, прочитав этот приказ, уяснить главное: полковник Деникин издал его не для отчетности, не для проверяющих из вышестоящих штабов, а для повышения качества боевой подготовки полка.

Опыт Русско-японской войны и новые веяния в тактике помогали Антону Ивановичу вне учебных программ «натаскивать» людей на ускоренных маршах (накоротке), благодаря чему на маневрах его полк сваливался как снег на голову на не ожидавшего его «противника».

По части парадов и церемониальному маршу полк Деникина отставал от других. Но это не особенно его волновало. Зато стрелял полк хорошо, а маневрировал лучше других.

Подчеркнем принципиально важный момент: командир полка наистрожайше требовал неукоснительного соблюдения мер безопасности. Упрощенчество, халатность не прощались. Ефрейтор Марочкин, будучи помощником руководителя занятий, проявил недобросовестность и допустил, что молодой неопытный солдат выстрелил боевым патроном вместо холостого. Деникин, разбирая данный случай, в приказе по полку пишет:

«Счастливая случайность. Впредь быть более осторожным и внимательным при обращении с боевыми патронами, так как последствием такой невнимательности может быть убийство.

Ефрейтора Марочкина Александра арестовать за небрежное обращение с боевыми патронами на 10 суток строгим арестом».

Антон Иванович показал себя тонким знатоком военной психологии и педагогики, он ценил великую силу воинских и боевых традиций. Деникин добился возвращения в полк хранившихся в Петербурге, в складах, старых полковых знамен, которых нашлось тринадцать. Эти знамена — свидетели боевой славы полка на протяжении двух столетий — сохранились потом в созданном Деникиным полковом музее. Удалось собрать немало других реликвий полка. В числе памятников старины был первый требник художественно-ру-

кописной работы, по которому совершались богослужения в походной полковой церкви в петровские времена.

Деникин проявлял себя недожиданным, оригинальным военным педагогом. Он умел укреплять воинскую дисциплину, создавая одновременно здоровую нравственную атмосферу в воинских коллективах.

Командир полка исходил из того, что воинская дисциплина должна существовать не только для подчиненных, но и для начальников, а бездумные наказания ее подрывают. Начальник должен уметь глубоко разбираться в проступках подчиненных. Кроме строгости, для укрепления воинской дисциплины необходимы справедливость, равномерность налагаемых взысканий, соответствие наказания поступку, знание мотивов каждого поступка.

Даже из педагогических неудач в Пултусском полку он извлек необходимые уроки. В «Очерках русской смуты» генерал пишет:

«Теперь уже после пултусского опыта — требовательность по службе, но и сбережение человеческого достоинства солдата. Как будто не были чужими».

Деникин уважительно относился к солдату старой русской армии, старался скрасить суровый солдатский быт. Например, он приказывал: «послать нижних чинов на спектакль». Но в связи с малым количеством посадочных мест в приказе был отдан приоритет строевым подразделениям полка — они должны были в течение двух дней посетить спектакль в полном составе, а для нестроевых подразделений и писарской роты было выделено посадочных мест только на 50 процентов личного состава. Командир полка приказал выдать сверх нормы «в день тезоименитства всем нижним чином по 4-копеечной французской булке».

Он всегда старался замечать лучших и поощрять их. Рядовой Шмидт из-за организационной неразберихи беспрестанно простоял на посту по охране знамени полка 12 часов. Деникин произвел отличившегося солдата в ефрейторы, объявил от лица службы благодарность и приказал довести это до личного состава полка.

Особенно необходимо отметить, что командир полка не допускал огульных наказаний за дисциплинарные проступки, учитывал смягчающие вину обстоятельства. Небезынтересен такой его приказ:

«Рядовые 4-й роты Николай Михайленко и Никита Бондаренко — первый ушел в город самовольно, второй был послан за приказом. Оба напились пьяными, учинили буйство на улице и в лавочке».

За изложенное, принимая во внимание хорошее до сих пор поведение этих нижних чинов, ограничиваюсь арестованием их строгим арестом:

Михайленко — на 15 суток, а Бондаренко — на 10 суток.

Если рядовые Михайленко и Бондаренко постыдно опозорили полк перед чужими людьми, то хорошие солдаты 4-й роты должны бы их удержать и образумить».

Как видим, мы имеем дело с современными военно-педагогическими подходами. А ведь описываемые события относятся к 1910 году.

Однако в необходимых случаях Деникин проявлял непоколебимую волю и твердость характера. Полковой суд за побег приговорил к содержанию под арестом на хлебе и воде на три недели рядового Амирова, но ходатайствовал перед командиром полка о смягчении приговора (суд обратил внимание, что к побегу была приравнена несвоевременная явка подсудимого к пункту сбора). Командир полка принял следующее решение:

«В виду того, что неявка в срок и побег подлежат одинаковому наказанию, ходатайство полкового суда признаю не заслуживающим удовлетворения. Приговор утвердить».

Антон Иванович, будучи командиром полка, не превышал власть, всегда действовал корректно. Главное для него как опытного военного педагога — не строгость, а неотвратимость наказания за нарушения воинской дисциплины и порядка управления.

Полковник Деникин имел свою методику работы и с офицерами. Сохранившиеся в РГВИА приказы командира 17-го Архангелогородского полка за 1910 год показывают: Деникин ни разу не наказал ни одного из полковых офицеров! Главный акцент он сделал не на принуждение, а убеждение. Провинившиеся приглашались в кабинет для ответственного внушения, а иногда к председателю офицерского суда чести полковнику Дженееву — человеку высоких моральных и воинских качеств. Этого было достаточно, и только два дела доходило до суда, причем в одном случае офицер был удален из полка, в другом — суд ограничился внушением.

Во многих затруднительных и «конфиденциальных» случаях офицеры обращались за решением к Антону Ивановичу, «до определения алиментов включительно». Такой «третейский суд» был гораздо удобнее, чем официальный, так как дело не выносилось за стены кабинета командира полка и не вызывало никаких расходов.

В политическом отношении офицерство, как и везде в

России, было в основном лояльно к режиму и активной политикой не занималось. Два-три офицера полка были близки к местной черносотенной газете, но каким-либо влиянием в полку не пользовались. Офицеров левого направления не было.

После Русско-японской войны и первой революции офицерский корпус был взят под особый надзор сыскных органов, и командирам полков периодически присылались весьма секретные «черные списки» неблагонадежных офицеров, для которых закрывалась дорога к повышению. «Черные списки» составлялись по трем линиям: департамента полиции, жандармской и военной, созданной Сухомлиновым в бытность министром.

В каждом штабе военного округа учреждалась должность начальника контрразведки, во главе которой стоял переодетый в штабную форму жандармский офицер. Круг деятельности официально определялся борьбой с иностранным шпионажем... На самом деле его роль была другой. Полковник Н. Н. Духонин, будучи начальником разведывательного отделения штаба округа, жаловался Деникину на непривычную и тяжелую атмосферу, внесенную новым органом, который, официально подчиняясь генерал-квартирмейстеру¹⁶, фактически держал под подозрением весь штаб.

В годы командования полком состоялась еще одна встреча Деникина с Николаем II. В 1911 году полк участвовал в царских маневрах под Киевом. 1 сентября маневры закончились, государь объезжал войска, оставшиеся в том положении, где их застал «отбой». Антон Иванович был свидетелем почти мистического энтузиазма, вызванного появлением царя.

Это был «тот самый народ, который через несколько всего лет с непостижимой жестокостью обрушился на все, имеющее отношение к царской семье, и допустивший ее страшное убийство...» — запишет впоследствии Деникин.

Утром 2 сентября войска двинулись к сборному пункту для царского смотра. Полк Деникина должен был первым проходить перед государем церемониальным маршем. Он же выделял из своего состава почетную стражу — офицера, унтер-офицера и солдата. Как только полк прибыл на сборный пункт, офицеров ошеломила весть, распространившаяся как молния: вчера вечером в Киевском театре на торжественном представлении в присутствии государя эсер Богров выстрелом из револьвера тяжело ранил главу правительства П. А. Столыпина... В городе волнение. Ночью три казачьих полка из состава маневрировавших войск спешно посланы

были в Киев для предотвращения ожидавшегося еврейского погрома.

Настроение офицерства, относившегося с сочувствием к личности и политике Столыпина, сильно упало. Солдаты отнеслись к событию довольно равнодушно. Их больше волновал вопрос, состоится ли смотр. Он состоялся.

В течение нескольких часов войска проходили перед императором, и величественная картина парада захватывала всех.

Еще накануне военные начальники, до командиров полков включительно, получили приглашения на 2 сентября к «высочайшему обеду» в Киевском дворце. Было известно, что Столыпин умирает в киевском госпитале, и начальники предполагали, что парадный обед будет отменен. Но, против ожидания, программа пребывания царской семьи в Киеве осталась без изменения.

Обед проходил в чинном и минорном настроении. Музыки не было, все говорили негромко. За столом, где сидел Деникин, разговор шел исключительно о преступлении Богрова. Вполголоса высказывалось опасение, что заговорщики, быть может, метили выше...

Обед окончился. Гостей пригласили в сад, где на маленьких столиках был сервирован черный кофе. Царь обходил столики, вступая в разговоры. Подошел к полковнику Деникину. Он заговорил с ним о последнем дне маневров, обратил внимание на укрепления, которые возвел полк на своей позиции. Около императора образовывались небольшие группы офицеров. Все чего-то ждали, всем хотелось что-то запомнить. Это была последняя встреча Деникина с государем. Никогда больше ему царя видеть не довелось.

А между тем годы 1912 и 1913-й проходили в тревожной обстановке. Балканские славяне в победоносной борьбе разрубали последние оковы, наложенные на них Турцией, а Австро-Венгрия явно готовила армию, чтобы умалить результаты побед славян. Летом 1912 года Австрия пододвинула 6 корпусов к границам Сербии и 3 корпуса мобилизовала в пограничной с Россией Галиции.

Напряжение росло, и был момент, когда 17-й Архангелогородский пехотный полк получил секретное распоряжение выслать отряды для занятия и охраны важнейших пунктов Юго-Западной железной дороги на львовском направлении. Они простояли в полной боевой готовности несколько недель. Словом, Австро-Венгрия бряцала оружием, а Россия, повторяя ошибку периода японской войны, выжидала.

Незадолго до войны был отдан высочайший приказ, строго воспрещавший воинским чинам обсуждать политические темы. Накануне уже неизбежной мировой войны царские власти старательно избегали возбуждения в народе здорового патриотизма, разъяснения целей, причин и задач возможного конфликта, антиславянской политики Германии.

Антон Иванович по этому поводу опубликовал статью «Не угашайте духа», в которой писал:

«Русская дипломатия в секретных лабораториях, с наглухо закрытыми от взоров русского общества ставнями, варит политическое месиво, которое будет расхлебывать армия... Армия имеет основание с некоторым недоверием относиться к тому ведомству, которое систематически, на протяжении веков, ставило стратегию в невыносимые условия и обесценивало затем результаты побед... Не надо шовинизма, не надо бряцания оружием. Но необходимо твердое и ясное понимание обществом направления русской государственной политики, подъема духа в народе и армии. Духа не угашайте!»

Появлялись и маленькие просветы в личной жизни. В 1911 году командир полка вырвался в отпуск. Решил навестить старых друзей в Варшаве. Там он встречается с Василием Чижом, его сыном Дмитрием, узнает от них, что «маленькая Ася», блестяще закончив Александровско-Мариинский институт, думает поступить на исторический факультет Санкт-Петербургского университета, но в настоящее время пока не может покинуть своего деда, овдовевшего несколько месяцев назад. И Антон Иванович едет в Седльц.

Деникин был поражен: ребенок, свидетелем рождения которого ему довелось быть, превратился в очаровательную двадцатилетнюю девушку. Слегка кокетливую...

— А что вы думаете о женщинах? — неожиданно спрашивает бравого полковника Ася.

Деникин замешкался, а девушка открывает маленькую записную книжку, куда, как объясняет, записывает понравившиеся ей изречения, и читает:

— «Женщина — это дополнительные заботы, расходы, разлад и ссоры с друзьями». Что вы, такой большой любитель арифметики, скажете об этом моем определении?

Антон Иванович не успел сориентироваться, как Ася продолжала:

— А как вы понимаете, как представляете себе любовь? А я скажу вам, как я ее понимаю. Скажу по-французски и в стихах, которые сама сочинила:

Я люблю того, кто меня любит, —
Вот мой девиз.
Ведь безответная любовь —
Это глупость.

Деникину внезапно пришло в голову: не идет ли Ася ему навстречу, не делает ли попыток к сближению. Он встал с дивана, стал ходить по комнате и наконец спросил:

— А как... вы реально представляете человека, которого полюбите?

— Я узнаю его с первого же взгляда. Это будет сильный, большой, белокурый мужчина.

Большое зеркало на ножках отразило лицо полковника, лицо человека немолодого — ведь ему тридцать девять лет. Сильный ли он? Несомненно, сильный и коренастый, но можно ли рост 1 метр 69 сантиметров характеризовать прилагательным «большой». Редящие на висках волосы, густые брови, усы и борода клином были определенно черными. Нет, молодая девушка, слова которой он счел слишком смелыми, не его, конечно, имела в виду...

Когда Антон уезжал из Седльца, он еще не знал, что его сразила любовь.

В Житомире настоятельные и неотложные дела отвлекли полковника от дум об Асе. Ходили тревожные слухи, что скоро начнется война.

21 июля 1914 года высочайшим приказом полковник Деникин за отличие в службе произведен в генерал-майоры с утверждением в должности генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа. Антон Иванович в 42 года влился в контингент генералитета русской армии, который накануне войны имел свои особенности. Статистика свидетельствует, что в 1912 году 89,6 процента генералов представляли потомственных дворян с соответствующим мирозерцанием, образом мыслей и действий. Но их образовательный ценз был невелик: высшее гражданское образование имели лишь 4,8 процента. С военным образованием генералов дело обстояло несколько лучше. Удивляет, что выпускники военных академий составляли среди генералов лишь 46,5 процента. Генералитет отличался великовозрастностью.

Антон Иванович Деникин влился в генералитет с вполне подходящими характеристиками.

Скоро генерал-майор Деникин вступит в трагическую для России полосу, ставшую прелюдией очередной русской смуты...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ

*Во многом знании — немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль...
Я разве только я? Я — только краткий миг
Чужих существований. Боже правый,
Зачем ты создал мир, и милый, и кровавый
И дал мне ум, чтоб я его постиг!*

Н. Заболоцкий

Военный министр Сухомлинов усталым взглядом окинул докладывавшего ему чиновника:

— Что еще?

— Ваше высокопревосходительство, какой ответ прикажете подготовить издателю журнала «Разведчик» по поводу статьи Ночина?

Сухомлинов поднял бровь:

— Напомните, о чем идет речь.

— Ночин представил в редакцию журнала «Разведчик» статью, суть которой — протест против идеи вашего высокопревосходительства об упразднении крепостей. Господин Березовский, понимая деликатность проблемы, просит совета, а вернее указания, публиковать или не публиковать оную статью.

— А, вспомнил! Какая публикация? Ни в коем случае! Это вредная статья! Подготовьте именно такой ответ господину Березовскому. Кстати, поинтересуйтесь у него, кто таков Ночин? А потом доложите свои соображения...

Неизвестно, то ли текучка министерских дел, то ли еще какие-либо причины, но Сухомлинов репрессий по отношению к Антону Ивановичу не применил.

Проходя службу в Казанском военном округе, полковник Деникин публикует свои статьи в военных журналах, преимущественно в «Разведчике», под общей рубрикой «Армейские заметки». Судьба этого журнала, первого частного военного издания в России, отражает эволюцию военной мысли и... опеки над нею.

В 1885 году у отставного капитана В. А. Березовского, владельца военно-книжного дела, возникла мысль об издании военного журнала. Его горячо поддержал генерал Драгомиров, в то время начальник Академии Генерального штаба. Несмотря на сочувствие делу и других видных представителей военной профессуры, начинание в военном министерстве встретило категорическое противодействие. Сама мысль о распространении в армии частного военного орга-

на была объявлена опасной ересью. В 1886 году Березовскому без прямого разрешения удалось выпустить нечто вроде журнала, но без права «ставить название и номер». Он назвал его «Листок конторы и склада Березовского». Еще через два года министерство разрешило поставить заголовок. С сентября 1888 года журнал получил название «Разведчик». Он едва ли давал своему хозяину доход, отвечавший всем хлопотам и тревожностям.

И только после шести лет борьбы, когда император Александр III, которому случайно попался на глаза «Разведчик», приказал доставлять ему журнал, последний получил легальное право на существование. Вместе с тем каждый номер «Разведчика» подвергался тщательной цензуре в Военном министерстве. Это держало в постоянном напряжении Березовского. Он неоднократно высказывал опасения Редигеру за судьбу своего детища. Было из-за чего: над журналом не раз нависала угроза закрытия. Даже при монаршем внимании и сотрудничестве генералов Драгомирова, Леера, Газенкампа, Редигера журнал преодолевал не только препятствия сверху, но и инертность военной среды, с трудом усваивавшей совместимость свободы слова и критики с требованиями военной дисциплины.

«Разведчик» являлся органом прогрессивным, пользовался широкой свободой критики в изображении темных сторон военного быта и в деликатной области порядка управления, командования, правительственных распоряжений и военных реформ. Это было внове. Во Франции, например, ни один офицер не имел права напечатать что-либо без предварительного рассмотрения в одном из отделов военного министерства. Немецкая военная печать так отзывалась о русской:

«Особенно поражает, что русские военные писатели имеют возможность высказываться с большою свободой... И к таким заявлениям прислушиваются, принимают их во внимание...»

Деникин, поднимая в своих статьях широкий круг вопросов военного дела, службы и быта, никогда не испытывал ни цензурного, ни начальственного гнета со стороны Петербурга. Со стороны местного начальства — в Варшавском округе было мало притеснений, в Киевском — никаких, но в Казанском, где жизнь давала острые и больные темы, он подвергался со стороны командующего систематическому преследованию. При этом официально ему ставилась в вину не журналистская работа, а какие-то несущественные или вообще не существовавшие служебные недочеты.

Командующий войсками Казанского военного округа ге-

нерал Сандецкий был весьма чувствителен к тому, что писалось о жизни округа, опасаясь огласки и зная, что в Петербурге копилось неудовольствие против него.

Однажды, незадолго до ухода Деникина из округа, одна из «Армейских заметок» вызвала у некоторых чинов негодование. В ней Антон Иванович описывал полковую жизнь и горькую долю армейского капитана, в жизни которого сначала появился маленький просвет в виде удачно прошедшего смотра. А потом в смотровом приказе он прочел:

«В роте полный порядок и чистота, но в кухне пел сверчок. За такой “недосмотр” последовало взыскание, а за взысканием капитан сам запел сверчком и был свезен в больницу для душевнобольных».

Генерал Сандецкий был в отъезде, и начальник штаба округа генерал Светлов после совещания со своим помощником и прокурором военно-окружного суда решил привлечь Деникина к судебной ответственности. Доклад по этому поводу Светлов сделал тотчас по возвращении Сандецкого и, к удивлению, услышал в ответ:

— Читал и не нахожу ничего особенного.

«Дело о сверчке» было положено под сукно. Но вслед за этим на Деникина посыпались подряд три дисциплинарных взыскания — выговоры, наложенные командующим за якобы какие-то упущения по службе.

Через некоторое время, приехав в Саратов, генерал Сандецкий после смотра отозвал Антона Ивановича в сторону и сказал:

— Вы совсем перестали стесняться последнее время — так и сыплете моими фразами... Ведь это вы пишете «Армейские заметки» — я знаю.

— Так точно, ваше превосходительство, я.

— Что же, у меня — одна система управлять, у другого — другая. Я ничего не имею против критики. Но главный штаб очень недоволен вами, полагая, что вы подрываете мой авторитет. Охота вам меня трогать...

Деникин ничего не ответил.

Наиболее интенсивный период литературного творчества Антона Ивановича — 1906—1913 годы. За семь лет он опубликовал 2 большие статьи, освещающие опыт русско-японской войны, военно-политический очерк, учебное пособие для занятий с разведчиками в пехоте, 43 статьи в 42 номерах журнала «Разведчик» под общей рубрикой «Армейские заметки» под псевдонимом Иван Ночин.

Их публикация совпала по времени с последним военным ренессансом императорской России. Поэтому вполне

логично, что боевой полковник освещает проблемы, решаемые в ходе военной реформы.

Его суждения отличаются полнотой владения предметом, глубиной анализа, стройной структурой, ядро которой — постановка проблемы, раскрытие причин, ее породивших, предложение конкретных путей разрешения. Рассуждая, к примеру, о педагогической безграмотности офицеров, Деникин четко определяет ее причины: отсутствие в военных училищах системного курса военной педагогики, нецелесообразность требований, предъявляемых к строевым командирам рот.

Будущий вождь Белого движения вскрывает в первую очередь те пороки армейской жизни, которые вступают в диссонанс с его мировоззрением. Это нашло отражение и в приоритетах литературного творчества Деникина. 38 процентов печатного материала освещают вопросы социальной защищенности офицеров, борьбы с протекционизмом, совершенствования системы аттестования офицеров, повышения уровня их тактических и военно-педагогических знаний, улучшения материального положения военнослужащих, нравственной атмосферы в воинских коллективах.

Деникин настойчиво проводит в жизнь мысль о необходимости уважительного отношения к солдату, постоянной заботы о нем, недопустимости унижения человеческого достоинства.

В пользу демократических взглядов Антона Ивановича свидетельствует и то, что он характеризовал боксерское восстание в Китае в 1900 году как национальное движение против «несправедливости, алчности и жестокости европейцев». Более того, Деникин считал, что Россия поступила неправильно, приняв участие в его подавлении, что Бог должен покарать правительство за то, что оно обмануло царя. Деникин не боится бросить обвинение правительству, но желает полностью снять ответственность с государя.

Одна из ключевых идей публикаций Деникина — армия вне политики. Однако нельзя возводить в абсолют это утверждение Антона Ивановича. Армия вне политики — это уже политическая позиция. Историческая практика показывает, что армия вне политики — химера.

Литературные опыты не приводили в восторг начальство. Особенно не нравилась его критика результатов русско-японской войны. Из брошюры «Кто такой Деникин?», изданной в Харькове в 1919 году, можно узнать:

«Деникин с японцами дрался, научился, как у них надо воевать, а потом все это в военном журнале описал. Опять не понравилось это начальству — зачем, мол, пишет — одни наши ошибки выставляет».

В литературных произведениях Антона Ивановича 1905—1913 годов были и просчеты: излишняя резкость и категоричность отдельных суждений, односторонность и отсутствие связи с гражданской жизнью.

Но литературно-публицистическое творчество военного писателя Деникина было прервано на 7 лет. В нихместились Первая мировая война, революция и Гражданская война. Современник Деникина поэт Александр Блок написал об этом так:

Рожденные в года глухие,
Пути не помня своего,
Мы — дети страшных лет России —
Забуть не в силах ничего...

Антон Иванович Деникин, сын России, вступил в страшные для своей Отчизны годы.

Последуем и мы за ним на нашей машине времени, продолжающей полет по судьбе генерала Деникина и его эпохе.

НА КРАЮ БЕЗДНЫ

*Пока гром не грянет, мужик
не перекрестится.*

Народная мудрость

31 июля 1914 года. Штаб Киевского военного округа. В приемной генерала для поручений Деникина много офицеров...

— Ваше превосходительство! К вам просят на прием восемнадцать человек, — усталым голосом рапортует дежурный офицер.

— Сколько? — удивленно переспрашивает Деникин.

— Восемнадцать...

— Передайте всем, что прием начну не раньше чем через час. Я должен сам разобраться во всем. Голова идет кругом...

Было от чего. Война дышала в затылок...

В эти дни Антон Иванович работал на пределе человеческих возможностей, не покидая своего кабинета ни днем ни ночью. Что поделаешь? Это великое военное «надо!»

Тем более надеяться можно только на самого себя. На-

чальник штаба Киевского военного округа генерал В. М. Драгомиров в отпуске на Кавказе, дежурный генерал¹⁷ также. Деникин заменял последнего, и на его плечи легла мобилизация и формирование трех штабов и всех учреждений Юго-Западного фронта, 3-й и 8-й армий.

Новое мобилизационное расписание № 20 предусмотрено было ввести в действие в конце 1914 года. Пока же армия руководствовалась старым расписанием, и потому мобилизационные планы не соответствовали порядку развертывания. Плана формирования штаба и управления новой 8-й армии не существовало вовсе. Высший состав армии был назначен телеграммой из Петербурга 31 июля, в первый день мобилизации. Прочий личный состав Антону Ивановичу пришлось набирать экспромтом, в хаосе начавшегося мобилизационного развертывания.

Не меньше затруднений причинило новое «Положение о полевом управлении войск», утвержденное только 29 июля, то есть за два дня до начала мобилизации... Потому на местах, приступая к ней, начальники всех степеней не имели новых данных о правах и обязанностях, о штатах и окладах чинов войск.

30 июля Деникин получил телеграмму из Петербурга, что новое «Положение о полевом управлении войск», в общем, почти не расходится с тем «Проектом», который был разослан штабам раньше.

В Киевском штабе «Проект» имелся в одном-единственном экземпляре... Началось паломничество в штаб, в кабинете Антона Ивановича круглые сутки за справками и за выписками из расшитого по листам «Проекта» толпился народ. Возникали сотни недоуменных вопросов, требовавших компетентного разъяснения главного штаба. Но перегруженные телеграф и штаб не могли дать срочного ответа, и решение многих важных вопросов генералу Деникину приходилось брать под свою ответственность.

Неповоротливость российской военной машины изумляла. Неужели было непонятно, что Россия медленно приближалась к большой войне?

В 1904—1907 годах в противовес Тройственному союзу был создан военно-политический блок Антанты в составе Англии, Франции, России. Поистине пороховым погребом Европы стали Балканы. Здесь в результате Балканских войн к 1913 году обстановка накалилась до предела.

Полномасштабно к войне, которая все более становилась реальностью, Россия не была готова, германское правительство было хорошо осведомлено об этом.

По признанию военных авторитетов, армия до 1910 года оставалась, в полном смысле слова, беспомощной. Закон о строительстве флота появился только в 1912 году. Так называемая Большая программа была утверждена лишь... в марте 1914 года и осталась, естественно, на бумаге. Корпуса вышли на войну, имея от 108 до 124 орудий против 160 немецких и почти не имея тяжелой артиллерии и запаса ружей. Что же касается снабжения патронами, действовала старая норма в одну тысячу против трех у немцев.

По всем показателям оснащения вооруженных сил, за исключением артиллерии, Россия не дотягивала даже до среднемирового уровня. По оснащению пулеметами русская армия имела показатели в два раза меньшие, чем среднемировые, и в три раза худшие, чем германская армия. Даже винтовок (5 млн штук) не хватало для вооружения мобилизованных военнообязанных первой очереди (7 млн человек).

Русский солдат всегда отличался храбростью, стойкостью, выносливостью. Неплохо был подготовлен унтер-офицерский состав и офицеры младшего и среднего звена. Но подготовка генералитета по-прежнему оставалась слабой, и назначения на высшие должности в этом звене определялись главным образом связями и близостью к дворцу.

По оценке военного историка А. М. Зайончковского, участника Первой мировой войны, Россия вступила в войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и плохими армиями и фронтами.

Не все благополучно обстояло у России и с мобилизационными планами стратегического развертывания войск и сил флота.

Тотчас после разрыва отношений между Австрией и Сербией, мобилизации австрийских корпусов правительство объявило не фактическую мобилизацию, а предмобилизационный период, предусматривающий возвращение войск из лагерей на постоянные квартиры, проверку планов и запасов. Решено было в случае надобности произвести частичную мобилизацию четырех военных округов — Киевского, Казанского, Московского и Одесского. Странно, но факт: Варшавский военный округ, граничащий с Австрией и Германией, поднимать не предполагалось. Мотивация — не дать повода Германии увидеть враждебный акт против нее. Решение это, мягко говоря, было некомпетентным. В нем проявился весь дилетантизм военного министра Сухомлинова. В канун войны даже не поднимался вопрос об увеличении военного снабжения после истощения запасов мирного времени и о мобилизации военной промышленности!

Что же происходило в Петербурге в те трагические дни?

28 июля поступило известие об объявлении Австрией войны Сербии. Министр иностранных дел Сазонов дает указание Генеральному штабу о производстве мобилизации. После совещания начальника Генерального штаба генерала Янушкевича с начальниками отделов и по настоянию последних изготавливаются к подписи два проекта высочайшего указа — для общей и для частичной мобилизации, которые отправляются в Царское Село.

29 утром возвращается подписанный государем указ об общей мобилизации.

В этот день германский посол граф Пурталес вручил Сазонову ультимативное заявление о принятом его правительством решении: «Продолжение военных приготовлений России заставит нас мобилизоваться, и тогда едва ли удастся избежать европейской войны».

В 9 часов вечера, когда Центральный телеграф готовился передавать во все концы России высочайший указ, пришла отмена: государь повелел взамен общей мобилизации объявить частную... Она и началась в ночь на 30 июля. Что же произошло?

Император Николай II решил сделать еще одну попытку предотвращения войны и предложил императору Вильгельму перенести конфликт на рассмотрение Гаагской конференции. Относительно Гааги Вильгельм вовсе не ответил, а указал в телеграмме на «тяжкие последствия» русской мобилизации: *«Теперь вся тяжесть решения легла на твои плечи, и ты несешь ответственность за войну или мир...»*

30 июля министр Сазонов делает отчаянную попытку предотвратить конфликт. Вручает послу Пурталесу следующее заявление:

«Если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос принял характер вопроса европейского, заявит готовность удалить из своего ультиматума пункты, посягающие на суверенные права Сербии, Россия обязется прекратить свои военные приготовления».

Такую формулу и Сазонов, и Пурталес понимали так: за полный отказ от мобилизации Россия даже не потребует от Австрии немедленного прекращения ею военных действий в Сербии и демобилизации на русской границе.

Подобное предложение сделано было, по словам Сазонова, по его собственной инициативе, без полномочий от государя. Пурталесу он прямо заявил, что никакое русское правительство не могло бы пойти дальше, «не подвергая серьезной опасности династии». Через несколько часов из

Берлина пришел ответ — категорический отказ. Жребий был брошен...

В русском Генеральном штабе ясно отдавали отчет, что через несколько дней все равно придется объявить общую мобилизацию, вызвав тем величайший хаос. По настоянию Генерального штаба, после совещания Сухомлинова, Янушкевича, Сазонова, последний доложил об этом государю. В воспоминаниях Сазонова подробно описаны те исторические минуты. После доклада министра и кратких реплик императора наступило тяжелое молчание...

— Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей! Как не остановиться перед таким решением!.. Вы правы. Нам ничего другого не остается, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального штаба мое приказание об общей мобилизации.

Все эти колебания, отмены, проволочки Петербурга, продиктованные иллюзорной надеждой — до последнего момента избежать войны, — вызывали в стране чувство недоумения, беспокойства и большую сумятицу. Особенно в Киеве, который был центром организации противоавстрийского фронта.

В эти дни Антон Иванович с трудом разгребает лавину дел, нахлынувших на него! Руководствуясь проектом «Положения о полевом управлении войск», он организовал составление новых списков личного состава. Однако когда через 3 дня фельдъегерь из Петербурга привез несколько экземпляров свежотпечатанного «Положения...», то оказалось, что оно во многом с проектом... не сходится.

Напряженная работа предыдущих дней пропала даром. Все снова принялись лихорадочно пересоставлять списки... Такой сумбур свидетельствует не только о чрезмерной беспечности главных петербургских управлений, но и доказывает, что война явилась неожиданностью, хотя со времени сараевского выстрела Гаврилы Принципа в эрцгерцога прошло 33 дня.

И все-таки мобилизация прошла по всей огромной России вполне удовлетворительно, и сосредоточение войск закончено было в установленные сроки. Видимо, потому, что много добросовестных военных профессионалов, подобных Антону Ивановичу, делали в экстремальных условиях простое будничное дело...

Главкомандующим Юго-Западным фронтом стал генерал Н. И. Иванов. Обязанный карьерой ряду случайных обстоятельств, в том числе подавлению Кронштадтского восстания, он — человек мирный и скромный — не обладал

большими стратегическими познаниями и интересовался больше хозяйственной жизнью округа. Но начальником штаба назначили генерала М. В. Алексеева — большого авторитета в стратегии и главного участника предварительной разработки плана войны на австрийском фронте.

Командующим 8-й армией был назначен генерал Брусилов, начальником штаба генерал Ломновский. Антон Иванович назначается генерал-квартирмейстером 8-й армии.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России, 3 августа — Франции, 4 августа немцы вторглись на бельгийскую территорию, и английское правительство сообщило в Берлин, что оно «примет все меры, которые имеются в его власти, для защиты гарантированного им нейтралитета Бельгии».

Первые уверенные шаги к апокалипсическому безумию сделаны. Каждый в тайне надеялся, что в конце света выживет именно он...

Австрия медлила. Русский царь, все еще надеясь потушить пожар, повелел не открывать военных действий до объявления ею войны, которое состоялось наконец 6 августа. Вследствие этого наша конница, имевшая всего четырехчасовую мобилизационную готовность, смогла бросить за границу передовые эскадроны только на шестой день.

Но ангелы апокалипсиса уже слетели на грешную землю...

ПАДЕНИЕ В БЕЗДНУ

Волк сказал стаду: «Давайте, овцы, договоримся на экономической основе. Я не буду жрать вашу траву, а вы будете отдавать мне свое мясо».

К. Чапек

Есть в истории события, воздействие которых продолжает десятилетиями сказываться на судьбах стран и народов, на всем мировом общественном развитии. К числу таких событий несомненно относится война 1914—1918 годов.

В 1906—1914 годах на международной арене происходило дальнейшее обострение противоречий между различными государствами, что в конечном счете привело к развязыванию в 1914 году мировой войны. Основное соперничество шло между ведущими европейскими государствами — Англией и Германией, которые возглавляли два противостоящих друг другу военно-политических блока — Антанту и Тройственный союз.

Первая мировая война — одна из трагических страниц, которая открыла эпоху небывалых дотоле потрясений и большой крови в сообществе мировых цивилизаций бурного XX века. Пламенем войны было охвачено две трети населения земного шара с численностью армий действующих коалиций около 37 миллионов человек. Тяжелее всех пришлось России. В среднем в течение войны российская армия теряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести каждый месяц 175 тысяч человек.

Война, порожденная всей системой империализма, по характеру была грабительской, несправедливой, захватнической. Под это обобщение не попадает лишь одна маленькая Сербия, оказавшаяся жертвой агрессии в начале августа 1914 года.

Ни русское общество, ни наследственная монархия не извлекли уроков из Русско-японской войны, хотя со дня ее начала прошло всего десять лет. Вновь внутреннюю стабильность страны ставили на дыбы, однако новая война по своему масштабу и грандиозности не шла ни в какое сравнение с войной 1904—1905 годов.

Национально-государственные интересы России вовсе не требовали втягивания ее в чужую войну за передел территорий. Но страна к этому времени уже испытывала внешнюю финансовую и экономическую зависимость от союзных держав, что и явилось удобным средством для того, чтобы впрячь ее в общую военную колесницу. Такой оборот дела грозил превратить войну коалиций 1914—1918 годов в войну за раздел Российской империи.

Россия вновь встала на опасную дорогу, ведущую в бездну. И падение туда состоялось. Как бы то ни было, но 1 августа 1914 года стало погребальным звоном для трехсотлетней романовской монархии.

Все это станет ясным много позже, а пока страну охватил романтический экстаз.

В противоположность Русско-японской войне Первая мировая была принята населением как необходимая. Эйфория и вера в легкую и быструю победу захлестнула поначалу всю Россию. 2 августа 1914 года сотни тысяч демонстрантов пришли к Зимнему дворцу, чтобы получить благословение царской семьи. Волна ненависти к Германии охватила всю страну. Санкт-Петербург был немедленно переименован в Петроград.

Казалось, что слова императора из высочайшего Манифеста о том, что в грозный час испытания «да будут забыты внутренние распри, да укрепится единение царя с народом»,

материализуются, и Россия подобно былинным богатырям, объединившись вокруг государя сокрушит в кратчайший срок супостата.

Увы, только казалось...

В целом же обстановка благоприятствовала тому, чтобы «конвейер смерти» набирал обороты. Прав Стендаль, заметивший однажды, что кровавые глупости бывают непоправимы.

Соотношение вооруженных сил сторон — 10 к 6 в пользу Антанты. Но положение России усугублялось ее громадными расстояниями и недостаточной сетью железных дорог, что затрудняло сосредоточение, подвоз и переброску войск, ее отсталой промышленностью, не справлявшейся со все возрастающими потребностями военного времени.

Русский план войны был наступательным и предусматривал активные действия против Австрии и Германии одновременно. Но подобный замысел не соответствовал военно-экономическим возможностям России.

Нанеся поражение англо-французским войскам в приграничном сражении (21—25 августа), ударная группировка немецких войск вторглась в Северную Францию и развернула наступление на Париж. Россия должна была спасти союзников. Но самопожертвование России в пользу Франции стало одной из важных причин последовавшей катастрофы, всю тяжесть которой испытала 2-я армия генерала Самсонова.

Двумя армиями Северо-Западного фронта командовали генералы Ренненкампф и Самсонов, вынесшие блестящую боевую репутацию из японской кампании. На них возлагали большие надежды.

Армии Северо-Западного фронта вторглись в Германию, имея целью отрезать немецкие корпуса от Вислы и овладеть Восточной Пруссией. Они наступали с большими интервалами по обе стороны Мазурских озер.

Командующий 8-й германской армией генерал Притвиц один корпус развернул заслоном против Самсонова, двумя корпусами ударил Ренненкампфа. В бою у Гумбинена Ренненкампф нанес немцам тяжелое поражение. И они с большими потерями в беспорядке отступили на юг. Генерал Притвиц отдал армии приказ отойти к нижней Висле, бросив Восточную Пруссию, что вызвало большой гнев кайзера. Притвиц был смещен Гинденбургом. Новое командование немедленно отменило приказ об отходе, предприняв контрманевр, который имел большие шансы на успех уже потому, что... все карты русских оказались открыты. По не-

понятному и преступному недомыслию русских штабов директивы фронта и армии передавались войскам радиотелеграммами в незашифрованном виде.

На усиление 8-й армии немцы спешно двинули с французского фронта 2 корпуса, кавалерийскую дивизию и новые формирования, созданные внутри страны. Между тем вместо согласованных действий русских армий, надлежало не управляемых свыше, начался разброд.

Ренненкампф, имевший всего 6,5 дивизии, обнаружив отступление немцев, стал продвигаться вперед медленно — из-за усталости войск и расстройств тыла. Самсонов вместо движения на север для совместных действий с 1-й армией уклонялся все более к западу, растянув свою армию в одну линию на 210 километров без резервов.

Гинденбург, оставив небольшой заслон против Ренненкампфа, ударил всеми силами Самсонова и разбил его. Два русских корпуса погибли полностью, остатки армии отступили к Нареву. В критический пик боев Самсонов со своим штабом отправился в боевую линию на наиболее опасный участок фронта, но, заблудившись в дремучем лесу, потерял связь и со штабом фронта, и с остальными своими корпусами. Не вынеся обрушившегося несчастья и считая для себя позором неминуемый плен, генерал Самсонов выстрелом из револьвера покончил с собой. Это было в ночь на 30 августа.

В своем докладе верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Жилинский, обеляя свои промахи, вину за происшедшую катастрофу возложил на Ренненкампфа, заявив, что последний «совсем потерял голову». Великий князь послал начальника штаба генерала Янушкевича «проверить состояние Ренненкампфа». Ответ гласил: «Ренненкампф остался тем, кем был».

Жилинского сместили с поста и заменили генералом Рузским.

Но судьбе генерала Ренненкампфа тоже не позавидуешь. Она, может, в чем-то и трагичнее судьбы генерала Самсонова. После первой такой неудачи Павел Карлович пал духом. Угнетало его и то обстоятельство, что широко распространился слух, будто Ренненкампф предал Самсонова. Никакие оправдания или доказательства не были для него возможны, ибо военные операции были облечены строгой тайной.

Во всяком случае, как во времена отступления к Неману, так и в дальнейших операциях Ренненкампфа не видно уже той инициативы и решимости, которые он проявлял во вре-

мена Китайской и Японской кампаний. В начале 1915 года он был отстранен от командования армией и стал жить в Петрограде. Здесь начались для него поистине тяжелые дни... В связи с его немецкой фамилией и восточнопрусской трагедией прошел слух по всей России: «Ренненкампф предатель». Не был Павел Карлович предателем. Просто ветер удачи, увы, дул не в его сторону. Изжил он себя как военачальник. Смерть свою в 1918 году принял, как солдат, не склонив головы перед палачами.

Захватить Восточную Пруссию России не удалось. Цена военной неудачи — 250 000 человеческих жизней и 500 орудий. Но российское командование выполнило обязательства перед союзниками и отвлекло силы, средства и внимание противника от англо-французского фронта в решающие дни сражения на Марне. Маршал Ф. Фош имел благородство сказать впоследствии: «Если Франция не была стерта с лица Европы, то этим, прежде всего, мы обязаны России».

Цена самопожертвования слишком велика!

Россия, однако, добилась успеха на другом участке войны, разгромив австро-германскую армию на полях Галиции.

И именно в это время генерал-майор Деникин начал делать первые шаги к полководческим вершинам.

«БЕГСТВО» В СТРОЙ И ПЕРВЫЕ БОИ

*Окопы, окопы, заблудишься тут.
От старой Европы остался лоскут.*

А. Ахматова

Горькая пилюля Восточной Пруссии была немного подслащена. Фортуна военной удачи улыбнулась нашим войскам на Юго-Западной фронте. Армии генералов Брусилова и Рузского нанесли сокрушительное поражение австрийцам под Львовом, заняв этот старинный город, считавшийся сильно укрепленной крепостью. Заняли и другую крепость — город Галич.

В первых операциях 8-й армии на Юго-Западном фронте Деникин принял участие в качестве генерал-квартирмейстера. В круг его обязанностей входило производство оперативных расчетов, составление директив и приказов, сбор и обобщение данных, анализ обстановки. Он активно участвовал в планировании наступательной операции, в результате которой войска 3-й и 8-й армий совместными усилиями взяли столицу Галиции — Львов.

Но штабная работа Антона Ивановича не удовлетворяла. Сам генерал Брусилов, непосредственный начальник Антона Ивановича, вспоминал:

«Деникин не любил штабной работы, он рвался в строй, тем более начальник штаба армии не давал ему свободы... Был назначен командиром бригады, и показал там отличные дарования боевого генерала».

Генерал М. Д. Бонч-Бруевич (кстати, один из первых генералов царской армии, перешедший на сторону советской власти) увидел в поступке Деникина страстное желание сделать карьеру, «получить чинишко, орденишко».

Я полагаю, что Антон Иванович «сбежал» из штаба в строй, ведомый исключительно патриотическими чувствами. Попытка же Бонч-Бруевича увидеть здесь исключительно карьеристские побуждения, недостаточно убедительна. Если гипотетически предположить, что суждения одного из будущих первых «красных военспецов» истинны, то логически вытекают некоторые вопросы, ответы на которые ставили бы под сомнение версию Бонч-Бруевича.

Если Деникин — карьерист, то неужели он не понимал, что в боевых порядках бригады значительно опаснее для собственной жизни, чем в штабе армии? Где можно быть ближе к решению вопросов награждения, в штабе армии или в боевых порядках бригады? Если Деникин думал только о «чинишках, орденишках», то почему он, будучи единственным военным диктатором белого юга России, не награждал себя по поводу и без повода? Наоборот, не считал возможным награждать офицеров орденами за участие в братоубийственной Гражданской войне.

Нельзя, думается, расценивать уход Деникина в строй как проявление неспособности к штабной работе.

Будучи руководителем Белого движения, Антон Иванович в 1918 году вместе со своим начальником штаба генералом И. П. Романовским разрабатывал операции.

Деникин был «очень требовательным при изучении боевой обстановки на фронте». Оперативное отделение штаба должно было в любой момент «с представлением карты с расположением войск противника и наших войск со схемой организации тыла и его охраной» доложить обстановку. В то же время генерал был деликатным и «никогда не беспокоил начальника штаба по текучке», — вспоминал генерал П. С. Махров.

Для руководителя такого масштаба необходимо было быть компетентным во всех тонкостях штабной работы. Нужные для этого знания, навыки, умения он приобрел задолго до того, как стал военачальником Белого движения.

Тем не менее генерал Деникин в годы Первой мировой войны проявил себя положительно главным образом как строевой командир. И начало этому — командование 4-й стрелковой (Железной) бригадой.

4-я стрелковая бригада прославилась в русско-турецкую войну 1877—1878 годов. Начало ее известности относится к знаменитому переходу через Балканы отряда генерала Гурко и славным боям на Шипке.

Судьба крепко связала Антона Ивановича с Железной бригадой, развернутой 9 июля 1915 года в 4-й стрелковую дивизию в составе 13, 14, 15, 16-го стрелковых полков. Из полков дивизии были образованы две бригады. В течение двух лет вел генерал Деникин свое соединение по полям кровавых сражений, вписав немало славных страниц в летопись Первой мировой войны.

Положение бригады (а затем и дивизии) в 8-й армии было совершенно особым. Железным стрелкам почти не приходилось принимать участия в позиционном стоянии, временами длительном и скучном. Обычно после кровопролитного боя бригада выводилась Брусиковым в «резерв командующего армией» для того лишь, чтобы через два-три дня опять идти на выручку в самое пекло боя, в прорыв или в хаос отступающих частей. Соединение часто несло большие потери и переменило таким порядком четырнадцать корпусов. Железная бригада заслужила почетное звание «пожарной команды» 8-й армии.

Приняв командование бригадой, Деникин сразу же попал в самое пекло — получил приказ идти форсированным маршем вдоль Днестра, чтобы выровнять левое крыло войсковых соединений, находящихся в соприкосновении с тремя армиями австрийского генерала Конрада. Едва прибыв, он узнает, что противник окружает 8-ю армию. «На помощь, пожарные!» Железная бригада сразу вступает в бой. С 8 по 12 сентября он сдерживает противника, ему удается его остановить.

За доблесть и отвагу командир бригады, отличившейся в тех тяжелых боях, Антон Иванович Деникин награжден был Георгиевским оружием. В Высочайшей грамоте говорилось:

«...За то, что вы в боях с 8 по 12 сентября 1914 года у Гродека с выдающимся искусством и мужеством отбивали отчаянные атаки превосходного в силах противника, особенно настойчивые 11 сентября, при стремлении австрийцев прорвать центр корпуса, а утром 12 сентября сами перешли с бригадой в решительное наступление».

Столь редкая награда, как Георгиевское оружие, в царской России вручалась офицерам за проявление главным образом качеств военачальника, за умелое управление войсками в боевой обстановке.

Главком армиями Юго-Западного фронта генерал Иванов нашел возможность дать войскам трехнедельный отдых.

Ввиду неудачи блицкрига против Франции и разгрома австрийской армии, немцы, перейдя на Западном фронте к активной обороне, начали переброску корпусов на Восток.

Испытывая силу немецких ударов во Фландрии, союзники вновь запросили Россию о помощи, настойчиво побуждая ее продолжать наступление в глубь Германии. Царь уступил союзническому нажиму.

Выполняя директиву, русские армии Юго-Западного фронта, оторвавшись от своих баз, еще не успели наладить транспорт, как немцы стремительным контрманевром перебросили главные силы севернее Калуша и охватили две армии. Обе стороны дрались с великим ожесточением, и бывали моменты, когда судьба битвы висела на волоске.

На фоне этих трудных сражений произошел эпизод, оставивший славное воспоминание железным стрелкам.

24 октября Деникин заметил некоторое ослабление в боевой линии противника, отстоявшей от окопов железных стрелков всего на 500—600 шагов. Антон Иванович поднял бригаду и без всякой артиллерийской подготовки бросил полки на вражеские окопы. Налет был так неожидан, что вызвал у австрийцев панику. Наскоро набросав краткую телеграмму в штаб корпуса («Бьем и гоним австрийцев»), Деникин пошел со стрелками полным ходом в глубокий тыл противника, преодолевая его беспорядочное сопротивление. Взяли село Горный Лужок, где, как оказалось, находился штаб группы эрцгерцога Франца-Иосифа. Когда Антон Иванович ворвался с передовыми частями в село и сообщил об этом в штаб корпуса, там не поверили, потребовали повторить — «не произошло ли ошибки в названии».

Не поверил сразу и эрцгерцог. Он был так уверен в своей безопасности, что спешно бежал со штабом только тогда, когда услышал на улицах села русские пулеметы. Заняв бывшее помещение эрцгерцога, Деникин нашел нетронутым накрытый стол с кофейным прибором и выпил еще горячий австрийский кофе...

С занятием Горного Лужка открылся важный для русских войск путь сообщения: шоссе Самбор — Турка. За смелый маневр Железной бригады Антон Иванович получил Георгиевский крест IV степени.

В конце 1914 года у главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта возник план большого наступления через Карпаты на Будапешт с целью разгромить австрийцев. Но ставка его не поддержала, по-прежнему считая главным направлением Берлин. Тогда генерал Иванов самостоятельно приступил к подготовке намеченной им операции. Поэтому в течение ноября и декабря на фронте 8-й армии, стоявшей в предгорьях Карпат, шли непрерывные и тяжелые бои. Железная бригада почти не выходила из боя.

Во второй половине ноября 8-я армия, отразив очередное наступление австрийцев, двинулась вперед к перевалам. Здесь ее постигла неудача. Но деникинские железные стрелки вновь были на высоте.

Наиболее упорное сопротивление австрийцы оказали на фронте Железной бригады. На левом фланге корпуса наступление совсем захлебнулось. Чтобы помочь ему и пробить себе путь, Деникин в течение трех дней вел бой, основная тяжесть которого легла на правое крыло бригады — 14-й и 15-й полки доблестного генерала Станкевича. К концу третьего дня город и станция Лупков с прилегающими высотами были взяты, противник разбит, некоторые его части уничтожены или попали в плен.

Начальник штаба Деникина заболел, его эвакуировали, ждали замену. Она появилась в виде худого тридцатипятилетнего полковника Сергея Леонидовича Маркова. Генерал слышал о Маркове, преподавателе русской военной истории в военных школах, специалисте по Петру Великому. Он разъярился, что ему подсунули преподавателя. Ему же нужен железный солдат!

— Мне рассказали, что этот желторотый полковник, — возмущался Деникин, — оказался не способным сесть на лошадь. Ему, видите ли, мешал какой-то вскочивший на неудобном месте фурункул. Зачем мне, командиру железных стрелков, такой начальник штаба? Срам, да и только! Так, адъютанта ко мне, немедленно телеграмму в штаб с протестом!

Но так как кипел бой, Антон Иванович отложил на вечер составление текста телеграммы с требованием об отзыве Маркова.

Два часа спустя из наблюдательного пункта Деникин увидел, как по направлению к нему трясется старая телега; едущий на ней, казалось, не обращал внимания на стрельбу, для которой представлял столь удобную цель. Он прибыл здоров и невредим. Это был Марков.

— Извините за транспорт, ваше превосходительство. Я другого не нашел ничего, а мне надо было очень поспешить! — отрапортовал полковник.

Генерал не стал посылать телеграмму...

После двух дней сражения город Лупков, наконец, заняли. Австрийцы все еще занимали Лупковский перевал, и положение 8-го корпуса оставалось тяжелым.

Расположенные высоко в горах деревушки и небольшие городки соединялись тропинками, которые, как только выпадал снег, становились непроходимыми для артиллерии и лошадей. Было 15 градусов ниже нуля. Подъем в колоннах на виду у противника, закрепившегося в деревнях, был бы настоящим самоубийством.

— К черту тропинки и деревни! — решает Деникин. — Мы полезем направо, минуем ущелье, затем спустимся, отрезав противнику дорогу к отступлению, и ему останется только сдаться. Но как быть с артиллерией и лошадьми? Пусть они остаются в Лупкове, их будет охранять один батальон, австрийцы подумают, что в городе вся бригада.

Распрягли лошадей, нагрузили их мешками с продовольствием и патронами, повели с собой под уздцы. 4000 стрелков перешли Карпаты и соединились со своими товарищами, которые, опередив их, вошли в Венгрию. Полки Деникина опрокидывали австрийцев, захватывая пленных, занимая деревни и опорные пункты, ворвались в город и на станцию Мезоляборч.

За Карпатский переход Железная бригада пленила 3730 человек. Это при боевом численном составе 4-й стрелковой бригады в 4000 штыков. Наши потери составили 1332 человека.

Операция корпуса, столь блестяще начатая, окончилась неудачей. Железная бригада до 30 ноября с боями еще подвигалась вперед, пока ее не сменили сибирские стрелки. Деникин получил телеграммы: «с горячей благодарностью» — от Верховного главнокомандующего, «с полным восхищением несравненной доблестью» — от корпусного командира. Генерал Брусилов телеграфировал Деникину: «Молодецкой бригаде за лихие действия, за блестящее выполнение поставленной ей задачи шлю свой низкий поклон и от всего сердца благодарю вас, командиров и героев стрелков. Перенесенные бригадой труды и лишения и славные дела свидетельствуют, что традиции старой Железной бригады живут в геройских полках и впредь поведут их к победе и славе».

Дорога на Будапешт, казалось, была открыта, но против-

ник предпринял контратаку. Все приготовились к сражению, однако Брусилов отдал приказ об отступлении. Все неохотно отошли к перевалу.

8-я армия заняла позиции на перевалах. Ее фронт растянулся тонкой завесой на 250 километров. Австрийцы, имея 6 корпусов и усиленные германским корпусом и частями, опять перешли в наступление в направлении на Перемышль. На одном участке им удалось прорваться, и фронт подался глубоко назад. Австрийцы преследовали отступающие с боями русские войска по пятам.

Подавленный неудачей, генерал Брусилов отдал приказ армии отступать.

10 декабря 1914 года армия наконец остановилась. Брусилов овладел собой и решил перейти в контрнаступление, поддержанное 3-й армией. Австро-германцы начали быстро отходить, и к концу года армии Юго-Западного фронта вновь заняли линию Карпат. Железная бригада расположилась вблизи Лутовиско.

Между тем наступал 1915 год — «год великого отступления» русских армий...

В «ГОД ВЕЛИКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ»

*Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать
Двадцать восемь штыковых,
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.*

А. Ахматова

Жуткое поле сражения... Весь путь, пройденный железными стрелками Деникина, обозначался выступающими из снега неподвижными человеческими фигурами с зажатými в руках ружьями. Они застыли в позах, в каких их застала вражеская пуля во время перебежки. Между ними, утопая в снегу, смешиваясь с мертвыми, прикрываясь их телами, пробирались живые навстречу смерти.

Бригада таяла...

Под жестоким огнем однурукий герой полковник Носков лично вел полк в атаку прямо на отвесные ледяные скалы... Военное счастье ему улыбнулось. И высота взята, и сам жив остался.

Впоследствии прекрасный историк, но неудачный политик П. Н. Миллюков напишет:

«Первые известия о том, что на фронте неблагоприятно, стали приходить к нам уже в конце января 1915 года. Но только в апреле мы почувствовали всю серьезность положения на фронте в Восточной Галиции. Снаряды и вооружение, заготовленное на шесть месяцев, были истрачены. Солдаты мучились, взбираясь на обледенелые кручи Карпат, а когда наступала очередь использовать успех, оказывались без снарядов и патронов».

Не случайно в литературе 1915 год называют иногда «годом великого отступления». Если русская армия теряла каждый месяц убитыми, ранеными и пропавшими без вести 175 тысяч человек, то с августа по ноябрь 1915 года армия теряет соответственно 585, 418, 366 и 347 тысяч человек.

В конце января 1915 года армия Брусилова перешла в наступление. Но довольно длительная подготовка армии не укрылась от австрийцев, и они, собрав все свободные силы, встретили войска 8-й армии контрнаступлением. Весной в предгорьях Карпат происходили тяжелые кровопролитные битвы с переменным успехом. В конце концов австро-германцы были отброшены и цели своей — деблокады Перемышля — не достигли. Войска Брусилова вновь овладели главными Карпатскими перевалами, но усилия по форсированию Карпат не увенчались успехом. 22 марта Перемышль пал.

О крутые обледенелые скаты Карпатских гор буквально разбивались силы русских солдат и офицеров Юго-Западного фронта.

Еще в конце 1914 года обнаружился недостаток снарядов и патронов, а к весне 1915 года возник уже кризис вооружения и боевых припасов (в самый критический момент, в феврале 1915 года, в русской армии было всего 12—14 артиллерийских парков, к весне 1916 года — 30—40 парков, к осени же — 900).

Потребность в военной технике и вооружении опрокинула все теоретические расчеты российской и западноевропейской военных наук. Но если промышленность западных стран путем чрезвычайных усилий справилась с задачей, создав огромные арсеналы и запасы, то Россия не смогла... Только к весне 1916 года Россия обзавелась тяжелой артиллерией и пополнила арсеналы. Союзники между тем не спешили помочь России. В воспоминаниях видный британский политический деятель Ллойд Джордж писал:

«Когда летом 15-го года русские армии были потрясены и сокрушены артиллерийским превосходством Германии... воен-

ные руководители обеих стран (Англия и Франция) так и не восприняли руководящей идеи, что они участвуют в этом предприятии вместе с Россией и что для успеха этого предприятия нужно объединить все ресурсы так, чтобы каждый из участников был поставлен в наиболее благоприятные условия для достижения общей цели. На каждое предложение относительно вооружения России французские и британские генералы отвечали и в 1914—15 годах, и в 1916-м — что им нечего дать и что если они дают что-либо России, то лишь за счет своих собственных насущных нужд. Мы предоставили России ее собственной судьбе и тем самым ускорили балканскую трагедию, которая сыграла такую роль в затяжке войны...»

В дни Карпатского сражения Железная бригада, как обычно, исполняла свою роль «пожарной команды». В начале февраля ее бросили на помощь сводному отряду генерала Каледина под Лутовиско, на ужгородском направлении. Это был один из самых тяжелых боев Деникина. Сильный мороз, снег по грудь.

Неожиданно подъехал генерал Каледин. Взобрался на утес и сел рядом с Антоном Ивановичем на то место, которое было под жестоким обстрелом. Генерал спокойно беседовал с офицерами и стрелками, интересуясь их действиями и потерями.

Операция Каледина увенчалась успехом. Железная бригада овладела рядом командных высот и центром вражеской позиции, захватив свыше 2 тысяч пленных и отбросив австрийцев за Сан. В коротких промежутках между боями Деникин пишет короткое письмо матери:

«Вообще счастье улыбается мне. За январские бои представлен к ордену св. Георгия 3-й степени (ожидается на днях Высочайший приказ). Это самая высокая награда, которую может получить генерал, не командуя армией. Мои скромные заслуги награждены чрезмерно, несомненно приложу все усилия, чтобы оправдать доверие, которое мне оказывают.»

Одна только забота — одно горе, это ваше беспомощное положение, дорогая моя старушка...»

Положение действительно беспомощное: уже две или три недели Елисавета Федоровна Деникина из-за гнойного плеврита прикована к постели. За «дорогой старушкой», как ее нежно называл сын, ухаживала только прислуга, которой помогали сочувствующие соседки.

В начале марта 1915 года Железная бригада — «пожарные генерала Брусилова» — двинулась к горе Одринь, чтобы ликвидировать очередной прорыв, и оказалась в западне: позицию 4-й стрелковой бригады полукольцом окружали команд-

ные высоты противника. Положение было невыносимым, каждый день увеличивался список убитых и раненых офицеров и стрелков.

Деникин не видел выгоды в оставлении соединения на позициях, где бригаде грозило уничтожение. Но ее уход вызвал бы необходимость отвода и соседней 14-й пехотной дивизии, начальник которой сообщал в штаб: «Кровь стынет в жилах, когда подумашь, что впоследствии придется брать вновь те высоты, которые стоили нам потока крови».

Деникин остается. Бои ужесточаются. Антон Иванович переносит полевой штаб на передовую. Обстановка накалена до предела: за обедом пуля пробила окно и разбила чью-то тарелку, другая застряла в спинке стула, а если кому-то было нужно днем выйти из хаты, тот брал с собой пулеметный щит. Австрийцы несколько раз пытались отрезать бригаду от Сана, но с большим уроном отходили. Там действовал доблестный и бесстрашный подполковник 13-го полка Тимановский, прозванный солдатами «железный Степаныч».

Бригада тает, а в тылу — один плохонький мост через Сан, понтонов нет. Весна уже чувствуется. Вздуется бурный Сан или нет? Если вздуется, снесет мостик, бригада в кольце...

Командира 13-го полка полковника Гамбурцева тяжело ранили. Заменить его некем. Положение отчаянное. Антон Иванович мрачно ходит из угла в угол. Поднимается начальник штаба полковник Марков:

— Ваше превосходительство, дайте мне 13-й полк.

— Голубчик, пожалуйста, но... вы видите, что делается?

— Вот именно, ваше превосходительство.

Так началась боевая карьера знаменитого впоследствии русского белого генерала Сергея Леонидовича Маркова. Того самого, что прибыл в штаб Железной бригады, помните, читатель, на... телеге.

Молодой, храбрый, талантливый, влюбленный в военную науку, Марков предпочитал строевую службу штабной. Он поведет славный полк от одной победы к другой, разделит с Антоном Ивановичем тяжкое бремя управления армией в революционном 1917 году и приобретет легендарную славу в Белом движении в Гражданской войне на юге России. Генерал-лейтенант Марков Сергей Леонидович станет впоследствии легендой среди «рыцарей белой мечты».

Но это еще впереди. А пока полковник Марков ведет в атаку доблестный 13-й полк доблестных деникинских железных стрелков...

Потратив полдня на дорогу по непролазной грязи, взобравшись по горным тропам, к Деникину приехал начальник отряда граф Келлер. Ужаснувшись безысходностью ситуации и неизбежностью ее кровавого исхода, он уехал с твердым намерением убрать соединение из западни. Действительно, через несколько дней стрелковую бригаду увели за Сан.

В начале апреля Антон Иванович получил предупреждение из штаба армии об ожидаемом повышении — назначении начальником Н-ской дивизии.

— Оставьте мне Железную бригаду. Я чувствую себя гораздо более способным побеждать с ней, чем проявлять героизм с любой дивизией.

Вопрос остался открытым. Вскоре началось переформирование стрелковых бригад в дивизии, и Антон Иванович стал начальником 4-й стрелковой Железной дивизии.

В конце апреля государь решил посетить Галицию. Он приехал в Львов 22 апреля 1915 года и на другой день прибыл в Самбор, где находился штаб 8-й армии. На долю Железной дивизии выпала честь встретить государя почетным караулом. Вызвали с Карпат 1-ю роту 16-го стрелкового полка. В воспоминаниях генерал Брусиллов пишет:

«Я доложил Государю, что 16 стр. полк, так же как и вся стрелковая дивизия, именуемая Железной, за все время кампании выделялась своей особенной доблестью и что, в частности, 1-я рота имела на этих днях блестящее дело, уничтожив две роты противника».

По докладу великого князя Николая Николаевича, император наградил всю роту солдатскими Георгиевскими крестами.

11 апреля, ввиду невозможности форсирования Карпат и кризиса в снабжении войск, главнокомандующий армиями фронта отдал приказ 3-й и 8-й армиям перейти к обороне. К началу мая соединение Деникина занимало фронт юго-восточнее Перемышля. Железные стрелки не выходили из трудных боев, отражая атаки противника, переходя в контратаки.

На крайнем левом фланге позиции находился второочередной полк, сформированный из кадров Архангелогородского полка, которым Антон Иванович командовал перед войной. Генерал Деникин был не в состоянии противостоять соблазну повидать родной полк и с трудом пробрался к нему на позицию. Все подступы к полку так сильно обстреливались, что кухни и снабжение подвозили только по ночам. Антон Иванович провел часа три со старыми боевыми

товарищами. Он не подозревал, что это была их последняя встреча...

Деникин был в неведении об общем положении дел на фронте: начальников дивизий об этом не информировали. Тем временем 2-я армия Макензена прорвала фронт у Горлицы. Генерал Иванов, стягивавший доселе все свободные войска к Карпатам, послал корпус на подкрепление 3-й армии. Но было поздно... Произошел неравный бой. 3-я армия была разбита и отошла назад. В особенно тяжелое положение попала 48-я дивизия Корнилова. Она, прикрывая отход русских соединений, понесла огромные потери, а сам начальник дивизии попал в плен... Отступление 3-й армии обнажило фланг 8-й армии. 10 мая Юго-Западный фронт получил приказ отходить к Сану и Днестру.

«За годы войны в связи с положением фронта мне приходилось и наступать, и отступать. Но последнее имело характер маневра временного и переходящего. Теперь же вся обстановка и даже тон отдаваемых свыше распоряжений свидетельствовали о катастрофе. И впервые я почувствовал нечто похожее на отчаяние... Тяжесть моего положения усугублялась еще тем, что по каким-то соображениям отход частей, расположенных восточнее меня, был задержан, и фронт армии ломался почти под прямым углом в пределах моего отряда, именно на позиции бывшего Архангелогородского полка. Другими словами, полк охватывался и простреливался с двух сторонседавшими германцами.

Штаб армии снялся с такой поспешностью, что порвал телефонную связь, и оспорить распоряжение не было возможности. Я понял, что полк обречен...

Под покровом ночи я отводил свои войска, испытывая тяжелое чувство за участь полка. На другое утро он был разгромлен, и погибло большинство моих старых соратников...

Началось великое отступление русских армий», — писал А. И. Деникин.

Антон Иванович до дна испил горькую чашу военных трагедий русских войск. Цена политических ошибок и неподготовленности царизма к войне — почти 600 тысяч загубленных и искалеченных жизнью русских солдат и офицеров.

Армии Юго-Западного фронта удержались некоторое время на линии Перемышль — Николаев и дальше по Днестру. Выдержали сильнейший натиск австро-германцев, имели даже крупный успех, разбив и отбросив австрийцев, пытавшихся через Днестр выйти к Львову. Но 24 мая генерал Макензен возобновил наступление и к 3 июня занял Перемышль и утвердился на среднем Сане.

Бои южнее Перемышля стали для русских войск наиболее кровопролитными. Сильно пострадала Железная дивизия. 13-й и 14-й полки были буквально сметены шквалом артиллерийского огня немцев. В первый и единственный раз Деникин видел храбрейшего из храбрых полковника Маркова в состоянии, близком к отчаянию, когда тот, весь залитый кровью, выводил из боя остатки рот. Рядом с ним шел командир 14-го полка. Внезапно осколком снаряда ему снесло голову. Еще мгновение туловище без головы стояло, как живое, и затем рухнуло на землю, залит своей кровью Маркова. Такое не забывается никогда...

Русские армии отходили от Сана, 22 июня оставили Львов. Наши контратаки и необходимость подтянуть свои тылы заставили Макензена в первой половине июля приостановить наступление; затем оно возобновилось, и к августу русские войска ушли за Буг.

В результате «великого отступления» огромные территории — часть Прибалтики, Польша, Литва, часть Белоруссии, почти вся Галиция — были потеряны Россией, дух армий подорван. Но отступление русских войск не было паническим. Немцам наносились тяжелые удары, а австрийцы из-за непрерывных контратак русских потеряли при наступлении одних пленных сотни тысяч...

К осени 1915 года австро-германское наступление выдохлось. Стратегическая задача Тройственного союза — вывести Россию из войны — не выполнена, благодаря исключительному мужеству и стойкости русских воинов.

Фронтовые неудачи, однако, вместо принятия надлежащих мер лишь подхлестнули дворцовые интриги. 23 августа 1915 года император смещает с должности Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича и назначает на эту должность самого себя. Решение о самоназначении было принято не без колебаний. Государя предостерегали от опасного шага и выдвигали достаточно веские аргументы: трудность совмещения управления страной и командования вооруженными силами; риск ответственности за армию в столь тяжелое время. Бесполезно...

Реакция в военных кругах на сумасбродное решение царя, принятое, надо полагать, не без влияния Распутина и придворной камарильи, была негативной.

Из воспоминаний бывшего генерал-квартирмейстера ставки главковерха¹⁸ Ю. Н. Данилова:

«Все знали неподготовленность государя, достигшего на военной службе лишь скромного положения полковника одного из гвардейских полков. Самоназначение было встречено недовери-

ем и унынием, потому что весь его внутренний облик мало соответствовал масштабу этой войны».

Тем не менее смена Верховного состоялась. 20 августа 1915 года Николай II приказал ставке перебраться из Барановичей в Могилев. Императорский поезд подошел к могилевскому перрону. Из вагона новый Верховный вышел в сопровождении вновь назначенного начальника штаба ставки генерала Алексеева (хоть какое-то утешение, что начальник штаба — военный профессионал высшего класса).

Но чуда не случилось: новый главковерх не изменил хода боевых действий. «Великое отступление» продолжалось.

Антон Иванович очень тонко, с дистанции времени и опыта таким образом описывает психологическую ситуацию, которая сложилась после того, как главковерхом стал император:

«В армии перемена Верховного не вызвала большого впечатления. Командный состав волновался за судьбы войны, но назначение начальником штаба Верховного генерала Алексеева всех успокоило. Что же касается солдат, то в деталях иерархии они не отдавали себе отчета, а государь в их глазах всегда был главой армии. Одно обстоятельство, впрочем, вызывало толки в народе, оно широко отражалось в перлюстрированных военной цензурой письмах. Все считали, что “царь был несчастлив”, что “ему не везло”. Ходынка, Японская война, Первая революция, неизлечимая болезнь единственного сына...

Фактически распорядителем всех вооруженных сил Российского государства стал ген. Михаил Васильевич Алексеев.

В сущности такая комбинация, когда военные операции задумываются, разрабатываются и проводятся признанным стратегом, а “повеления” исходят от верховной и притом самодержавной власти, могла быть удачной. Но... государь не имел достаточно властности, твердости и силы характера, и ген. Алексеев, по тем же причинам, не умел “повелевать именем царя”».

После вступления в должность главковерха царь все более терял нити управления страной. Наверное, можно согласиться с поэтом А. Блоком, который писал:

«Став верховным главнокомандующим, император тем самым утратил свое центральное положение, и верховная власть... окончательно расплылась в руках Александры Федоровны и тех, кто за ней стоял».

Единственное, что в «год великого отступления» спасало трещавшие по швам русские фронты, — мужество российского солдата и офицера-окопника да мудрость военных-

профессионалов подобных Антону Ивановичу. Именно они в экстремальных условиях зачастую делали невозможное возможным.

В конце августа 1915 года Деникин получил приказ от генерала Брусилова: спешно идти в местечко Клевань, находившееся между Луцком и Ровно. Приведя дивизию форсированным маршем в исходный район к ночи, Деникин застал там полный хаос. Со стороны Луцка наступали австрийцы, тесня какие-то русские ополченские дружины и спешенную кавалерию. Никакого фронта не было, и путь на Ровно открыт.

Генерал развернул дивизию по обе стороны шоссе и после долгих поисков вошел в телефонную связь со штабом армии. Узнал, что положение серьезное: штаб армии планируется эвакуировать в Ровно; у Каледина спешно формируется новый 39-й корпус из ополченских дружин, которые, по словам Брусилова, «впервые попадают в бой и не представляют никакой боевой силы». Антон Иванович был отдан в подчинение начальнику корпуса генералу Стельницкому.

Брусиллов добавил: фронт все же получится довольно устойчивым, «опираясь на Железную дивизию, дабы задержать врага на речке Стубель».

Положение дивизии — труднее не бывает. Она занимает огромный фронт, до 15 километров. Противостоящая группировка противника превосходит соединение Деникина по силам почти втрое. Обороняться при таких условиях невозможно. Тогда генерал решил атаковать. С 21 августа он трижды переходит в наступление, и тремя атаками Железная дивизия приковывает к своему фронту около трех австрийских дивизий и задерживает обходное движение противника. Но 8—11 сентября после тяжелых боев австрийцам все-таки удалось отеснить соединение за реку Горынь. Однако упорный генерал Брусиллов продолжал наступление.

Железная дивизия шла в центре фронта. Блестящими атаками колонн генерала Станкевича и полковника Маркова противника разбили. 18 сентября дивизия по собственной инициативе, преследуя быстро отступавших австрийцев, форсированным маршем пошла на Луцк. 19 сентября Деникин уже атаковал его передовые укрепления. Бой шел беспрерывно весь день и всю ночь. Против 4-й стрелковой дивизии сражались 2,5 австрийские дивизии, прочно засевшие в хорошо подготовленных окопах. Стрелки дрались на самой позиции, брали пленных, захватили два первых ряда

окопов. Но дальнейшее продвижение оказалось непосильным. Войска устали, и дивизия стала нести большие потери.

Чтобы помочь захлебнувшейся фронтальной атаке Железной дивизии, генерал Брусилов приказал генералу Зайончковскому атаковать Луцк с севера. Получив распоряжение Брусилова, тот отдал по корпусу многоречивый приказ, в котором говорилось, что Железная дивизия не смогла взять Луцк, и эта почетная и трудная задача возлагается на Зайончковского... Припоминал праздник Рождества Богородицы, приходящийся на 21 сентября. Приглашал войска «порадовать матушку царицу» и в заключение восклицал: «Бутылка откупорена! Что придется нам пить из нее — вино или яд — покажет завтрашний день».

Но пить вино на завтрашний день Зайончковскому не пришлось. Наступление не подвинулось вперед, и он потребовал у штаба армии передать на усиление один из полков дивизии Деникина, что и было сделано. Антон Иванович же остался с тремя полками. Кроме того, в ночь на 23 сентября Деникин получил приказ из армии: ввиду того, что Зайончковскому доставляет большие затруднения сильный артиллерийский огонь противника, начальнику 4-й стрелковой дивизии, по просьбе командира корпуса, приказано вести стрельбу всеми батареями соединения в течение ночи, «чтобы отвлечь на себя неприятельский огонь».

Стрелять в течение всей ночи, когда в дивизии каждый снаряд на учете. Но приказ Антон Иванович исполнил.

Эта нелепая стрельба обнаружила врагу расположение скрытых батарей Железной дивизии, и к утру положение соединения Деникина стало трагичным. Антон Иванович вызвал к телефону трех командиров полков и, обрисовав обстановку, сказал: «Наше положение пиковое. Ничего нам не остается, как атаковать».

Все командиры полков согласились с начальником. Брусилов потом писал об этом эпизоде так:

«Деникин, не отговариваясь никакими трудностями, бросился на Луцк одним махом, взял его, во время боя въехал сам на автомобиле в город и оттуда прислал мне телеграмму, что 4-я стрелковая дивизия взяла Луцк».

Вслед за этим Зайончковский доложил о взятии Луцка. На его телеграмме Брусилов сделал шутливую пометку: «И взял там в плен генерала Деникина...»

За первое взятие Луцка (Антону Ивановичу пришлось его брать вторично в 1916 году) Деникин был произведен в генерал-лейтенанты. Требование Зайончковского наградить его Георгиевским крестом удовлетворено не было.

За всю Луцкую операцию Железная дивизия взяла в плен 158 офицеров и 9773 солдата, то есть количество, равное ее составу. Но дивизия была сильно потрепана. Через два дня ее сменили и вывели, как всегда, в резерв командующего армией.

Однако grimасы военной истории зачастую бывают ужасными. Линии Стырь и Луцк, доставшиеся ценою таких героических усилий, были оставлены без давления противника. Генерал Брусилов получил от главкома армиями фронта приказ:

«Бросить Луцк и отвести войска в первоначальное положение, а корпусу генерала Зайончковского, с приданной ему Железной дивизией, “спрятаться в лесах восточнее Колкий, когда немцы втянутся по дороге Колки — Клевань, неожиданно ударить им во фланг, а остальному фронту перейти тогда в наступление”...»

«Эта стратегия, больше похожая на детскую игру в прятки, свидетельствовала о весьма слабой военной квалификации как ген. Иванова, так и его нового начальника штаба ген. Савича», — вспоминал Деникин.

Корпуса скрыть в лесу, конечно, не удалось, и в результате оба противника развернулись друг против друга в дремучем, заболоченном Полесье, соорудили из поваленных деревьев, перевитых колючей проволокой, укрепления и перешли к обороне. А потом начались странные вещи.

Под предлогом лесистой местности штаб отнял у Деникина дивизионную артиллерию, передав ее другой дивизии. Когда Антон Иванович явился к генералу Зайончковскому, тот сухо и наставительно прочел директиву, по которой три полка Деникина были распределены по дивизиям корпуса Зайончковского, а четвертый взят в корпусный резерв. Железную дивизию расформировали, Антон Иванович остался не у дел.

Такой оборот, однако, не огорчил Деникина, он знал: этот номер не пройдет. Действительно, получив директиву Зайончковского, Брусилов немедленно приказал «вернуть дивизию в распоряжение ее начальника и дать дивизии самостоятельную задачу».

Командир корпуса поставил 4-ю стрелковую дивизию вдоль лесной речки Кармин, и начались ее новые злоключения.

Зайончковский приказал атаковать противостоящих германцев. Деникин попробовал перейти в атаку раз, потом еще раз, понесся потери, был отбит и убедился в невозможности одержать успех в болотистой местности против уже

укрепившихся немцев, не имея артиллерии. Командир корпуса несколько дней присылал резкие и категорические приказания перейти в атаку, угрожая отрешить Антона Ивановича от командования за неисполнение. Не находя возможным вести людей на верную гибель и считая операцию явно обреченной, Деникин отмалчивался.

Первый и единственный раз Антон Иванович встретил такое жестокое и оскорбительное отношение к дивизии и к себе. Его «пожарную команду» всегда ценили и встречали с чувством облегчения и признания.

Генерал Зайончковский пожаловался в штаб армии. Генерал Брусилов телеграфировал Антону Ивановичу: «Что у вас происходит, объясните?»

Генерал Деникин отвечал, что принял личное участие в последней атаке 14-го полка. Сообщил обстановку, подытожив: дивизию посылают на убой.

Через час генерал Зайончковский получил приказание Брусилова этой же ночью сменить своими частями Железную дивизию, которая возвращается в резерв командующего.

Здесь кончилась «скитальческая жизнь» Железной дивизии по разным корпусам. В составе 8-й армии сформировали новый 40-й корпус, в который вошла Железная дивизия.

Корпусу пришлось сразу вступить в бой в ходе Чарторыйской операции, которая составляет одну из славнейших страниц истории Железной дивизии.

«На 4-ю стр. дивизию, — писал Брусилов, — возложена была самая тяжелая задача — взять Чарторыйск и разбить германскую дивизию».

В ночь на 16 октября дивизия развернулась против Чарторыйска и Новоселок, в следующую ночь переправилась через Стырь и за два дня разбила, потопила и пленила австро-германцев на 18 километрах фронта. Левая колонна, направленная Деникиным на запад и юго-запад, опрокидывая врага, неудержимо шла вперед. А правая колонна, брошенная на Чарторыйск, атаковала город с тыла, одним порывом взяла его, почти уничтожив 1-й гренадерский полк кронпринца, захватив орудия, пулеметы и обозы.

К утру 20 октября Железная дивизия завершила прорыв.

Успех прорыва 3-й и 4-й стрелковых дивизий вдохновлял людей, и генерал предлагал развить его, продолжить наступление, введя в действие новые крупные силы. Генерал-квартирмейстерская часть штаба горячо поддерживала начальника 4-й стрелковой дивизии, но обычно столь

энергичный Брусилов почему-то колебался. И момент был упущен...

Противник стягивал подкрепления со всех сторон. Впоследствии в официальных отчетах австрийской стороны о Первой мировой войне Деникин обнаружил, что против Железной дивизии вели боевые действия, по крайней мере, 15 австрийских полков. Это значит, что австрийцы имели почти четырехкратное превосходство. Полковник Марков докладывал генералу Деникину: «Очень оригинальное положение. Веду бой на все четыре стороны. Так трудно, что даже весело!»

Деникин в данной связи вспоминал:

«Теперь, с некоторой уже «исторической перспективой», взирая на эти далекие события, испытываю все тоже чувство глубокого умиления и гордости перед неугасимым воинским духом, доблестью и самоотверженным патриотизмом моих соратников по Железной дивизии».

Не только 13-му стрелковому полку Маркова, но всей дивизии в течение двух суток пришлось драться фронтом на все четыре стороны. Ни паники, ни малейшего колебания не было в рядах славных железных стрелков Деникина. Чарторыйск был взят. Генерального штаба полковник Б. Н. Сергиевский свидетельствует:

«Неприятно было пробуждение австрийцев, заночевавших в злополучных хуторах, рассказывает очевидец боя за Чарторыйск. Только начинало светать, как леса кругом них ожили. И ожили каким-то невероятным для войны XX века образом».

С севера гремел, надвигаясь все ближе и ближе, русский военный оркестр. На западе и юге ему вторили полковые трубы. И когда на опушку с трех сторон одновременно стали выходить русские колонны — австрийская бригада стояла в строю впереди деревенских домишек, подняв руки вверх. Стрелковый оркестр прошел, продолжая играть, вдоль фронта врага, поворачивая на восток по дороге в Чарторыйск».

Галопом наскочил на австрийское начальство полковник С. Л. Марков.

— Церемоньял марш! — скомандовал он австрийцам. — Нах Чарторыйск!»

...Чарторыйская операция, несмотря на то, что противнику удалось ликвидировать прорыв, пользуясь своим численным превосходством, стала славной страницей в истории русского военного искусства, в биографии Железной дивизии и ее командира генерала Антона Ивановича Деникина.

9 ноября в последний раз Железная дивизия перешла всем фронтом в атаку, разбив австро-германские части. Только пленных взяли 8,5 тысячи человек.

А потом на Юго-Западном фронте с половины ноября наступило затишье, длившееся до весны 1916 года. Первый отдых Деникина и его железных стрелков с начала войны...

Прежде чем перевернуть новую страницу военной эпопеи генерала, отметим один принципиально важный момент. Антон Иванович, получив в командование Железную бригаду, развернутую в 1915 году в дивизию, вне зависимости от стратегической, оперативно-тактической обстановки на своих участках ответственности, всегда добивался успеха. И в оборонительных, и в наступательных боях.

В чем секрет его военных успехов?

Деникин зарекомендовал себя мастером нестандартных решений. В боях под Луцком командир немецкой дивизии отдал частям боевой приказ:

«На нас наступает одна из лучших русских дивизий. Ввиду исключительной активности ее начальника предписываю принять самые интенсивные меры охранения... Мы должны быть готовы ко всяческим неожиданностям...»

Генерал придавал особую значимость укреплению морального духа личного состава. Он тесно взаимодействовал с армейским духовенством¹⁹ и решал совместно с ним задачу патриотического воспитания своих стрелков. В целях воспитания у солдат ненависти к врагу в частях соединения распространялись специальные альбомы с фотоснимками, показывающими зверства немцев и австрийцев над русскими военнопленными.

Личный пример офицеров дивизии имел первостатейное значение. Самого начальника дивизии можно было часто наблюдать в боевых порядках в непосредственной близости к переднему краю. В боях за Луцк он вообще перенес свой командный пункт в боевые порядки 16-го стрелкового полка, который первым ворвался в Луцк.

В итоге в дивизии поддерживался дух высокого наступательного порыва. Рядовой 1-й роты 15-го стрелкового полка И. Давлядче был тяжело ранен в обе руки. На приказ командира роты отправиться на перевязочный пункт ответил: «Какой перевязочный пункт, когда впереди австрийцы» и с криком «Ура!» бросился вперед.

Боевая слава генерала Деникина — это не его величество случай, не жар-птица военного счастья (хотя без нее, конечно, тоже не обошлось), а закономерность.

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ И ПОСЛЕ

*Глуше, глуше
Праздный гул.
Отдадим последний долг
Тем, кто долгу отдал — душу...*

Марина Цветаева

В штабе командующего 8-й армией генерала Каледина капитан из разведывательного отделения допрашивал пленного австрийского офицера. Вид его был жалок, он еще не пришел в себя от шока. Нервно покуривая, сообщал слегка дрожащим голосом ведущему допрос офицеру:

— Ничего не понимаю, господин капитан! Нашу оборону под Луцком ни теоретически, ни практически прорвать невозможно!

— Но ведь прорвали, — возразил капитан-разведчик.

— Вот именно! Ваши солдаты и офицеры — сущие дьяволы.

— Насчет дьяволов ничего сказать не могу. Но дивизию эту не зря называют Железной. Ее начальник генерал-лейтенант Деникин — большой мастер бить врага.

— Наслышан о вашем Деникине. Надо же, Луцк взял! Ведь наша оборона была неприступна!

— Вы это уже говорили. Продолжим допрос.

— Готов отвечать на ваши вопросы, господин капитан. Наверное, нашей армии после Луцка ничего не остается другого, как соорудить громадных размеров чугунную доску, водрузить ее на линии огня теперешних позиций и написать: «Эти позиции были взяты русскими, завещаем — никогда и никому с ними не воевать».

— Может быть, вы правы. Мощную оборону прорвали Железные стрелки генерала Деникина! Впрочем, давайте все-таки ближе к делу...

Это лишь один эпизод Брусиловского прорыва, где роль первой скрипки сыграл Антон Иванович Деникин.

Брусиловский прорыв... Интереснейшая, героическая страница Первой мировой войны. Не так уж много было удач у русской армии. Но Брусиловский прорыв — бальзам на израненную душу русского человека, несущего все тяготы военного лихолетья.

Впрочем, обо всем по порядку...

В кампании 1916 года Россия — главное действующее лицо в театре мировой войны. Ей вновь было суждено оказать действенную помощь союзникам по Антанте, заплатив большой кровью. Вновь «мельница смерти» ставит свои

страшные рекорды помола человеческих жизней. Россия теряет в 1916 году ежемесячно убитыми, ранеными, пропавшими без вести: в феврале — 293 тысячи, в августе — 274, в сентябре — 334, в октябре — 364, в декабре — 278 тысяч человек.

В командовании Юго-Западным фронтом произошли перемены. Генерала В. Драгомирова сделали козлом отпущения и сместили с должности начальника штаба. Главнокомандующий генерал Иванов, повинный во многих неудачах фронта, обрушился с целым обвинительным актом против Брусилова, но последнего поддержала ставка. Обиженный несправедливыми нападками, начальник штаба генерал Ломновский ушел в строй, получив 15-ю дивизию. Убедившись в неспособности Иванова поправить положение дел, сменили и его. Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта 5 апреля назначили генерала Брусилова.

Прибыв из ставки, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал Брусилов собрал на Военный совет командармов²⁰ генералов А. М. Каледина, В. В. Сахарова, Д. Г. Щербачева, А. М. Крымова и сообщил им стратегические замыслы верховного командования на летнее наступление. Один лишь Щербачев высказал сомнение и назвал наступление нежелательным. Все остальные поддержали главнокомандующего. Началась интенсивная подготовка операции, которая войдет в учебники военной истории под названием «Брусиловский прорыв». Именно Брусиловскому прорыву суждено сыграть значительную роль в срыве наступления немцев под Верденом.

К началу операции 4 июля соотношение сил и средств было таковым: Брусилов имел 513 тысяч штыков и сабель против 448 тысяч у противника (1,2:1), орудий 1770 против 1301 (1,3:1).

Значительным превосходством, чтобы вести наступление по классическим канонам военного искусства, он не обладал. Австро-венгерская группировка войск создала мощную позиционную оборону, прорвать которую при сложившемся соотношении сил и средств мощным лобовым ударом не представлялось возможным. И тогда Брусилов решил достичь поставленных целей путем тщательной подготовки операции, концентрации сил и средств на избранных участках прорыва и внезапности наступления.

Главный удар наносила 8-я армия генерала Каледина в районе Луцка на участке прорыва в 21 километр. Остальные армии играли вспомогательную роль, прорывая враже-

скую оборону на участке 7—11 километров. Брусилов избрал оригинальную форму наступательной операции по прорыву позиционной обороны противника — одновременное нанесение нескольких дробящих ударов на широком фронте.

Наступление войск Юго-Западного фронта началось 4 июля. Сильная позиционная оборона противника была прорвана в первый же день. Наибольшего успеха достигла 8-я армия.

В ходе наступательной операции Юго-Западного фронта, продолжавшейся три месяца, русские войска продвинулись на глубину до 80—120 километров. Высокую цену пришлось заплатить за этот стратегический успех русскому воинству — около 500 тысяч человек убитыми и ранеными. Правда, и противник потерял 1,5 миллиона человек убитыми и ранеными. Молох кровавой бойни продолжал принимать жертвоприношения.

В эпицентре сражения вновь находился Антон Иванович Деникин со своими легендарными железными стрелками. Вначале он столкнулся со знаменитой Стальной дивизией немцев.

Впоследствии дивизия понесла большие потери и была отведена в резерв. Но и в полках 4-й стрелковой дивизии оставалось по 300—400 человек.

В луцкой эпопее Деникин снова, как и в 1915 году, ворвался в город первым. Только одних пленных Железная дивизия захватила 4,5 тысячи человек. Прорыв обороны под Луцком — действительно маленькое военное чудо на трагическом полотне всемирной бойни.

После Брусиловского прорыва осенью 1916 года Антон Иванович попрощался с железными стрелками, 8-й армией и Юго-Западным фронтом. Набирающий высоты военного мастерства генерал был замечен в верхах и получил назначение на Румынский фронт в 4-ю армию на должность командира 7-го армейского корпуса. Если дивизия — основное тактическое соединение, то корпус — высшее тактическое или оперативно-тактическое соединение. Командуя корпусом, Деникин вплотную приближается к той категории военачальников, которых в военной истории принято именовать полководцем.

То, что творилось в Румынии, куда военная судьба забросила генерала, он образно поведал в письме Ксении Васильевне Чиж от 22 декабря 1916 (4 января 1917). Понятно, что такой взгляд на события субъективен, но он во многом соответствует тому, что известно истории сегодня.

«...29 октября выехал в Румынию. Теперь это уже прошлое и большого секрета не представляющее.

Румынии угрожала большая опасность. Немцы сосредоточили против нее большие силы, и операция начала развиваться с необыкновенной быстротой. Мы этого не предусмотрели. Наши войска прибывали с опозданием. Маленькая страна при полном напряжении своих железных дорог не могла справиться со своей задачей, и наши эшелоны ползли черепашьям шагом, по суткам простаивая на мелеьких станциях. К тому же хаотические беспорядки, бездеятельность, иногда, вероятно, продажность румынской администрации.

Бухареста дни были уже сочтены. В числе войск, «брошенных» на помощь, были и мои. Но мы опоздали. Я встретил уже разбитые румынские армии. И вкрапленные между ними, в постоянной опасности неустойки с их стороны, задерживали, сколько было возможности, немцев, отходя к северу. Шли жестокие бои. Много, очень много легло моих. За два с половиной года войны бывали трудные положения, но таких оригинальных, запутанных еще не было.

Первая часть румынской операции еще не закончена. Но успех немцев несомненный.

Теперь командующий соединенными армиями (в том числе нашей) — король Фердинанд, а ответственный помощник его — генерал Сахаров.

В оставшейся суверенной Румынии настроение двойственное. Прокламации «короля» западной Румынии, ставленника Вильгельма, смущают умы. Уязвленное самолюбие разбитой армии и поработенного народа слишком чутко, а мы не всегда достаточно тактичны. Отношения поэтому не вполне налаживаются. Тем более что казачки, сохранившие свои привычки с древних времен, грабят население изрядно. Еще горе: везде огромная масса вина. Поэтому напиваются; потом скандалы с обидами местных жителей.

Король, дрожа за судьбу династии, готов на всякие компромиссы. Правительство упорствует. А между тем единственный выход из положения: милитаризация страны (дороги и т. д.)».

На Румынском фронте противоборствующие стороны перешли в конечном итоге к позиционной обороне. 2 (15) января 1917 Антон Иванович пишет Ксении Васильевне:

«Наступление вражеское приостановилось. Затишье. Тепло. Непролазная грязь. Небольшая деревня. Бедные хаты. Страна купается в вине. Его теперь тысячами бочек выливают, составляя какие-то акты. Иначе воинство прославленное озверело бы».

В подобной обстановке талантам Деникина проявиться не удалось. Фронт поглотили частные интересы. Хотя фронтовое командование и готовило зимнее наступление, оно вызывало неприятие не только у солдат, но и у офицеров, командования 4-й армии. Командиры всех степеней в пределах компетенции употребляли все усилия, чтобы преодолеть ужасную хозяйственную разруху, которую создали русским войскам румынские пути сообщения. На Украине, на базе Румынского фронта, всего было достаточно, но до соединений и частей ничего не доходило. Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья и заболевали тысячами. Из нетопленных румынских вагонов, не приспособленных для больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова, на станционных платформах. Молва катилась, обрастая комом, волновала, искала виновных...

В жестокую стужу, в горах в холодных землянках по неделям жили на позициях люди — замерзшие, полуголодные; с огромным трудом доставляли им хлеб и консервы.

Деникин впоследствии вспоминал, что едва ли когда-нибудь в течение всей войны войскам приходилось жить в таких тяжелых условиях, как на Румынском фронте. Это обстоятельство Антон Иванович подчеркнул в своих воспоминаниях не случайно. Войска Румынского фронта сохранили большую боеспособность и развалились позже всех. Подобный исторический феномен дал Деникину основания для следующей констатации:

«Этот факт свидетельствует, что со времен Суворовского швейцарского похода и Севастополя не изменилась необыкновенная выносливость русской армии, что тяжесть боевой жизни не имела значения в вопросе о моральном ее состоянии и что растление шло в строгой последовательности от центра (Петрограда) к перифериям...»

Конечно, в таких условиях Антон Иванович не мог проявить всех тех блестящих военных способностей, как во времена командования легендарной Железной. Ощущалось, как и во всей стране, предреволюционное напряжение. А солдаты и офицеры просто невероятно устали от бессмысленной бойни. И быть может, в меньшей степени, но процесс разложения армии проникал и на Румынский фронт. Всего же в русской армии к началу 1917 года насчитывалось около 1,5 млн дезертиров.

Впереди Антона Ивановича ждали тяжелые испытания лихолетья очередной русской смуты.

АНТОН И КСЕНИЯ: ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

*Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое провиденье!..*

Ф. Тютчев

Ася тяжело переживала смерть своего жениха — Михаила Масловского, корнета 13-го Нарвского гусарского полка. Бросила исторический факультет, моталась от тетки к дедушке и от дедушки к матери. Но время — лучший лекарь. Тем более в молодости. Слезы по Мише постепенно иссохли. Жизнь шла своим чередом.

Ася иногда вдруг вспоминала о старом друге семьи, который водил ее на прогулки, когда она училась в Варшаве. Но сейчас он — герой войны. И вот, посещая мать героя войны, молодая девушка пожаловалась ей на то, что ее сын якобы не ответил на несколько Асиных писем. Никакого письма она, естественно, Антону Ивановичу не писала. Но небольшая ложь во спасение принесла свои плоды. Елисавета Федоровна объявила сыну в одном из писем выговор за невнимательность. И получилось так, что генерал первым взял перо и написал письмо, адресованное Ксении Васильевне Чиж:

«15 (28) октября 1915.

Милая Ася!

Быть может, так нельзя обращаться? Но я иначе не умею. Мать писала мне, что я не отвечаю на ваши письма... Если это было, я их не получал. И грущу. Потому что образ милой Аси жив в моей памяти, судьба ее меня живо интересует и я от всей души желаю ей счастья.

Жизнь моя так полна впечатлениями, что их хватит на всю жизнь. Горишь, как в огне, без отдыха, без минуты покоя, испытывая острые ощущения боли, скорби, радости и внутреннего удовлетворения.

Славная дивизия, которой — судьба улыбнулась — я команду 14 месяцев, создала себе исключительное положение: неся огромные потери, исколесив всю Галицию, побывав за Карпатами — везде желанная, — то растаявшая, то вновь возрожденная пополнениями, исполняет свой долг с высоким самопожертвованием. Достаточно сказать, что в двух операциях, в сентябре и первой половине октября, взято ею до 12 000 пленных, 4 орудия, до 50 пулеметов и проч.

Здоровье лучше, чем в мирное время. Самочувствие — от-

личное. Но нервы истрепаны. И не раз в редкие минуты затишья мечтаешь о тех благотворных днях, когда кончится война (победой, конечно, — не раньше) и получишь нравственное право на... отдых. Отдых полный, ничем не омраченный: покой — как хорошо. Счастье? Его почти не было. И будет ли. Но на покой я, кажется, имею право...

А до тех пор, до славного исхода кампании — полное напряжение сил, воли, мысли. Асенька, милая, ваше здоровье меня печалит, ваша жизнь, насколько могу судить, не вошла еще в колею. Почему?

Напишите несколько строк. Буду рад искренне. Жду...»

Это пишет боевой генерал, слава за которым неотступно следует по полям сражений. Но так уж сложилось, что он до сих пор семьей не обзавелся... Единственным близким человеком для него была мать...

Жила Елисавета Федоровна в Киеве в квартире сына, которую генерал Деникин снял весной 1914 года, перевез туда мать из Житомира после того, как сдал командование полком. Мать Антона Ивановича, в свое время натерпевшаяся вдоволь лиха, последние годы, благодаря заботам любящего сына, провела в покое и уюте.

Она писала сыну очень редко, рассказывала только о домашних делах, рождениях и смертях соседей и знакомых да беспокоилась о здоровье Антона. Ну, вот еще за Асю выговор дала. Эх, знала бы она, чем ее нотация кончится...

В самом начале 1916 года Елисавета Федоровна тяжело заболела воспалением легких, осложнившимся плевритом. От болезни своей она не оправилась и в октябре 1916 года скончалась в возрасте семидесяти трех лет.

С ухудшением здоровья матери Антон Иванович все чаще задумывался о том, что после смерти единственно любимого человека его ждет лишь полнейшее одиночество в стенах казенных квартир. Но боевой генерал, герой Брусиловского прорыва влюбился в Асю Чиж. История любви Антона и Ксении вступала в лирико-драматическую фазу. Начался почтовый роман²¹:

«10 (23) ноября 1915 года.

Вспомнил... — это неверно. Не забывал.

Но... сантименты не идут старому генералу, который по рангу должен представлять нечто важное, бородатое и хрип-лое...

Вы шутите в письмах своих, Асенька, а я за шутками вижу хмурое личико и мятущуюся душу. И вместе с вами искренне желаю, чтобы неведомое мне на вас свалившееся горе прошло мимо, чтобы там действительно оказалось “что-нибудь не так”.

Распутица на время приостановила наши действия. Живем среди сплошных болот, среди обугленных развалин в скучном пустынном месте. Вместо кровавых боев — нудная позиционная война с ее атрибутами: заплывшие водой окопы и сырые холодные землянки. Непосредственно чувствуя пульс жизни, мы видим, что в рядах противника нет той нравственной силы, с которой он начал кампанию. В отбираемых у пленных дневниках — апатия, усталость, желание конца. Он не близок, он далек еще, но ясно чувствуется фатальная неизбежность поражения австро-германцев. И настанет новая светлая эра, если только кормчие сумеют уберечь страну нашу от внутренних потрясений.

В чем счастье человека? На 42-м году жизни не отдаешь себе совершенно ясное и отчетливое об этом понятие. Не помню. Но вижу, что вам оно не слишком ярко улыбается... Грустно.

Пишите, Ася, милая: я прочел ваши строчки и опять, как тогда, в маньчжурской тайге, повеяло теплом».

В душе Антона Ивановича затеплилась надежда. Но он помнит разговор с Ксенией в 1910 году о «высоком, молодом, любящем идеале». Подспудная ревность сквозит в осторожном вопросе в конце письма, хотя нет на нее у него никакого права.

«16 (29) декабря 1915.

Вот уже месяца четыре не имею своего угла. В одной комнате три-четыре человека. Конечно, памятуя о привилегиях начальнических, меня бы устроили лучше, но зато в ущерб другим.

Пишу ужасно нескладно, потому что три пары глаз смотрят под руку и три головы не без ехидства думают: что это генерал, письма которого отличаются телеграфической краткостью, пишет уже 4-ю страницу?

Не могу пока послать своей карточки: фотографии нет, а кустарные снимки, отосланные в Киев, утеряны во время паники.

Над нашими болотами густой непроницаемый туман. Сыро и скучно. Согревает только лишь извне, издалека... Жду...

Сердечный привет.

Асенька, что тот — “сильный и любящий” пришел? Еще нет?»

Нет, такие мысли надо гнать прочь. Лучше писать о знакомом — о войне.

«26 декабря 1915 (8 января 1916).

Спасибо, Асенька, милая моя, что, не считаясь с моим “молчанием”, написали письмо, не такое, правда, как раньше...

Но это неважно. Писал 4 декабря по старому адресу и 16-го по новому. Обидно, если не получили — телеграфировал даже. Упрек незаслуженный, маленькая и неинтересная женщина...

Кругом море воды, грязи, ноль градусов. Окопы плавают. Это затрудняет серьезные действия и наши, и противника. Поэтому на нашем фронте опять затишье.

В армии дерутся просто и с ясным сознанием необходимости и цели. Но в тылу армии, в особенности в Вашем Петрограде, — неблагоприятно. То, что помимо воли приходится слышать со всех сторон, удручает.

Дай Бог разума нашим кормчим!

На столе — рождественская елка, настоящая елка, с украшениями, со свечами. В штабе атмосфера товарищеская. Шумно, уютно. И немножко грустно. Встают воспоминания... скользят. А мысль рвет преграды времени и пространства и несет навстречу...

Про карточку писал трижды, но мне хочется повторить еще раз: какая прелесть!

Будьте счастливы!

Жду письма».

А карточку свою Асе все-таки послал.

«16 (29) января 1916.

Я не знаю, но вижу, но чувствую, что вы больны серьезнее, чем вам это кажется. Самолюбие, только самолюбие? А нельзя немножко, хоть на некоторое время, поступиться им? Только на время? Чтобы быть здоровой. Чтобы потом было довольно сил радоваться жизни.

Глупо, конечно, посылать вам такую большую образину, но, право, другой нет. Эта из альбома штаба армии. Сходство полное, но фотограф прикрасил, прибавил волос на моей лысой голове, сгладил морщины. Суди его за это Бог, а я не буду!

Штабная молодежь ожила и шумит еще больше: разрешены отпуска. Пока нет боев, пусть... Пусть живут и радуются, пока молоды.

В феврале, вероятно, и мне можно будет уехать. Не знаю... Будьте счастливы.

Жду».

На все более разгорающиеся чувства к Асе накладывает горестный отпечаток прогрессирующая болезнь матери.

«6 (19) февраля 1916.

10 (января) заболела тяжело моя мама воспалением легких. 24-го удалось вырваться в отпуск. До 5-го просидел возле нее. Устал нравственно и физически. Исход — неопределенный. Иногда — надежда, иногда — нет. Впереди ждет пустота и подлинное одиночество — у меня ведь никого нет кроме нее».

«12 (25) февраля 1916.

Был второй кризис, почти агония: пульс 36, температура ниже 36, длилось так дня четыре. И пошло на улучшение. Возраст почтенный, 73 года, но доктор все же обещает недели через четыре поставить старушку на ноги. Чувствую себя разбитым. Еду в великолепную санаторию — свою дивизию».

«27 февраля (11 марта) 1916.

Ждал долго. Сегодня получил письмо от 15-го. Не такое ласковое, как раньше. И потом не все понял. Иногда кажется, что понимаешь, иногда сомневаешься. Но всегда жду с нетерпением и ищу в нем ответа на вопросы незаданные и думы невысказанные.

Плохо, Асенька, моей матери. Сердце поддерживают камфарой. Хотят сделать прокол в легкое, быть может, операцию. Я соглашаюсь на все. Но кажется мне, что врачи делают это лишь для очистки совести — напрасно только мучат бедную старушку. Положение все время тяжелое. Жизнь угасает. Нити рвутся.

Дивизия вновь заняла фронт. Прибавилось дела. Асенька, родная, опять больна? Отчего я ничем, ну вот ровно ничем не могу помочь? Научите меня.

Теперь ответьте мне: неужели счастье, которое “прошло мимо” Вас, невозвратимо и незаменимо?»

«4 (17) марта 1916.

Состояние матери? Опять дают надежду. Так и живу между надеждой и унынием. И не в одном только этом вопросе...

2 марта ранен навывлет легко в левую руку осколком шрапнели; кость не задета, сосуд пробит, но, молодчина, сам закрылся. Даже температура не поднимается выше 37,4. Ложиться не надо — продолжаю командовать».

«Киев, 27 марта (9 апреля) 1916.

Судьба отдаляет мою поездку в Петроград. Доктор вызвал меня телеграммой в Киев, считая положение моей матери совершенно безнадежным. По-видимому, он ошибся во времени. Идет медленное умирание, но определить конец нельзя. Мне не придется закрыть глаза бедной старушке, так как через 4—5 дней возвращаюсь в дивизию».

В письмах Ксении, которая «так близко вошла в его жизнь», Антон Иванович искал «ответа на вопросы незаданные и думы невысказанные». «Я не хочу врываться непрошеным в ваш внутренний мир», — говорит он в одном из писем. Деникина терзают вполне обоснованные сомнения:

он намного старше Ксении Васильевны! В письмах Антона Ивановича все чаще звучат полупризнания, которые не могут передать всей глубины его чувств. Антон Иванович хотел уловить в ответных письмах те оттенки мыслей, которые дали бы ему мужества просить ее руки.

А письма Аси становятся все теплее. Это радует, несказанно радует, он живет с чувством постоянного тревожного ожидания.

Наконец, 4 апреля 1916 года генерал спрашивает: может быть, она придумала его, и это вовсе не любовь?

«4 (17) апреля 1916.

Тот невысказанный, но давно уже созревший вопрос я не задаю по двум причинам. Я не хочу красть счастье, не покаявшись в своем прошлом. Станет ли оно преградой? А доверить его бумаге трудно. Затем... Вы "большая фантазерка". Я иногда думаю: а что, если те славные, ласковые, нежные строчки, которые я читаю, относятся к созданному вашим воображением, идеализированному лицу... А не ко мне, которого вы не видели шесть лет и на внутренний и внешний облик которого время наложило свою печать. Разочарование? Для вас оно будет неприятным эпизодом. Для меня — крушением».

«22 апреля (5 мая) 1916.

Итак, родная моя, "вопрос незаданный" почти разрешен. Явилась надежда — яркая и радостная.

Пробивая себе дорогу в жизни, я испытывал и неудачи, и разочарования, и успех, большой успех. Одного только не было — счастья. И как-то даже приучил себя к мысли, что счастье — это нечто нереальное — призрак.

И вот вдали мелькнуло. Если только Бог даст дней.

Старушка моя в прежнем неопределенном положении. Бедная мучится уже три с половиной месяца. Несколько лучше, но и только. И мне тяжело, что ничем решительно не могу помочь ей.

На моем фронте по-прежнему затишье. Живу в несколько разоренной поповской усадьбе, занимаю отдельную комнату, чего давно уже не бывало. А в окна глядит огромный каштан, несколько деревьев в цвету.

Пасху встретил нежданно торжественно. Приехал архиерей с духовенством. И среди чистого поля в огромном, созданном из ничего, прекрасном и величественном зеленом (ель и сосна), среди полной тишины словно замершего боевого поля, среди многих тысяч стрелков, вооруженных, сосредоточенных и верующих, — началось торжественное пасхальное архиерейское служение.

Обстановка весьма необычная для него и для нас. Впечатление большое.

Асенька, так все это правда? И в хмурую осень может взглянуть яркое, летнее солнце? И не только осветить, но и согреть? Это правда? И ничто не помешает? Желанная моя...»

Смотрите, генерал обронил между строк: «Желанная моя...».

«18 (31) мая 1916.

Дома не вполне благополучно. У матери продолжается страшная слабость. На этой почве анемия мозга. На фронте без перемен. В служебном положении некоторая перемена. Необычно быстрое движение: за доблесть стрелков в сентябрьских боях меня произвели в генерал-лейтенанты».

«21 мая (3 июня) 1916.

Не могу удержаться, чтобы не сказать несколько слов. Хотя меня терзают во все стороны. Почему — узнаете скоро. Вся моя жизнь полна вами».

...«Вся моя жизнь полна вами» — это уже даже больше, чем косвенное признание в любви...

«26 мая (8 июня) 1916.

Дорогая моя, писал 21-го, накануне перед решительными боями. Соблюдая тайну, не писал об этом. 22-го начался страшный бой, 23-го разбили наголову австрийцев, 24-го преследовали, 25-го опять большой бой, овладели важной стратегической линией и сегодня отдых. Об огромном успехе всего Юго-Западного фронта знаете из газет. Но маленькая деталь: боевое счастье неизменно сопутствует моей дивизии. Благодаря доблести стрелков, мне удалось взять 9500 пленных, 26 орудий и т. д.

От бессонных ночей... очутился в городе (Луцк), взятом нами в бою, в весьма непривычной обстановке: в хорошей большой комнате гостиницы; вместо походной кровати — мягкий матрац и т. д. Мелочи жизни — упрощенной боевой обстановкой.

Словом, все идет прекрасно. Одного лишь недостает: мучительно хочется видеть вас, хочу вашей ласки, милая.

Выспался за все время. Дома по-прежнему. Мы идем так быстро вперед, что почтовое сношение несколько расстроилось. До свидания. Желанная».

«31 мая (13 июня) 1916.

Родная моя, все больше и больше разворачивается картина колоссального разгрома австрийской армии. Больше нет места пессимизму. Подъем необычайный. Никогда не бывалое превос-

ходство материальных сил, перевес числа, а про дух я и не говорю. С чувством глубокого удовлетворения слушаю, что говорят про моих стрелков. Их подвиги становятся уже легендой. Благословляю судьбу, давшую мне возможность вести в бой такие части.

Успех Юго-Западного фронта, несомненно, повлечет за собой и более широкое наступление, быть может, и союзники встрепенутся.

Письма получаю с большим опозданием, что вносит задержку в приемственность их.

Асенька, пожалуйста, бросьте Петроград — ведь это моя первая просьба, которую вы до сих пор не хотите выполнить. Первая! Мне кажется, что вам следовало бы поехать в Шостку, к своим родным. И все было бы несравненно проще, если бы вы признали мои права и обязанности и в качестве моей невесты (хотя бы неофициальной — для своих) стали в совершенно независимое материальное положение от своих».

Это уже в духе Деникина, по-солдатски прямолинейно: моя невеста...

Признания генерала с предложением руки и сердца явились для молодой особы неожиданностью. Генерал Деникин был другом семьи, из поколения ее родителей. Она гордилась расположением к себе боевого генерала, доблесть которого стала широко известна. Но уважать — не значит любить.

Разница между ними 20 лет. А тут еще война, которая, увы, не молодит...

«4 (17) июня 1916.

Наши последние дела попали в печать. Но корреспондентам чуждо понимание спокойной, эпической природы боя. Им нужен анекдот, нужно, чтобы “било в нос”. Обидно читать все это вранье. Печать уважаю, но корреспондентов выпроваживаю».

«5 (18) июня 1916.

Теперь упорный бой с выручающими австрийцев германцами. Мои полки расхвалены, обласканы вниманием всех — уже растет легенда... События — как в калейдоскопе. В течение дня несколько раз испытываешь и радость, и жуть: стрелки отходят... контратака, австро-германцы разбиты, ведут 900 пленных... На правом крыле вновь потеснили... нахлынули.

Вот и сегодня. Еще полдень, и уже трижды менялась обстановка. Но Бог благословляет наше орудие. В конечном результате неизменный и полный успех.

Но сердце... но нервы! Ложатся морщины лишние, седеет голова и светлеет череп. Вы увидите старика».

Генерал не уверен. В лихой штыковой атаке намного легче. А тут любимая увидит старика и что тогда? Разрыв? Подумать страшно! Очень это беспокоит Антона Ивановича.

«10 (23) июня 1916.

Уклад жизни несколько изменился, стал более беспорядочным; спишь не по плану, а когда можно; два раза обедали в 5 и в 6 часов утра. Но с превеликим аппетитом. В общем, по совокупности всех условий боевой обстановки, если не изувечат, вернусь домой совершенно здоровым, но постаревшим на 10 лет против своего возраста. По внешнему виду. Так и знайте...»

На фоне ухудшения здоровья матери все больше волнует и нравственный аспект. Родители Аси не в курсе их отношений.

«...Дома — по-прежнему обстановка тяжелая. Главное — беспросветная. И ничем не поможешь. А в другом... изменить внешние условия жизни не хотят. В первом случае — беспомощен, но во втором — полная возможность. Ведь это какой-то нелепый тупик: я получаю огромное содержание, которое решительно девать некуда, а вы...

Голубка, что родители ваши, знают? И не нужно ли мне написать им несколько слов».

А вот и кульминация.

«...Чем дальше, тем глубже охватывает меня близость к вам, моя любимая, моя радость. Осень жизни... хмурю... осветлила. И согреешь? Да?»

И все же страшно. Любит, а если это кончится? Нет, о войне все же писать проще.

«23 июня (6 июля) 1916.

15-го Бог послал дивизии опять большой успех: прорвал на всем фронте, причем за 15-е и 16-е захватил 5000 пленных (в том числе бригадный и два полковых командира), 12 орудий и т. д. 17-го меня немного потрепали... Но не очень.

Продвинулись вперед. Жилья нет, деревушки сожжены. Штаб перешел в лиственный дремучий лес. Прелестная дача: землянки, построенные австрийцами уютно и даже изящно: скамейки, столы. Не чуждый вкуса мой вестовой поставил мне на стол букет из... ежевики. Жаль только, что дождь по несколько часов в сутки, на темечко с потолка капает вода, а австрийцы, чрезвычайно нервно настроенные (все ждут атаки), мешают спать, всю ночь ведя сильнейший и беспорядочный огонь».

У человека есть то, что никто не может отнять пока он жив, — воспоминания.

«...Помню ли я нашу поездку в Вильно? Очень. Потому что тогда началось то, что я, скрепя сердце, устранил из своей жизни как несбыточную мечту и к чему через 6 лет вернулся».

Шесть лет пытался преодолеть Антон Иванович любовь к юной женщине. Шесть лет старался не думать о Ксении... Но сердцу не прикажешь.

Ксения Васильевна все больше понимает: она любит. Она его любит! Она не отказывает генералу, но просит немного подождать...

Потребовалось несколько недель упорных письменных уговоров, чтобы Ксения Васильевна согласилась стать невестой и навсегда связать свою жизнь с судьбой генерала Деникина.

Летом 1916 года решили — по настоянию Антона Ивановича — венчаться не сразу, а лишь по окончании войны.

И все же он уже начинает строить робкие планы на будущую жизнь.

«8 (21) августа 1916.

Ты хотела бы каску? Сейчас нет, голубчик. Но в данное время против меня чисто германский фронт. В первом же бою снимем с противных варваров пару касок.

Конечно, Александр Михайлович должен жить с нами. И это будет хорошо не только в силу ваших сердечных отношений: его общество мне очень приятно».

Так и случилось: дед Аси прожил с Деникиными до конца жизни.

Итак, Антон Иванович и Ксения Васильевна перешли на «ты». Однако в большинстве случаев и тогда, и во все последующие годы семейной жизни Ксения Васильевна обращалась к Антону Ивановичу на «вы» и называла по имени-отчеству, только иногда, в зависимости от настроения просто «Иванович».

А между тем война грохочет, и Деникин все увереннее шагает к вершинам боевого мастерства и военной карьеры:

«31 августа (13 сентября) 1916.

Дело в том, что я временно командую 8-м корпусом... Разбужен телеграммой, через 2 часа собрался, пролетел на автомобиле и через несколько часов очутился в новом кругу людей, жизни и деятельности. Гораздо более широкой и ответственной.

Обстановка гораздо культурнее; чистые дома, удобства

жизни до... ванны включительно. Но жаль простой, суровой и милой жизни прежней, с которой сроднился за 2 тяжелых года войны...»

6 (19) октября Ася решила переехать из Петербурга к матери и своему отчиму в Шостку. 14 (27) октября телеграмма известила генерала о том, что его мать умирает. Поезд, которым он ехал в Киев, опоздал на три часа. Когда Антон Иванович прибыл домой, его «дорогая старушка» уже полчаса как умерла. Глубокая боль соединилась с пронзительной радостью: приехала Ася, предупрежденная своей матерью, которая ухаживала за больной. После похорон Деникин вернулся на фронт. Он писал своей невесте:

«27 октября (9 ноября) 1916.

Дорогая моя! Последние недели имели огромное значение в моей жизни, проложив резкую грань между прошлым и будущим. Горе и радость. Смерть и жизнь. Конец и начало. Неудивительно, что я вышел несколько из равновесия, выбился из колеи.

Я перечитал твои письма. С грустью и волнением. Провел параллели. Тогда и теперь. Я был прав: писано — воображаемому, а слова сказанные — действительному.

Я слишком глубоко... чувствую. У меня так ясно и понятно — “да”. У тебя — “может быть”. В этом — твоя сила. В этом — моя слабость. Путь опасный. Но я иду без тревоги и колебаний. Потому что не может быть такое большое чувство растоптано. Потому что тогда жизнь стала бы ненужной. А уйти из нее так просто! Но если судьба только несправедлива, но не жестока, если суждено чувству и жизни быть растоптанными, то лучше, чтобы это произошло теперь. Теперь, когда боевая обстановка дает людям неограниченную возможность уйти из жизни со славой и честью.

“Мне вас жалко”. Но это оскорбительно. Ты знаешь: когда 17 лет назад ломалась жизнь, я сказал: “Требую того, что мне принадлежит по праву, а милости не надо”.

Мы отправляемся далеко на юг. Что-то судьба готовит.

На некоторое время круговорот писем и телеграмм будет затруднен. Для меня это большое огорчение.

Желанная моя! Так будет счастье?»

Все те же сомнения. Возрастной барьер... «Да» и «может быть»... Какая огромная разница в этих понятиях. Тем не менее Антон Иванович начинает настаивать на решительных шагах к созданию семьи. Ему хочется иметь родное гнездо. Хотя бы де-факто.

«5 (18) ноября 1916.

Послал сумбурное письмо 27... С 23-го, с небольшими перерывами, в пути. Много часов в купе, один, сам с собой, со своими мыслями. Переживаю памятью... каждое слово, сказанное и недоговоренное. Довольно!

Неприветливая страна (Румыния), неприветливые люди и порядочный хаос.

Как бы я хотел, чтобы твои бросили предрассудки и переехали в Киев. Мне казалось бы тогда, что у меня уже есть свое родное гнездо».

Суровый генерал начинает, в промежутках между боями, мечтать о светлом. О том, что у их с Асей будущих детей на Новый год будет елка.

«23 декабря 1916 (5 января 1917).

24-го, когда Ты будешь возиться с ребятишками возле елки, у меня — сильный бой. Вопрос не только пользы дела, личного самолюбия. Последнее не важно, но чувствительно. Тем более что недоброжелатели не дремлют. Задача большая, сил мало. Ничего, поборемся».

«24 декабря 1916 (6 января 1917).

Добруджу мы оставили. Одна из фатальных страниц наших неудач. Освобождается несколько дивизий противника, которые придут на наш фронт. С утра льет дождь, земля размокла, и масса нашей конницы не в состоянии будет использовать прорыв, который сделали мои войска. Скверно.

Волосы, кажется, все до одного поседел. И что всего страннее — сохраняется хорошее настроение и вера в будущее.

Асенька! Когда у нас будет первая елка для наших ребят? Боже, как это хорошо».

Увы, эта мечта так и осталась мечтою... Вспоминает Марина Антоновна:

«В первый Новый год, который состоялся для единственного ребенка Деникина, не было никакой елки. 24 декабря 1919 г. (мне было десять месяцев) мой отец, командующий Белой армией юга России, не сумев взять Москву, был отброшен к берегам Дона и принял там участие в жесточайших сражениях. 22 декабря писал своей жене, находящейся в 400 км от Ростова, в Екатеринодаре: “Я останусь в Батайске, пока будет необходимо защищать Ростов и Новочеркасск”. Что до моей матери, которая скорбела по своему только что умершему брату Дмитрию, то она не могла думать ни о какой елке...»

Посмотрим и мы. Вспоминает Марина Антоновна:

«Голос крови действительно взял свое, и в сердце Деникина нашлось место для родительской любви. Увы! Моя мать всегда опасалась (впрочем, совершенно напрасно), что это “место” существует за счет любви к ней...»

Какие далеко идущие планы! А кругом война, кровь...

И незримо для всех шла по фронтам за прославленным боевым генералом его невеста, та, которую он ласково называл в письмах: «моя радость», «моя голубка», «моя дорогая». Та, что осветила его безрадостную осень...

Душа Антона Ивановича буквально кричит: *«Моя столь желанная, придет ли когда-нибудь счастье?»*

Счастье услышит и придет. Подарит двадцать девять лет совместной жизни и дочь Марину. Но будет навечно окрашено горем утраты Отчизны...